ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДОРОТИ Л.

СЭЙЕРС



УБИЙСТВО НА ЗАВТРАК

Золотой век английского детектива

Дороти Ли Сэйерс

Убийство на завтрак

«Издательство АСТ»
1957

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Сэйерс Д.

Убийство на завтрак / Д. Сэйерс — «Издательство АСТ», 1957 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-172753-6

В эту книгу вошла вся малая проза Дороти Ли Сэйерс, за исключением рассказов из авторского сборника «Лорд Питер осматривает тело». Помимо уже известного нам лорда Питера Уимзи, в этих рассказах появляется еще один колоритный сыщик-любитель – предприимчивый торговец вином и крепкими напитками Монтегю Эгг. Он не стремится к расследованиям преступлений, однако постоянно попадает в эпицентр событий: то наткнется на труп постоянного клиента, то окажется в баре, где все посетители соответствуют приметам разыскиваемого убийцы, то сядет в поезд, из которого бесследно исчезает подозреваемый в крупной растрате финансист. Вас ждет более тридцати увлекательных и полных сюрпризов историй о крайне необычных преступлениях.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-172753-6

© Сэйерс Д., 1957
© Издательство АСТ, 1957

Содержание

Истории лорда Питера Уимзи 6
Отражение в зеркале 6
Невероятный побег лорда Питера Уимзи 22
Королева всегда стоит на поле своего цвета 39
Жемчужное ожерелье 50
Улика в зубах 57
Где-то совсем в другом месте 66
Шагающая Причуда 76
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Дороти Ли Сэйерс
Убийство на завтрак

Серия «Золотой век английского детектива»

Dorothy L. Sayers
THE COMPLETE STORIES

Перевод с английского *А. Анваера* и *И. Дорониной*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения David Higham Associates Limited и The Van Lear Agency LLC



© The John Anthony Fleming Will Trust, 2002
© Перевод. А. Анваер, 2025
© Перевод. И. Доронина, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Истории лорда Питера Уимзи

Отражение в зеркале

Маленький человек с задорным чубом был так поглощен книгой, что Уимзи не решился востребовать свою собственность – пододвинув другое кресло и поставив стакан рядом на стол, он постарался занять себя данлоповским путеводителем для автомобилистов, который, как обычно, был любезно выложен на одном из столов в комнате отдыха.

Человечек продолжал читать, упершись локтями в ручки кресла и взволнованно склонив голову над текстом. Он тяжело дышал и, когда надо было перевернуть страницу, клал толстый том на колени и переворачивал ее обеими руками. «Завзятым читателем его не назовешь», – подумал Уимзи.

Дойдя до конца рассказа, мужчина вернулся к какому-то фрагменту и очень внимательно перечитал его. Потом положил все еще раскрытую книгу на стол и в этот миг встретился взглядом с Уимзи.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он на кокни[1] довольно высоким голосом, – это ваша книга?

– Не беспокойтесь, – великодушно ответил Уимзи. – Я знаю ее наизусть и прихватил с собой только потому, что ее полезно иметь под рукой, когда застреваешь на ночь в таком месте, как это. В ней всегда можно найти что-нибудь занятное.

– А этот малый, Уэллс, – продолжил его рыжий собеседник, – он, видать, писатель с головой, да? Это ж надо, как он делает все таким настоящим, хотя и есть у него такое, во что ну никак нельзя поверить. Возьмите хоть вот этот рассказ; думаете ли вы, сэр, что такое может и впрямь случиться с человеком – ну, с вами, к примеру… или со мной?

Уимзи вытянул шею, чтобы взглянуть на страницу.

– «История Платтнера», – сказал он. – Это рассказ о школьном учителе, которого взрывом перенесло в четвертое измерение, а когда он вернулся, у него правая и левая стороны поменялись местами. Что ж, нет, я не думаю, что такое может действительно случиться в реальной жизни, хотя, конечно, очень заманчиво поиграть с идеей четвертого измерения.

– Э-э, – произнес мужчина, запнувшись и смущенно взглянув на Уимзи. – Я не очень понял про четвертое измерение. Я и не знал, что есть такое место, но у этого парня все получается так ясно, как будто для ученых тут и сомневаться не в чем. А что касаемо этой правой-левой перемены, так я точно знаю, что это факт. Вы не поверите, но я на своей шкуре испытал.

Уимзи достал портсигар. Маленький человек инстинктивно потянулся к нему левой рукой, потом как будто спохватился и переменил на правую.

– Вот видите. Когда я не слежу за собой, я левша. Как и этот Платтнер. Я пытался переучиться, но без успеха. Да мне было бы и ни к чему, это ж ерунда, на свете полно левшей, и они об этом даже не думают. Да. Только вот я ужасно боюсь: вдруг я не буду знать, что и как делать в этом четвертом измерении или как там его. – Он глубоко вздохнул. – Меня это страшно пугает: кто я есть? Прямо до смерти пугает.

– Почему бы вам не рассказать мне свою историю? – предложил Уимзи.

– Не люблю я рассказывать об этом, потому что люди могут подумать, будто у меня не все дома. Но это жутко действует на нервы. Каждое утро, проснувшись, я думаю: «Чем я там

---

[1] Кокни – диалект английского языка, на котором в основном говорят в восточных районах Лондона и его окрестностей, особенно лондонцы из рабочего и низшего среднего класса Ист-Энда. – *Здесь и далее: примеч. пер.*

занимался ночью? Какое сегодня число – правильное ли оно вообще?» Успокаиваюсь только тогда, когда увижу утреннюю газету, хотя не всегда этого хватает…

Ладно, я расскажу вам, если вы не примете это за докуку или вольность. Все это началось… – Он запнулся и нервно обвел глазами комнату. – Вроде никого. Если можно, сэр, не положите ли вы руку вот сюда на минуту?

Он расстегнул довольно потрепанный жилет и сам прижал ладонь к тому месту, где, согласно анатомической науке, расположено сердце.

– Охотно, – ответил Уимзи.

– Чувствуете что-нибудь?

– Я не совсем понимаю. Что я должен чувствовать? Выпуклость или еще что-то? Если вы имеете в виду пульс, то удобней прощупывать его на запястье.

– О, *тут* он тоже отлично ощущается, – сказал мужчина. – Пощупайте теперь с другой стороны груди, сэр.

Уимзи послушно перенес руку на правую сторону.

– Кажется, здесь я чувствую легкое биение, – сказал он после паузы.

– Вот! Вы же не ожидали, что почувствуете его с этой, а не с другой стороны, правда? В этом-то и дело. У меня сердце находится справа, я хотел, чтобы вы сами в этом убедились.

– Это результат какого-то заболевания? – сочувственно поинтересовался Уимзи.

– Ну, можно и так сказать. Но это еще не все. Печень моя тоже перекочевала не на ту сторону, как и все остальные органы. Я ходил к врачу, и он сказал, что во мне все наоборот. Аппендикс у меня, например, слева – был, пока его не вырезали. Будь мы в другом месте, я бы показал вам шрам. Хирург страшно удивился, когда ему про меня поведали, сказал потом, что ему будет очень неудобно оперировать, придется, мол, превратиться, так сказать, в левшу.

– Да, необычный случай, – согласился Уимзи, – но уверен, что иногда такое случается.

– Только не так, как это случилось со мной. Со мной это произошло во время воздушного налета.

– Воздушного налета? – ошеломленно переспросил Уимзи.

– Да. И если бы это было все, что со мной произошло, я бы смирился и был спокоен. Мне тогда стукнуло восемнадцать, и я только-только был призван. До того я работал в отделе упаковки фирмы Крайтонов – вы наверняка слышали про нее: «Крайтоны – за рекламу, достойную восхищения», – у них офис в Холборне. А моя мать жила в Брикстоне, и я приехал к ней на побывку из учебного лагеря. Повидавшись с несколькими старыми друзьями, я решил закончить вечер походом в кинотеатр «Стойло». Я отправился туда после ужина и, чтоб успеть на последний сеанс, сре́зал дорогу, пройдя от Лестер-сквер через рынок Ковент-Гарден. И вдруг – бабах! Бомба, как мне показалось, упала мне прямо под ноги, и все погрузилось в черноту.

– Наверное, это был тот самый налет, который смел с лица земли Олдхэм?

– Да, это было двадцать восьмое января тысяча девятьсот восемнадцатого года. Так вот, как уже сказал, я полностью отключился. Первое, что помню после этого: я иду где-то среди бела дня, вокруг меня – зеленая трава, деревья и какой-то водоем сбоку. Я понятия не имею, как попал туда и что это за место, как будто на Луне оказался.

– Боже мой! – сказал Уимзи. – И вы думаете, что это было четвертое измерение?

– Нет, это был Гайд-парк, я сообразил это, когда у меня чуть-чуть мозги прочистились. Я шел вдоль Серпантина[2], на берегу стояла скамейка, на которой сидели несколько женщин, неподалеку играли дети.

– Взрыв нанес вам какие-нибудь травмы?

[2] Небольшое искусственное озеро в Гайд-парке. Получило свое название из-за изогнутой, змееобразной формы (от *англ.* – змея).

– Ничего такого, что бы я увидел или почувствовал, если не считать больших синяков на бедре и на плече – как будто меня к чему-то прижало. Я был слегка ошарашен. Воздушный налет выпал у меня из памяти, и я понятия не имел, как там очутился и почему я не на работе в «Крайтоне». Посмотрел на часы, но они стояли. Мне хотелось есть, я нащупал в кармане какие-то деньги, их было гораздо меньше, чем я думал. Но мне необходимо было что-нибудь пожевать, поэтому я вышел из Гайд-парка через Мраморную арку[3] и пошел в «Лайонз»[4]. Там я заказал два яйца-пашот на тостах и чайник чаю и в ожидании еды взял газету, которую кто-то оставил на стуле. Это меня доконало. Последнее, что я помнил, – это как я шел в кино двадцать восьмого января, но на газете стояла дата тридцатое января! Из моей жизни выпали целый день и две ночи!

– Это был шок для вас, – предположил Уимзи.

– Шок? Да, наверное. Я был до смерти напуган. Девушка, которая принесла мой заказ, наверняка подумала, что я чокнутый, потому что я спросил у нее, какой сегодня день недели, и она ответила: «Пятница». Значит, никакой ошибки не было.

Не буду долго задерживаться на этом, потому что это далеко еще не конец. Я кое-как впихнул в себя еду и отправился к врачу. Он спросил меня, что последнее я помню перед провалом памяти. Я сказал про кино, а он спросил, был ли я на улице во время налета. И тут я вспомнил про бомбу, но больше – ничего. Он сказал, что это нервный срыв, в результате которого я частично утратил память, что такое часто случается и я не должен тревожиться. А потом он захотел меня осмотреть, чтобы проверить, нет ли у меня травм, стал прослушивать через стетоскоп и вдруг говорит: «Вот так-так, мой дорогой, сердце-то у вас справа!» А я ему: «Неужели? Первый раз об этом слышу».

Ну, осмотрел он меня очень дотошно, сказал то, что я уже вам говорил: что у меня внутри все наоборот, – и стал расспрашивать про мою семью. Я сказал ему, что я – единственный ребенок, что мой отец умер – попал под грузовик, когда мне было всего десять лет, – что я живу с матерью в Брикстоне и все такое. Он признался, что я необычный случай, но заверил, что волноваться не о чем. Несмотря на то что все органы во мне расположены не с той стороны, здоровье у меня крепкое. Он велел мне идти домой и день-другой просто отдохнуть.

Я так и сделал, почувствовал себя вполне хорошо и думал, что все наконец закончилось, хотя свой отпуск я просрочил, и пришлось по возвращении объясняться с командиром полка учебной подготовки. Несколько месяцев спустя учеба закончилась, и перед тем как нас должны были отправить на фронт, я поехал попрощаться с матерью. И вот сижу я, пью кофе в Зеркальном зале отеля «Корнер-Хаус» на Стрэнде, вы наверняка знаете его, он расположен внизу.

Уимзи кивнул.

– Вокруг огромные зеркала, и в ближайшем я замечаю молодую даму, которая улыбается мне так, будто мы знакомы. Ну, я ничего не понимаю, так как никогда раньше ее не видел, поэтому не обращаю внимания, решив, что она обозналась. И хоть я был еще очень молод, уже понимал, какого сорта эта женщина, а мать воспитала меня в строгости. Отвернувшись, я снова принялся за свой кофе, но вдруг где-то совсем рядом услышал голос:

«Привет, Рыжий. Не хочешь поздороваться?»

Я поднял голову. Это была та самая дама. Довольно хорошенькая, если бы не была так размалевана.

«Боюсь, – сказал я холодно, – вы ошиблись, мисс».

«Ах, Рыжий, ах, мистер Дакуорти, и это после ночи прошлой среды!» – у нее была насмешливая манера разговаривать.

---

[3] Мраморная арка – триумфальная арка, стоящая возле Ораторского уголка в Гайд-парке на западном конце Оксфорд-стрит.

[4] Основанная в 1887 году компания J. Lyons & Co – доминировавшая на рынке британская сеть ресторанов, производитель продуктов питания и владелец гостиничного конгломерата.

Я не удивился, что она называет меня Рыжим – как еще девушкам называть парня с такими волосами, как у меня? – но, когда она с легкостью назвала мою фамилию, тут уж я разволновался не на шутку.

«Вы, кажется, думаете, что мы знакомы, мисс?» – сказал я.

«А вы так не думаете?» – ответила она.

Эх, не надо было мне дальше углубляться. Судя по тому, что она сказала, мы познакомились как-то вечером, и она пригласила меня к себе домой. А что напугало меня больше всего, так это то, что, по ее словам, случилось это в ночь большого воздушного налета.

«Это *точно* были вы, – сказала она, несколько озадаченно вглядываясь в меня. – Ну разумеется, вы. Как только я увидела вас в этом зеркале, моментально узнала».

Конечно, я не мог сказать, что этого не было. Я знал о том, где был и что делал, не больше новорожденного младенца. Но это меня страшно расстроило, потому что в то время я был невинным юношей, еще не встречавшимся с девушками, и считал, что если я совершил что-то подобное, то должен об этом знать. К тому же, сэр, мне казалось, что я не получил сполна за свои деньги.

Под каким-то предлогом я отделался от дамы, не переставая думать о том, что еще я мог наворотить. Она утверждала, будто я ушел от нее утром двадцать девятого, после чего она обо мне больше ничего не знала, поэтому мне оставалось только гадать, не натворил ли я еще каких-нибудь глупостей.

– Очень может быть, – сказал Уимзи и нажал на кнопку звонка. Когда явился официант, он заказал напитки на двоих и приготовился выслушать окончание рассказа о приключениях мистера Дакуорти.

– Впрочем, я не придал этому особого значения, – продолжил его собеседник. – Мы уехали на фронт, за границу, и там я первый раз в жизни увидел труп, увернулся от первого в жизни осколка снаряда, вырыл свою долю окопов, так что у меня и времени-то не было на так называемую интроспекцию.

Следующая странная вещь случилась со мной в Ипре, где я служил в боевом дивизионе связи. Там, под Кодри, я получил ранение, когда мы наступали после битвы при Камбре[5]. Подорвавшись на мине, я пролежал без сознания, наполовину погребенный, наверное, около суток. Придя в себя, я, с отвратительной дыркой в плече, побрел незнамо куда и не представляя, по какую сторону фронта нахожусь. Кто-то перевязал мне рану, но этого я не помнил. Бродил я долго, не зная где, пока случайно не наткнулся на санбат. Там мне обработали рану и отправили в главный госпиталь. У меня был сильный жар, и следующее, что я помню, – это как я уже лежу на больничной койке, а рядом стоит медсестра. На соседней койке кто-то спал. Я заговорил с тем раненым, который лежал за ним, он мне рассказал, где я нахожусь, и тут вдруг тот, с соседней койки, проснулся и говорит: «Господи, да это же та самая паршивая рыжая свинья! Что ты сделал с моими вещами?»

Меня все равно что обухом по голове огрели. Клянусь, я никогда в глаза не видел этого человека. Но он продолжал нападать на меня и поднял такой шум, что прибежала медсестра посмотреть, что происходит. Все раненые сидели в своих кроватях и прислушивались – еще бы! Такое развлечение.

В результате вот что я понял со слов этого малого: якобы он сидел в одной воронке с парнем, за которого меня принимал. Они с этим парнем немного поговорили, а потом, когда он совсем ослабел и стал беспомощным, тот тип забрал у него деньги, часы, револьвер, бог знает что еще и смылся с награбленным. Мерзкая, грязная история, и я не мог винить своего соседа за то, что он устроил такой скандал, если, конечно, он говорил правду. Я отвечал и стоял на том,

[5] Битва при Камбре́ (20 ноября – 7 декабря 1917 г.) – крупномасштабное наступление британских войск против германской армии во время Первой мировой войны на Западном фронте у французского города Камбре.

что то был не я, а какой-то другой человек, которого звали так же. Но он настаивал, что узнал меня, что мы с ним провели в воронке целый день и он запомнил каждую черточку на моем лице, поэтому ошибиться не мог. Тем не менее этот скандалист сказал, что служил в такой-то дивизии, а я, предъявив документы, доказал, что служу совсем в другой. В конце концов парень извинился и признал, что, вероятно, ошибся. Так или иначе, через несколько дней он умер, и все сошлись на том, что он был немного не в себе. Но дело в том, что наши дивизии воевали бок о бок в том бою и, вполне возможно, смешивались. Впоследствии я даже пробовал искать своего двойника в их дивизии, но меня отослали домой на поправку. Однако прежде чем я окончательно восстановился, было подписано перемирие, и я выкинул все из головы.

После войны я вернулся на старую работу, все начинало утрясаться. Когда мне исполнился двадцать один год, я обручился с хорошей скромной девушкой и считал, что все у меня прекрасно. А потом в один день все пошло прахом. К тому времени матушка моя умерла, и я жил один в съемной комнате. Как-то раз я получил письмо от моей суженой, она писала, что видела меня в воскресенье в Саут-Энде, что с нее довольно и между нами все кончено.

По несчастливому совпадению, из-за внезапно свалившегося на меня гриппа я не смог повидаться с ней в те выходные. Очень горько, скажу я вам, валяться больным в чужом доме и не иметь никого, кто мог бы за тобой приглядеть. Можно помереть в одиночестве, никто и не узнает. Пустая комната в съемной квартире, никакого ухода и ни души рядом, а было мне очень худо. Но невеста моя заявила: раз, мол, она своими глазами видела меня с другой, она не желает слышать никаких оправданий. Разумеется, я поинтересовался, что *она* делала без меня в Саут-Энде, и это было последней каплей. Она вернула мне кольцо, и, как говорится, тема была исчерпана.

Но меня тревожила одна мысль: откуда мне в моем полубредовом состоянии знать, не был ли я на самом деле в Саут-Энде? Я считал, что лежу больной в своей комнате, но видел все как в тумане. А зная, что я вытворял прежде… Четких воспоминаний у меня не было ни о том ни о другом – только лихорадочные сны. Мне смутно припоминалось, будто я часами где-то бродил. Я думал, что это горячка, но ведь я мог ходить во сне, такое же бывает. У меня не было реальных доказательств ни того ни другого. Мне было очень тяжело вот так вмиг потерять невесту, но я бы справился с этим, если бы не боялся сам себя и того, что у меня голова не в порядке.

Можете считать это глупостью, мол, просто меня иногда путали с моими однофамильцами, которые случайно оказывались еще и похожими на меня. Но сейчас я кое-что вам расскажу.

Приблизительно в то же время мне начали сниться ужасные сны. Один и тот же образ преследовал меня в них: тот самый, который пугал меня в детстве. Моя мама, хоть и была женщиной строгой, любила время от времени ходить в кино. Разумеется, в те времена фильмы не были такими, как теперь, сейчас те старые картины наверняка показались бы нам весьма топорными, но тогда они производили на нас большое впечатление. Когда мне было лет семь-восемь, мама взяла меня с собой на фильм, название которого я помню даже сейчас – «Студент из Праги». Сюжет я забыл, но это была костюмированная драма о студенте университета, который продал душу дьяволу, и однажды его отражение само собой вышло из зеркала и стало совершать ужасные преступления, чтобы все думали, что их совершает студент. Кажется, суть была в этом, хотя подробности я забыл – столько лет прошло. Но чего я никогда не забуду, так это ужаса, который я испытал, когда фигура вышла из зеркала. Это было так страшно, что я начал кричать и биться в истерике, в конце концов маме пришлось вывести меня из зала. Этот кошмар годами преследовал меня во сне. Мне снилось, что я смотрюсь в зеркало, такое же, как было в том фильме, потом подхожу ближе к нему, вытянув левую руку, и вижу, как я сам иду себе навстречу, вытянув правую руку. И как раз в тот момент, когда мы должны встретиться, мое отражение – это был самый жуткий момент – поворачивается ко мне спиной

и уходит обратно в глубину зеркала, ухмыляясь через плечо. Тут-то меня вдруг и осеняет: тот, в зеркале – настоящий, а *я* – только его отражение. Я бросаюсь за ним в зеркало, но все вокруг меня становится серым, затягивается туманом, и, взмокший от ужаса, я просыпаюсь.

– Чрезвычайно неприятно, – сказал Уимзи. – Эта легенда о доппельгангере[6] – одна из старейших и наиболее распространенных, она меня всегда ужасала. Когда я был маленьким, у моей няни была любимая шутка, которая меня страшно пугала. Если во время прогулки кто-нибудь спрашивал ее, не встретили ли мы кого-то, она всегда отвечала: «О нет, никого лучше нас самих мы не встретили». Я, бывало, топал за ней, боясь каждого угла, из-за которого, как мне казалось, может выскочить и наброситься на нас такая же пара, как мы сами. Разумеется, я бы предпочел умереть, чем рассказать кому бы то ни было о своем страхе. Странные существа – эти дети.

Маленький человек задумчиво кивнул.

– Так вот, – продолжил он, – в то время, о котором я рассказываю, этот ночной кошмар вернулся ко мне. Поначалу он мучил меня лишь изредка, но интервалы начали сокращаться, и в конце концов сон стал приходить каждую ночь. Не успевал я закрыть глаза, как передо мной возникало высокое зеркало, а в нем – надвигавшееся на меня ухмыляющееся отражение с простертыми руками, как будто оно хотело схватить меня и втащить к себе. Иногда я в ужасе просыпался на этом месте, а иногда сон продолжался, и я часами бродил по странному миру: везде туман и полумрак, все стены изогнуты, как в картине про доктора Калигари[7]. Это называется лунатизмом. Сколько раз я просиживал ночи напролет, боясь заснуть. Запирал дверь своей спальни и прятал ключ, потому что не знал, что́ могу натворить во сне. Но потом я прочел в какой-то книге, что лунатики запоминают места, в которых что-то спрятали, когда еще бодрствовали. Так что это было бесполезно.

– Почему вы не разделили с кем-нибудь комнату?

– Разделил. – Он замялся. – У меня появилась женщина, очень славная. Кошмары прекратились. Три года я жил в блаженном покое. Я очень любил эту девушку. Просто обожал. А потом она умерла.

Он одним глотком допил свой виски и сморгнул слезу.

– Инфлюэнца. Потом пневмония. Это меня сломило. Она была такая красивая… Я снова остался один. Мне было плохо. И сны вернулись. Они стали еще хуже. Я подумывал о том, чтобы… Впрочем, теперь это неважно.

И вот однажды кошмар пришел ко мне средь бела дня.

В обеденный перерыв я шел по улице Холборн – я продолжал работать в «Крайтоне», стал уже начальником отдела упаковок и хорошо зарабатывал. Помню, день был отвратительно хмурым и сырым: моросил дождь. Я хотел постричься. Барбершоп находился в южной части улицы, надо было свернуть в узкий проход и дойти до конца, там имелась зеркальная дверь с поперечной надписью на ней золотыми буквами. Вы наверняка видели такие.

Я свернул в проход. В нем горел свет, поэтому все было довольно хорошо видно. Дойдя до зеркала, я увидел, как из него мне навстречу выходит мое отражение, и меня вмиг накрыло то самое чувство ужаса, которое я испытывал во сне. Я сказал себе, что все это чушь, и протянул руку, чтобы открыть дверь, – левую руку, потому что ручка находилась с той стороны и потому что я, как вы помните, был левшой, если не задумывался об этом.

---

[6] Доппельгангер – в литературе эпохи романтизма это двойник человека, воплощающий темную сторону его личности. Его появление зачастую предвещает смерть героя. Эту тему разрабатывали в своем творчестве многие выдающиеся писатели: Гофман, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Эдгар По, Диккенс и другие.

[7] «Кабинет доктора Калигари» – немецкий немой фильм ужасов (1920), рассказывающий историю безумного гипнотизера, который использует сомнамбулу для совершения убийств. В фильме используется причудливый визуальный стиль с наклоненными под необычными углами, изогнутыми конструкциями и пейзажами.

Отражение, конечно же, протянуло правую руку – ну, в этом ничего удивительного нет, – я увидел себя в своей старой фетровой шляпе и плаще-барберри, но лицо!.. Боже милостивый! Оно ухмылялось, прямо как во сне, а потом вдруг, тоже как во сне, отражение повернулось ко мне спиной и пошло прочь от меня, оглядываясь через плечо.

Я оперся рукой о дверь, она открылась, я споткнулся о порожек и упал внутрь. Дальше ничего не помню. Очнулся я в собственной постели, надо мной склонялся врач. Он сказал, что я упал в обморок на улице. При мне было несколько писем с моим адресом, поэтому меня привезли домой.

Я все рассказал врачу, и он порекомендовал мне сменить работу и больше бывать на свежем воздухе, потому что я нахожусь в крайне нервозном состоянии.

В «Крайтоне» ко мне отнеслись исключительно доброжелательно: перевели на должность инспектора по уличной рекламе. Ну, знаете: ездить по другим городам, проверять состояние рекламных щитов, смотреть, не повреждены ли где-нибудь постеры, не размещена ли реклама в неподходящем месте, и обо всем докладывать. Мне даже выделили «морган» для служебных разъездов. Я и сейчас там работаю.

Кошмары стали сниться реже. Но еще случались. И вот всего несколько ночей назад приснился один из худших. Я преследовал дьявола – свое другое «я» – и догнал его. Мы отчаянно боролись в каком-то темном незнакомом месте. Я чувствовал его горло под своими сжимающимися пальцами… я убивал себя.

Это приснилось мне в Лондоне. В Лондоне мне всегда хуже. Потом я приехал сюда…

Теперь вы понимаете, почему меня так заинтересовала эта книга? Четвертое измерение… Я никогда ничего про него не слышал, а этот парень, Уэллс, похоже, знает о нем все. Вот вы человек образованный. Наверняка учились в колледже и все такое. Что вы об этом думаете?

– Знаете, я бы сказал, что, скорее всего, ваш врач был прав – нервы, – ответил Уимзи.

– Да, но это не объясняет того факта, что я совершаю поступки, о которых потом ничего не помню, правда? Вот вы говорите – легенда. А некоторые думают, что в Средние века люди об этом немало знали. Я не говорю, что верю в дьявола, но, может, тогда люди страдали так же, как я? Разумно предположить, что, если бы было по-другому, они бы так много об этом не говорили, правда? Но что бы мне действительно хотелось узнать, так это – существует ли способ избавиться от такой напасти? Поверьте, она – как камень на моей душе. Но, наверное, я этого никогда не узнаю.

– Я бы на вашем месте так не тревожился, – сказал Уимзи. – Я бы проводил много времени на свежем воздухе. Женился бы – тогда было бы кому контролировать ваше поведение. И тогда, возможно, кошмары снова ушли бы.

– Да. Да. Я думал об этом. Но… Вы читали на днях о человеке, который во сне задушил свою жену? А теперь представьте, что я… Что может быть ужасней? Эти кошмары…

Он тряхнул головой и задумчиво уставился на огонь. После недолгого молчания Уимзи встал и пошел в бар. Хозяйка, официант и девушка за барной стойкой, сдвинув головы, читали вечернюю газету, оживленно что-то обсуждая, но, заслышав шаги Уимзи, тотчас замолчали.

Десять минут спустя Уимзи вернулся в комнату отдыха. Маленький мужчина ушел, забрав дорожный плащ, который висел на спинке стула. Уимзи поднялся в свой номер. Там он медленно, задумчиво переоделся в пижаму и халат, достал из кармана плаща «Ивнинг ньюс» и стал очень внимательно изучать заметку на первой полосе. Наконец он, похоже, принял какое-то решение, потому что встал и осторожно открыл дверь. Коридор был пустым и темным.

Уимзи включил фонарик и тихо пошел, глядя под ноги. Напротив одной из дверей он остановился, разглядывая пару ботинок, ожидающих чистки. Затем осторожно попробовал открыть дверь. Она была заперта. Он осторожно постучал.

Из двери показалась голова.

– Можно мне войти на минутку? – шепотом спросил Уимзи.

Маленький мужчина отступил назад, Уимзи вошел.

– Что случилось? – удивился мистер Дакуорти.

– Я хочу с вами поговорить, – ответил Уимзи. – Вы ложитесь обратно в постель, потому что это займет кое-какое время.

Хозяин номера посмотрел на него с испугом, но сделал так, как ему сказали. Уимзи запахнул полы халата, покрепче вставил монокль и присел на край кровати. Несколько минут он молча смотрел на мистера Дакуорти, потом сказал:

– Послушайте, сегодня вы рассказали мне чрезвычайно странную историю, но почему-то я вам поверил. Вероятно, это свидетельствует только о том, какой я осел, но таким уж я уродился, так что поздно сокрушаться. Добродушная, доверчивая натура, так сказать. Вы видели сегодняшнюю вечернюю газету?

Он всунул «Ивнинг ньюс» в руку мистера Дакуорти и внимательней прежнего уставился на него через монокль.

На первой полосе была фотография, а под ней – заметка, набранная жирным шрифтом и для пущей важности заключенная в рамку:

> *Полицейские Скотленд-Ярда разыскивают человека, изображенного на этой фотографии, найденной в сумке мисс Джесси Хейнес, чей труп (задушена) был найден на территории Барнс-Коммон[8] в прошлый четверг утром. На обратной стороне фотографии есть надпись: «Д. Х. от Р. Д., с любовью». Всех, узнавших мужчину на фотографии, просим немедленно связаться со Скотленд-Ярдом или любым полицейским отделением.*

Мистер Дакуорти, прочитав заметку, так побледнел, что Уимзи подумал: сейчас у него будет обморок.

– Ну? – спросил он.

– О господи, сэр! Вот и свершилось. – Взвыв, он отбросил газету, плечи у него затряслись. – Я всегда подозревал, что рано или поздно что-то в этом роде может случиться. Но клянусь жизнью, что я об этом ничего не знаю.

– Но это вы, правильно?

– Фотография моя, да. Только я *понятия не имею,* как она к ним попала. Я не фотографировался уже сто лет, слово даю, разве что один раз вместе со всеми служащими нашего отдела в «Крайтоне». Но я же говорил вам, сэр, что у меня бывают моменты, когда я не помню, что делал. Это факт. Богом клянусь.

Уимзи исследовал портрет черточку за черточкой.

– У вас нос – простите, что упоминаю об этом, – чуточку изогнут вправо; на фотографии – так же. Левое верхнее веко слегка опущено. Это тоже правильно. На лбу слева ясно видна небольшая выпуклость, если только это не дефект печати.

– Нет! – Мистер Дакуорти отвел в сторону взъерошенный вихор. – Она некрасивая и очень бросается в глаза, поэтому я прикрываю ее волосами.

С отброшенными назад вихрами сходство Дакуорти с портретом обозначилось еще очевидней.

– Еще у меня рот кривоватый.

– Точно. Немного скошен влево. На лице вашего типа это даже симпатично: похоже на улыбку уголком рта. Но видал я и лица, на которых она выглядела зловеще.

Мистер Дакуорти ответил слабой кривой усмешкой.

---

[8] Барнс-Коммон – природный заповедник на юго-востоке Лондона.

– Вы знали эту девушку, Джесси Хейнес?

– Нет, сэр, во всяком случае в здравом уме – нет. Никогда о ней не слышал, пока, конечно, не прочел в газете об убийстве. Задушена! Боже милостивый! – Он вытянул руки вперед и скорбно уставился на них. – Что мне делать? Если бы удалось сбежать…

– Не выйдет. Вас узнали в баре. Наверное, полиция будет здесь через несколько минут. Нет-нет, – возразил Уимзи, когда Дакуорти сделал попытку встать с постели, – не делайте этого. Это бесполезно и только навлечет на вас новые несчастья. Помолчите и ответьте на мои вопросы. Во-первых, вы знаете, кто я? Нет, конечно, откуда? Моя фамилия Уимзи, лорд Питер Уимзи…

– Тот самый детектив?

– Если вам угодно так это называть. Теперь скажите: где вы жили в Брикстоне?

Дакуорти назвал адрес.

– Ваша мать умерла. У вас есть другие родственники?

– Была тетушка. Она жила где-то в Суррее, кажется. Тетя Сьюзен, так я ее называл. Но я не видел ее с тех пор, как был еще ребенком.

– Она замужем?

– Да… Ну да, она же миссис Сьюзен Браун.

– Хорошо. В детстве вы были левшой?

– Да, сначала был, но мать меня переучила.

– Но этот рефлекс вернулся после авианалета. Вы в детстве чем-нибудь болели? Ну, так, чтобы пришлось обращаться к врачу.

– Когда мне было года четыре, я переболел корью.

– Фамилию врача не помните?

– Меня положили в больницу.

– Ну да, конечно. А имя парикмахера с улицы Холборн не припомните?

Вопрос был настолько неожиданным, что у мистера Дакуорти в голове все перемешалось, но после некоторого раздумья он сказал, что того звали то ли Биггз, то ли Бриггз.

Уимзи задумался на минуту, потом сказал:

– Думаю, это все. Нет, еще один вопрос: как ваше имя?

– Роберт.

– И вы клянетесь, что, насколько вам известно, не имеете к этому делу никакого отношения?

– Насколько мне известно, как вы сказали, не имею. В *этом,* – ответил маленький человек, – я готов поклясться чем угодно. О боже! Если бы только у меня было алиби! Это мой единственный шанс. Я так боюсь, что *мог* это сделать… Как вы думаете, меня за это повесят?

– Нет, если вам удастся доказать, что вы об этом ничего не знали, – сказал Уимзи. Он не стал добавлять, что даже в этом случае его новый знакомец, возможно, проведет остаток жизни в Бродмуре[9].

– Знаете, – ответил мистер Дакуорти, – если я обречен всю жизнь ходить и убивать людей, сам того не ведая, то гораздо лучше действительно повесить меня – и дело с концом. Как ужасно думать об этом.

– Да, но вполне вероятно, что вы этого не делали.

– Надеюсь. Я даже уверен в этом… Что это? – всполошился Дакуорти, услышав шум.

– Думаю, полиция, – непринужденно ответил Уимзи. Когда раздался стук в дверь, он встал и приветливо сказал:

– Войдите.

Хозяин, вошедший первым, был огорошен присутствием Уимзи.

---

[9] Бродмур – психиатрическая больница строгого режима в Кроуторне, Беркшир.

– Входите-входите, – гостеприимно пригласил тот. – Входите, сержант, входите, офицер. Чем можем быть вам полезны?

– Только, если можно, не поднимайте шума, – попросил хозяин.

Полицейский сержант, игнорируя всех, прошагал к кровати и встал перед съежившимся мистером Дакуорти.

– Это тот самый человек, – сказал он. – Итак, мистер Дакуорти, извините за поздний визит, но, как вы могли видеть в газетах, мы ищем человека, похожего на вас, и тут уж не до церемоний. Мы хотим…

– Я этого не делал! – безумно закричал мистер Дакуорти. – Я об этом ничего не знаю…

Офицер вынул из кармана блокнот и записал: «Стал оправдываться (“Я этого не делал”) прежде, чем ему задали вопрос».

– А мне кажется, что знаете, – сказал сержант.

– Разумеется, знает, – подхватил Уимзи. – Мы тут немного поболтали об этом – неофициально.

– Вы поболтали, вот как? А кто вы, собственно, такой… *сэр*? – последнее слово он произнес так, словно его силой вытянули из него волшебным действием монокля.

– Прошу прощения, – сказал Уимзи, – в данный момент у меня нет при себе визитной карточки. Я лорд Питер Уимзи.

– О, в самом деле? А могу я вас спросить, милорд, что *вы* знаете об этом деле?

– Можете, и я могу ответить, если захочу. Об убийстве я не знаю абсолютно ничего. О мистере Дакуорти знаю только то, что он мне рассказал, и ничего более. Наверняка он и вам все это расскажет, если вы вежливо попросите его. Только без допроса третьей степени, сержант, без сэвиджизма[10].

После столь неприятного напоминания сержант раздраженно сказал:

– Это моя обязанность спросить его, что он знает о деле.

– Совершенно с вами согласен, – поддержал его Уимзи. – А его обязанность как законопослушного гражданина ответить вам. Но сейчас глубокая ночь. Почему бы не подождать до утра? Мистер Дакуорти не сбежит.

– Я в этом не уверен.

– О! Зато я уверен. И обязуюсь предоставить его в ваше распоряжение, когда пожелаете. *Так* идет? Полагаю, вы не предъявляете ему никаких обвинений?

– Пока нет, – неохотно согласился сержант.

– Превосходно. Вопрос разрешен ко всеобщему согласию и удовольствию. Как насчет того, чтобы выпить?

Сержант довольно грубо отказался от любезного предложения.

– За рулем? – сочувственно поинтересовался Уимзи. – Жаль. Или больные почки? Печень?

Сержант не ответил.

– Что ж, мы были счастливы познакомиться, – продолжил Уимзи. – Увидимся утром. Мне предстоит спозаранку возвращаться в город, но по дороге я загляну в полицейский участок. А мистера Дакуорти вы найдете здесь, в комнате отдыха. Тут вам будет удобней разговаривать, чем у вас. Вам пора идти? Что ж, всем доброй ночи.

---

[10] Уимзи имеет в виду инцидент, случившийся в 1928 году. Сэр Лео Мани, который в конце Первой мировой войны был министром правительства, гулял в Гайд-парке с дамой по имени Ирэн Сэвидж. Ответ на вопрос, что между ними случилось, зависит от отвечающего, но, по мнению некоего историка-обществоведа, это был «весьма целомудренный поцелуй». Однако этого хватило, чтобы констебль задержал их и обвинил в непристойном поведении. Магистрат прекратил дело в связи с малозначительностью, однако поведение сэра Лео раздражило полицию (он позвонил министру внутренних дел прямо из полицейского участка), и в результате Ирэн Сэвидж допрашивали в течение пяти часов без положенного присутствия полицейской. Это вызвало бурю негодования в парламенте, полицию критиковали за «чрезмерное рвение», и правила обращения с женщинами-подозреваемыми были изменены.

Позднее, выпроводив полицейских из гостиницы, Уимзи вернулся к мистеру Дакуорти.

– Слушайте, – сказал он, – я поеду в город и сделаю все, что смогу. Первым делом утром пришлю вам адвоката. Расскажете ему все, что вы рассказали мне, а полицейским говорите только то, что он разрешит вам сказать, и ни слова больше. Помните: они не имеют права заставить вас говорить что бы то ни было или везти вас в участок до тех пор, пока не предъявят вам обвинения. Если они его предъявят, езжайте спокойно и ничего не говорите. И что бы ни случилось, не вздумайте бежать. Если побежите – вам конец.

Уимзи прибыл в город к полудню следующего дня и тотчас отправился на улицу Холборн искать барбершоп. Найти его не составило труда. Как и сказал мистер Дакуорти, он находился в конце узкого прохода и имел высокую зеркальную дверь, поперек которой золотыми буквами было выведено: «Бриггс». Уимзи с отвращением уставился на собственное отражение.

– Проверка номер один, – пробормотал он, автоматически поправляя галстук, – водят ли меня за нос, или речь идет о тайне четвертого измерения? «Четыре по четыре заходят звери в дверь. Верблюд застрял, ни тпру ни ну; что делать нам теперь? *Да здравствует компания!*»[11] – промурлыкал он и подумал: «Есть нечто в высшей степени неприятное в том, чтобы делать из себя верблюда: он может много дней обходиться без воды, и его манера вести себя за столом вызывает вопросы. Однако нет сомнений, что эта дверь сделана из зеркала. Интересно, так было всегда? Ну давай уже, Уимзи, входи. Бриться второй раз за день – этого я не вынесу. Наверное, придется постричься».

Он толкнул дверь, не спуская глаз со своего отражения, чтобы оно не выкинуло с ним какой-нибудь фортель.

Из его оживленного и затрагивавшего многие темы разговора с парикмахером лишь один фрагмент достоин упоминания.

– Давно я здесь у вас не бывал, – сказал Уимзи. – За ушами, пожалуйста, покороче. Вы, кажется, сменили оформление?

– Да, сэр. Выглядит довольно стильно, не правда ли?

– Зеркало на входной двери тоже новшество?

– О нет, сэр. Оно тут было с тех пор, как мы купили это помещение.

– Вот как? Значит, я не был здесь дольше, чем думал. А три года назад оно уже было?

– Да, сэр. Помещение принадлежит мистеру Бриггсу уже десять лет.

– И дверь всегда была зеркальной?

– Да, сэр.

– Тогда меня подводит память. Подкрадывается старческое слабоумие. «Всё, всё исчезло, старые вехи забыты»[12]. Нет-нет, спасибо, если уж я седею, буду седеть с достоинством. И сегодня не надо никаких тоников для волос, благодарю. Нет, и электрического гребня не нужно. Шоков мне и без того хватило.

Тем не менее что-то его тревожило. Тревожило настолько, что, выйдя на улицу, он прошел по ней несколько ярдов в обратную сторону и вдруг, пораженный, остановился, увидев стеклянную дверь кондитерской. Она тоже располагалась в конце темного прохода, и поперек нее тоже было написано золотыми буквами «Кондитерская Бриджет», только здесь дверь была просто стеклянной. Уимзи постоял несколько секунд, глядя на нее, потом вошел, но к чайным столикам не направился, а обратился к кассирше, сидевшей в маленькой стеклянной кабинке сразу за дверью.

---

[11] Старинная детская песенка о зверях, которых ведут в Ноев ковчег. Припев «Да здравствует компания» взят из другой детской песенки.

[12] Отсылка к стихотворению Чарлза Лэмба «Знакомые старые лица»; Уимзи меняет «лица» на «вехи».

Взяв быка за рога, он спросил, не помнит ли юная леди, при каких обстоятельствах мужчина упал в обморок на пороге их кондитерской несколько лет тому назад.

Кассирша работала в этой кондитерской всего три месяца и не могла ответить на его вопрос, но сказала, что одна из официанток может помнить тот случай. Подозвали одну из них, и та, подумав, сказала, что, пожалуй, припоминает что-то в этом роде. Уимзи поблагодарил ее, назвался журналистом – что, видимо, должно было служить оправданием странности вопросов – расстался с полукроной и удалился.

Следующий визит он нанес в Кармелит-Хаус[13]. У Уимзи были друзья во всех газетных редакциях на Флит-стрит, поэтому он без труда добрался до помещения, где хранился фотоархив и где ему выдали для просмотра оригинал портрета «Р. Д.».

– Ваша работа? – спросил он у фотографа.

– Нет. Прислали из Скотленд-Ярда. А что? Что-нибудь не так?

– Нет, все в порядке. Просто я хотел узнать имя автора этого снимка, вот и все.

– А! Ну, придется вам спросить у них там. Могу я еще чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо.

Со Скотленд-Ярдом у него проблем не было. Главный инспектор Паркер был близким другом Уимзи. В результате его недолгого «расследования» имя фотографа было выяснено и стояло в нижней части оттиска. Уимзи тотчас же отправился на поиски фотостудии, где его собственное имя без промедления обеспечило ему интервью с хозяином.

Как он и думал, Скотленд-Ярд побывал там раньше него, и почти вся полученная информация – впрочем, весьма малозначительная – уже была в его распоряжении. Фотография сделана два года назад, и никто ничего не помнил о «модели». Это было маленькое заведение, промышлявшее производством быстрых дешевых портретов без претензий на художественную изысканность.

Уимзи попросил, чтобы ему показали негатив, который после долгих поисков удалось найти. Он тщательно изучил его, потом положил на стол и достал из кармана экземпляр «Ивнинг ньюс», в которой этот снимок был напечатан.

– Взгляните сюда, – сказал он.

Хозяин посмотрел на фотографию, потом – снова на негатив.

– Черт побери, – воскликнул он. – Это странно.

– Фотографию печатали под увеличителем, как я понимаю, – сказал Уимзи.

– Да. Должно быть, негатив был неправильно вставлен в него. Догадываюсь, как это произошло. Знаете, сэр, нам часто приходится спешить, чтобы уложиться в сроки, полагаю, из-за спешки и была допущена небрежность. Я непременно разберусь.

– Сделайте мне правильный отпечаток, – попросил Уимзи.

– Да, сэр, конечно. Сию минуту распоряжусь.

– И еще один пошлите в Скотленд-Ярд.

– Да, сэр. Странно, что такое случилось именно с этим снимком, правда, сэр? Удивительно, что заказчик ничего не заметил. Но мы обычно снимаем в трех-четырех ракурсах, может, он просто не обратил внимания?

– Знаете, если у вас есть негативы, где он запечатлен в других ракурсах, распечатайте их для меня тоже.

– Я уже искал, сэр, но других нет. Скорее всего, этот отобрали, а другие уничтожили. Мы не храним отбракованные негативы, у нас места нет. А три такие фотографии я немедленно прикажу сделать.

– Да, пожалуйста, – сказал Уимзи. – И чем скорее, тем лучше. Используйте быструю сушку. И ничего не делайте с отпечатками: никакой ретуши и исправлений.

---

[13] Офисное здание, в котором расположены редакции многих изданий, находится в двух минутах ходьбы от Флит-стрит.

– Хорошо, сэр. Вы получите их не позже чем через два часа. Но удивительно, что заказчик не предъявил жалобу.

– Ничего удивительного, – возразил Уимзи. – Возможно, он подумал, что на этой фотографии он больше всего похож на себя. Так оно и есть для него. Видите ли, это единственное изображение его лица, какое он когда-либо видел. Эта фотография лица с поменявшимися местами правой и левой сторонами – то, что он видит в зеркале каждый день, единственное лицо, которое он может узнать как свое. «Ах, если б у себя могли мы / увидеть все, что ближним зримо»[14], – и так далее.

– Наверняка так и есть, сэр. Премного благодарен, что указали на ошибку.

Уимзи повторил просьбу поторопиться и отбыл. Далее последовал короткий визит в Сомерсет-хаус[15], после чего он счел свои дела законченными и отправился домой.

Поиски в Брикстоне, по адресу, названному мистером Дакуорти, и в близлежащих районах в конце концов навели на след людей, которые знали его и его мать. Пожилая дама, которая держала на этой улице зеленную лавку последние сорок лет, помнила о них все. У нее была энциклопедическая память, какая бывает у многих почти безграмотных людей, и она ничуть не сомневалась в дате их появления.

– Через месяц будет тридцать два года как они сюда приехали, – сообщила она. – Точнехонько на Михайлов день. Она была хорошенькой молодой женщиной, а моя дочь, которая тогда ждала первенца, не могла налюбоваться на ее очаровательного малыша.

– Значит, мальчик родился не здесь?

– Нет, сэр. Он родился где-то на южной стороне, но, помню, она никогда не говорила, где именно – только что где-то в районе Нью-Ката. Она была из тихих и неразговорчивых, держалась особняком. Даже моей дочери, с которой у нее был повод поболтать, почти ничего не рассказывала о том, как пережила тот трудный момент. Говорила, мол, дали ей хлороформ, и она больше ничего не помнит, но я думаю, что роды у нее прошли тяжело и поэтому она не любила о них вспоминать. Ее муж, очень славный человек, говорил мне: «Не напоминайте ей об этом, миссис Харботтл, не надо». Уж не знаю, то ли она была напугана, то ли осложнение какое случилось, а только детей у них больше не было. «Господи, милая, – повторяла я ей бывало, – когда у тебя девять детишек, как у меня, привыкаешь рожать». А она только улыбалась, но мальчик так и остался ее единственным ребенком.

– Полагаю, девять детей – действительно достаточно, чтобы привыкнуть, – сказал Уимзи, – но *вам* это ничуть не пошло во вред, миссис Харботтл, если позволите заметить: вид у вас на удивление цветущий.

– Я забочусь о своем здоровье, сэр, хотя пополнела по сравнению с тем, какой была в молодости. Девять детишек, знаете ли, сказываются на фигуре. Глядя на меня сейчас, сэр, вы не поверите, что в юности талия у меня была восемнадцать дюймов. Сколько раз моя бедная матушка рвала шнурки, когда, упершись коленом мне в спину, затягивала их, пока я стояла, держась за столбик кровати.

– Красота требует жертв, – вежливо ответил Уимзи. – Сколько было малышу, когда миссис Дакуорти переехала в Брикстон?

– Три недели, сэр… такой лапушка… и уже такая шевелюра! Сначала волосики у него были черными, а потом стали ярко-рыжими, как морковка. Они не были такими красивыми,

---

[14] Роберт Бёрнс. Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы. Перевод С. Маршака.

[15] Сомерсет-хаус – общественное здание в стиле классицизма, занимающее целый квартал между Стрэндом и Темзой. Когда-то служил для размещения различных правительственных учреждений, чиновников Адмиралтейства, ученых сообществ, отдельных факультетов университета и т. д. В течение большей части XX века основными обитателями величественного здания были налоговые службы. Сейчас здание входит в первую двадцатку самых посещаемых художественных музеев мира.

как у его матери, хотя почти не отличались по цвету. Лицом он не был на нее похож, да и на отца тоже. Она говорила, что он пошел в кого-то из ее родни.

– А вы когда-нибудь видели кого-нибудь из ее родственников?

– Только ее сестру, миссис Сьюзен Браун. Она была долговязая, суровая женщина с тяжелым лицом – не то, что ее сестра. И жила она в Ившеме, я это хорошо помню, потому что в то время покупала там зелень. Теперь уж зелень в пучки не вяжут. А миссис Сьюзен Браун очень напоминала стебель травы: негнущаяся, тонкая, с маленькой головкой.

Уимзи соответствующим образом отблагодарил миссис Харботтл и сел на ближайший поезд до Ившема. Он уже начинал задумываться: куда еще приведут его поиски, но к великому своему облегчению обнаружил, что миссис Сьюзен Браун – известная в городе личность: она являлась столпом прихода местной методистской церкви и глубокоуважаемой персоной.

Дама все еще сохраняла прямую осанку. Гладкие темные волосы были разделены на прямой пробор и туго затянуты в узел на затылке. Широкие бедра и узкие плечи. Она приняла Уимзи с суровой учтивостью, но заявила, что о своем племяннике ничего не знает. Его намек на то, что тот находится в сложном и даже опасном положении, похоже, ее не удивил.

– У него плохая наследственность, – сказала она, – моя сестра Хетти была не в меру мягка с ним.

– Ну, – сказал Уимзи, – не всем дано иметь сильный характер, хотя те, кто его имеет, могут гордиться. Я не хотел бы докучать вам, мадам, и, зная, что склонен к многоречивости, поскольку принадлежу отчасти к слабой стороне, перейду непосредственно к делу. В реестре Сомерсет-хауса я прочел, что ваш племянник Роберт Дакуорти родился в Саутуорке у Альфреда и Хестер Дакуорти. Вообще там замечательная система, но люди есть люди, и иногда она дает сбои.

Она положила морщинистые ладони одну поверх другой на край стола, и Уимзи заметил тень, пробежавшую в ее проницательных темных глазах.

– Если я вас не слишком напрягаю, скажите, пожалуйста, под каким именем был зарегистрирован второй?

Руки вздрогнули, но она ответила ровным голосом:

– Я вас не понимаю.

– Мне ужасно неловко. Я всегда объясняюсь невнятно. Родились мальчики-близнецы, так? Какое имя дали второму мальчику? Мне очень стыдно, что я вам докучаю, но это в самом деле весьма важно.

– Что заставило вас предположить, что родились близнецы?

– О, я не предполагаю. Я не посмел бы беспокоить вас ради предположения. Я знаю, что у вашего племянника был брат-близнец. Могу даже с некоторой долей уверенности сказать, что с ним сталось…

– Он умер, – поспешно перебила она.

– Не люблю пререкаться, – сказал Уимзи, – пререкания всегда выглядят некрасиво, но он не умер. Он жив по сей день. Мне нужно узнать только его имя, понимаете?

– И с какой стати я должна вам что-то рассказывать, молодой человек?

– Потому что, – ответил Уимзи, – прошу простить меня за упоминание о предмете, неприятном для рафинированного вкуса – произошло убийство, и ваш племянник Роберт – подозреваемый. Так случилось, что я узнал: на самом деле убийца – брат Роберта. Вот почему я хочу его поймать, понимаете? И для меня было бы большим облегчением – по природе своей я человек добродушный, – если бы вы помогли мне его найти. Потому что, если вы этого не сделаете, я буду вынужден обратиться в полицию, и тогда вам придется свидетельствовать в суде, а я бы не хотел – искренне не хотел бы – видеть вас в свидетельской ложе на процессе об убийстве. Но если мы сможем быстро поймать брата, ваши с Робертом имена вообще не всплывут в связи с этим делом.

Миссис Браун несколько минут молчала, раздумывая, потом сказала:

– Что ж, ладно, я расскажу.

– Конечно, человеку, знающему о необычном расположении внутренних органов мистера Дакуорти, все очевидно, – рассказывал Уимзи старшему инспектору Паркеру несколько дней спустя.

– Безусловно, безусловно, – согласился Паркер. – Нет ничего проще. Но все равно вам почему-то очень не хочется рассказывать мне, как вы пришли к такому выводу, а мне необходимо обладать всей полнотой информации. Скажите, у одного из пары близнецов обязательно наблюдается транспозиция внутренних органов? И всегда ли человек с транспозицией происходит из пары близнецов?

– И да, и нет. Вернее, нет и да. Разнояйцевые близнецы, а иногда и однояйцевые, могут быть совершенно нормальными. Но в отдельных случаях однояйцевые близнецы, рождающиеся в результате расщепления одной яйцеклетки, *могут* появляться на свет как зеркальные отражения друг друга. Зависит от линии деления клетки. Этого можно добиться искусственно на примере головастиков с помощью конского волоса.

– Я буду записывать, чтобы суметь потом гладко изложить, – серьезно сказал Паркер.

– Я где-то читал, что человек с транспозицией внутренних органов практически всегда является одним из двух однояйцевых близнецов. Поэтому, пока бедный Р. Д. бубнил про «Студента из Праги» и четвертое измерение, я все ждал появления брата-близнеца.

Произошло, очевидно, вот что. В семье Дартов было три сестры: Сьюзен, Хестер и Эмили. Сьюзен вышла замуж за человека по фамилии Браун, Хестер – за Дакуорти, а Эмили осталась незамужней. По причудливой случайности, которыми так изобилует жизнь, единственной из сестер, способной к деторождению, оказалась Эмили. Видимо, в порядке возмещения ущерба, причиненного двум сестрам, природа одарила третью близнецами. Когда катастрофа должна была вот-вот разразиться, Эмили (разумеется, брошенная отцом детей) призналась во всем сестрам, поскольку родителей уже не было в живых. Сьюзен была мегерой, а кроме того, она вышла замуж за человека, который был выше ее по положению в обществе, а посему неуклонно карабкалась по социальной лестнице за счет благих дел. Она произнесла несколько нравоучительных цитат и умыла руки. Хестер же была доброй душой. Она пообещала усыновить ребенка, когда он родится, и воспитать как своего. Итак, роды состоялись, но, как я уже сказал, младенцев оказалось двое.

Для Дакуорти это было немного чересчур. Он согласился на одного ребенка, однако на двойню не рассчитывал. Хестер было позволено взять одного ребенка и опять же по душевной доброте она выбрала того, который выглядел слабее. Это и был наш Роберт – близнец с транспозицией органов. Другого Эмили пришлось оставить, и, как только достаточно окрепла, она перекочевала с ним в Австралию, после чего о ней не было ни слуху ни духу.

Своего близнеца Эмили записала на свою фамилию Дарт и при крещении назвала Ричардом. Роберт был зарегистрирован как ребенок Хестер Дакуорти – тогда еще не было всех этих утомительных требований документального подтверждения факта рождения врачом и акушеркой, так что каждый мог поступать по своему усмотрению. Дакуорти, уже втроем, переехали в Брикстон, где все считали Роберта законным маленьким Дакуорти. Так появились «Роберт и Ричард – двое славных мужей»[16].

Скорее всего, Эмили умерла в Австралии, и Ричард, тогда пятнадцатилетний подросток, сумел добраться до Лондона. Уже тогда он, похоже, не был хорошим мальчиком. Два года спустя их с братцем Робертом дорожки пересеклись, а начало всему положил эпизод с воздушным налетом.

[16] Первые строки старинной детской песенки.

Хестер могла знать о транспозиции органов Роберта, а могла и не знать. В любом случае *ему* никто об этом не сказал. Полагаю, шок от взрыва способствовал тому, что к нему в полной мере вернулся естественный рефлекс левши, а также возникла новая реакция на шоковые ситуации – временная амнезия. Все это вместе взятое так терзало его, что он становился все более рассеянным, подавленным и даже впадающим в сомнамбулическое состояние.

Я склонен думать, что Ричард каким-то образом узнал о существовании брата-близнеца и решил обернуть открытие в свою пользу. Это объясняет центральный эпизод с зеркалом. Вероятно, Роберт перепутал стеклянную дверь кондитерской с зеркальной дверью барбершопа, и Ричард вышел ему навстречу из кондитерской как его отражение, после чего скрылся так быстро, что его никто не заметил. Обстоятельства, разумеется, сложились в его пользу, но эта встреча имела место, а то, что в пасмурный сырой день на обоих были мягкие шляпы и плащи-барберри, неудивительно.

Дальше – фотография. Без сомнения, изначальная ошибка была допущена фотографом, но я не удивлюсь, если Ричард воспользовался ею и выбрал нужную фотографию с дальним прицелом. Хотя это, конечно, подразумевает, что ему было известно о зеркальной транспозиции органов у Роберта. Не знаю, как он мог это узнать, но возможности для расследования у него были. Об этом знали, например, в армии, и слух мог распространиться. Но на этом пункте я не настаиваю.

Есть одна странная вещь: то, что Роберту приснилась сцена удушения в ту самую ночь, когда Ричард расправился с Джесси Хейнес. Говорят, что идентичные близнецы всегда находятся в необъяснимой связи друг с другом, например, что каждый из них знает, о чем думает другой, подхватывают одинаковые болезни в один и тот же день, – есть много и других проявлений этой связи. В нашей паре Ричард был сильнее и, возможно, доминировал над Робертом. Я так думаю. Точно не знаю. Хотя не исключено, что все это вздор. Главное – что вы сняли с Роберта все подозрения.

– Да. Как только мы получили ключик, все остальное уже не представляло трудностей.

– Что ж, давайте прогуляемся до «Кри»[17] и по-своему «потрудимся» там.

Уимзи встал и поправил галстук перед зеркалом.

– И все же, – сказал он, – в зеркалах есть нечто странное. Немного сверхъестественное. Вы так не думаете?

[17] «Кри» – сокращ. от «Критерий» (*англ.* Criterion). Роскошный ресторанный комплекс, выходящий на площадь Пикадилли. Один из старейших ресторанов в мире, памятник архитектуры. Построен архитектором Томасом Верити в неовизантийском стиле в 1873 году.

Невероятный побег лорда Питера Уимзи

– Тот дом, сеньор? – переспросил Доминик, хозяин маленькой гостиницы. – Это дом американского врача, у которого жену, да хранят нас святые угодники, заколдовали. – Он осенил себя крестным зна́мением, его жена и дочь последовали его примеру.

– Заколдовали? Неужели? – сочувственно сказал Лэнгли. Он был профессором, специалистом в области этнологии и не впервые предпринимал путешествие в Пиренеи. Однако он никогда еще не забирался в такие отдаленные места, как эта крохотная деревушка, прилепившаяся к скале, словно густой плющ, укрывший израненные гранитные плечи горы. Лэнгли собирал здесь материал для книги по баскскому фольклору. Действуя с деликатностью, он рассчитывал уговорить старика рассказать ему свою историю.

– И каким образом? – спросил он. – Кто-то навел на нее чары?

– Кто знает? – ответил хозяин, пожав плечами. – Кто задает вопросы в пятницу, будет погребен в субботу. Соизволит ли ваша честь отужинать?

Лэнгли понял намек. Настаивать значило натолкнуться на глухое молчание. Позже, когда они узнают его получше, может быть…

Ужинать его пригласили за семейный стол, там его ждало жирное, сильно перченое жаркое, к которому он уже хорошо приспособился, и грубое красное местное вино.

Хозяева свободно болтали с ним на своем странном баскском языке, родственных которому нет в мире и на котором, как утверждают некоторые, изъяснялись наши праотцы в раю. Они говорили о тяжелой зиме, о юном, сильном и быстром, как пелота[18], Эстебане Арраманди, на которого свалилась скальная глыба, и теперь он хромает на костылях, о трех отменных козах, которых уволок медведь, о проливных дождях, которые после засушливого лета размыли обнаженные горные хребты. Дождь шел и теперь, неприятно завывал ветер. Это не пугало Лэнгли, он знал и любил эту населенную призраками, непроницаемую для чужака страну в любое время года. Сидя в незатейливой деревенской гостинице, он с улыбкой вспоминал обшитый дубовыми панелями зал своего колледжа в Кембридже, и глаза его счастливо блестели за стеклами «академического» пенсне. Несмотря на профессорское звание и следовавшую за его именем вереницу сокращений, означающих ученые степени, он был молодым человеком. Его университетским коллегам казалось странным, что одетый с иголочки, чопорный, не по возрасту солидный человек проводит каникулы, питаясь чесноком и карабкаясь на муле по опасным горным тропам. «Глядя на него, ни за что не подумаешь», – говорили они.

Раздался стук в дверь.

– Это Марта, – сказала жена хозяина.

Она отодвинула засов и открыла дверь, в дом ворвался порыв ветра с дождем, от которого затрепетали язычки пламени на свечах. Маленькую пожилую женщину словно вдуло ветром из темноты, ее седые пряди выбились из-под накинутой на голову шали.

– Заходи, Марта, передохни. Ненастная выдалась ночь. Сверток у нас, да. Доминик привез его утром из города. Но прежде чем возвращаться, ты должна выпить стаканчик вина или чашку молока.

Старушка поблагодарила и, отдуваясь, села за стол.

– Как дела в доме? Доктор здоров?

– Он здоров.

– А *она*? – дочка хозяев задала вопрос шепотом, и отец, нахмурившись, укоризненно покачал головой.

[18] Пелота – жесткий мяч диаметром 6,5 см для одноименной игры, являющейся национальным баскским видом спорта.

– Как всегда в это время года. До Дня мертвых остался всего месяц. Иисус-Мария! Какое страшное несчастье для бедного джентльмена, но он такой терпеливый, такой терпеливый.

– Хороший он человек, – сказал хозяин, – и врач отменный, но такое зло и ему не под силу одолеть. Тебе там не страшно, Марта?

– Чего мне бояться? *Мне* нечистая сила вреда причинить не может. У меня нет ничего, на что *он* мог бы позариться: ни красоты, ни силы, ни ума. И святые мощи оберегают меня.

Она потрогала морщинистыми пальцами что-то, спрятанное на груди под платьем.

– Вы пришли из того дома? – спросил Лэнгли, указав на жилище врача.

Она подозрительно посмотрела на него.

– Сеньор не здешний?

– Джентльмен – гость, Марта, – поспешно объяснил Доминик, – ученый из Англии. Он знает нашу страну и говорит на нашем языке, как ты слышишь. Он бывалый путешественник, как и американский врач, твой хозяин.

– Как зовут вашего хозяина? – поинтересовался Лэнгли. Ему пришло в голову, что в американском враче, который похоронил себя в этом богом забытом уголке Европы, должно быть что-то необычное. Может, он тоже этнолог? Если так, у них могло бы найтись что-то общее.

– Его зовут Уэзеролл. – Ей пришлось повторить фамилию несколько раз, прежде чем он понял ее.

– Уэзеролл? Не Стэндиш Уэзеролл? – Лэнгли чрезвычайно разволновался.

Хозяин пришел ему на помощь.

– Вот этот сверток – для него, – сказал он. – На нем наверняка написано полное имя.

Это был небольшой сверток, тщательно опечатанный, с этикеткой лондонской химической фирмы, адресованный «Стэндишу Уэзероллу, эсквайру, доктору медицины».

– Боже милостивый! – воскликнул Лэнгли. – Как удивительно. Почти чудо. Я знаю этого человека. И жену его я знал…

Он оборвал себя, потому что все присутствовавшие снова осенили себя крестным знамением.

– Скажите, – спросил он, в сильном волнении забыв о предосторожности, – вы сказали, что его жена заколдована… одержима. Как это произошло? Это та женщина, которую я знал? Высокая, красивая, с золотыми волосами и голубыми глазами, как мадонна. Это она?

Воцарилась тишина. Хозяйка покачала головой и что-то неразборчиво пробормотала, но дочь шепнула:

– Правильно, точно так. Один раз мы видели ее такой, как описал джентльмен…

– Помолчи, – велел ей отец.

– Сэр, – сказала Марта, – все мы в руках Божьих.

Она встала и укуталась в шаль.

– Одну минуту, – попросил Лэнгли. Он достал блокнот и написал несколько строк. – Не отнесете ли вы эту записку вашему хозяину, доктору? Я просто пишу, что нахожусь здесь, что мы были когда-то дружны, и спрашиваю, можно ли мне его навестить. Вот и все.

– Вы же не собираетесь идти в тот дом, ваше сиятельство? – с ужасом прошептал хозяин.

– Если он не сможет меня принять, возможно, он сам меня навестит. – Лэнгли дописал еще несколько слов и достал из кармана монету. – Вы ведь передадите ему мою записку, Марта?

– Конечно, конечно. Только сеньор должен быть осторожен. Может, сеньор, хоть и чужеземец, но истиной веры?

– Я христианин, – ответил Лэнгли.

Судя по всему, это удовлетворило Марту. Она взяла записку и деньги, спрятала их вместе со свертком в какой-то потайной карман и направилась к выходу походкой быстрой и твердой, несмотря на согбенные плечи и старческий вид.

Лэнгли терялся в догадках. Ничто не удивило бы его больше, чем упоминание имени Стэндиша Уэзеролла в таком месте. Кто угодно, только не он! Лэнгли считал, что тот эпизод его жизни окончен и забыт более трех лет назад. Блестящий хирург в расцвете лет, в зените успешной карьеры и Элис Уэзеролл, изящное златовласое воплощение женственности, – в этом затерянном углу мира! Его сердце забилось чаще при мысли, что он снова увидит ее. Три года назад он решил, что будет благоразумней пореже лицезреть фарфоровую прелесть этой женщины. То безумие теперь прошло, но и сейчас он не мог представить себе Элис иначе, чем на фоне огромного белого дома на Риверсайд-драйв, с павлинами и бассейном во дворе, с позолоченной башней и садом на крыше. Уэзеролл был человеком богатым, сыном автомобильного магната, старика Хайрема Уэзеролла. Что же он делает в этой глуши?

Он попытался вспомнить. Как ему было известно, Хайрем Уэзеролл умер, и все его наследство перешло Стэндишу, поскольку других детей у него не было. Неприятности в семье возникли, когда его единственный сын женился на девушке-сироте без роду и племени. Он привез ее «откуда-то с запада». Ходили слухи, что он нашел ее, всеми забытую сиротку, за несколько лет до того и то ли спас, то ли вылечил от чего-то. Будучи тогда еще начинающим врачом, он оплатил ее образование. А позднее, когда ему уже перевалило за сорок, а девушке было семнадцать, он привез ее домой и женился на ней.

И вот теперь, оставив дом, деньги и одну из самых успешных врачебных практик в Нью-Йорке, он переселился в Страну Басков – в край, столь отдаленный, что люди здесь все еще верили в черную магию и с трудом складывали несколько слов на варварском французском или испанском, в край, нецивилизованный даже по сравнению со своим примитивным окружением. Лэнгли начинал жалеть, что написал Уэзероллу. Ему это может не понравиться.

Хозяин с женой ушли присмотреть за стадом. Их дочь сидела у очага, что-то латала, не глядя на него, но у Лэнгли создалось отчетливое ощущение, что ей хочется поговорить.

– Скажи мне, детка, – мягко обратился он к девочке, – что за беда свалилась на тех людей, которые, возможно, являются моими друзьями?

– О! – Она быстро взглянула на него и наклонилась в его сторону, вытянув руки на колеях. – Сэр, будьте осторожны. Не ходите туда. В это время года никто не остается в этом доме, кроме Томазо, у которого с головой плохо, и старухи Марты, которая…

– Которая – что?

– Ну, или святая, или наоборот, – поспешно закончила фразу девочка.

– Детка, – снова сказал Лэнгли, – эта дама, когда я знал ее…

– Я вам расскажу, – поспешно перебила его девочка, – но только не говорите моему отцу. Добрый доктор привез ее сюда три года назад в июне, тогда она была такой, как вы рассказываете. Красивой. Она смеялась и болтала на своем языке, потому что не знала ни испанского, ни баскского. Но в ночь накануне Дня мертвых… – Она перекрестилась.

– Дня всех святых, – мягко поправил Лэнгли.

– Ну да. Я не знаю, что случилось, но ею завладела Тьма. Она переменилась. Оттуда стали такие крики доноситься – не описать. И мало-помалу она стала такой, какая сейчас. Никто ее не видит, кроме Марты, а Марта разве что расскажет? Но люди говорят, будто то, что там сейчас живет, вовсе и на женщину не похоже.

– Она сошла с ума? – спросил Лэнгли.

– Это не сумасшествие. Это… колдовство. Вот послушайте. Два года тому назад на Пасху… Это там не мой отец?

– Нет-нет.

– Светило солнце, с долины дул ветер. Весь день мы слышали звон церковных колоколов. Вечером раздался стук. Отец открыл дверь. На пороге стояла женщина, похожая на Пресвятую Богородицу, бледная, как на иконе в церкви, и с голубым покровом на голове. Она что-то говорила, но мы ничего не могли понять. Она плакала, воздевала руки к небу и показывала на

тропинку, что в долину ведет. Отец пошел в конюшню седлать мула. Мне тогда вспомнилось бегство от злого царя Ирода. А потом… появился американский доктор. Он, видать, быстро бежал, потому как запыхался. И, увидев его, она вся съежилась.

Мощная волна возмущения захлестнула Лэнгли. Если этот человек жестоко обращается с женой, надо срочно что-то делать. Девочка поспешно продолжила свой рассказ:

– Он сказал… Иисус-Мария!.. Он сказал, что его жену заколдовали. В разгар Пасхи дьявол лишился своей власти, и она попыталась сбежать. Но как только Пасхальная неделя кончится, заклятье снова падет на нее, поэтому ее опасно отпускать одну. Мои родители ужасно испугались, что и они прикоснулись к злу, поэтому принесли святой воды и обрызгали все, в том числе мула, только нечистая сила, знать, вселилась уже в бедное животное, потому как оно лягнуло моего отца так, что он целый месяц хромал. Американец забрал жену, и мы больше никогда ее не видели. Даже старуха Марта редко видит ее. Но каждый год нечистая сила то прибывает, то слабеет. Хуже всего бывает в канун Дня святых, а легче всего – на Пасху. Не ходите в тот дом, сеньор, если дорожите своей душой! Тс-с! Они возвращаются.

Лэнгли хотелось еще порасспрашивать девочку, но хозяин бросил на нее быстрый подозрительный взгляд, и, взяв свечу, Лэнгли отправился спать. Ему снились волки, длинные, гибкие, черные, бегущие на запах крови.

На следующий день пришел ответ на его письмо:

Дорогой Лэнгли,

да, это я, и, разумеется, я прекрасно Вас помню. Буду несказанно рад, если Вы придете и скрасите наше затворничество. Боюсь, Вы найдете Элис изменившейся, но о нашем несчастье я расскажу Вам при встрече. Наш быт несколько ограничен в силу определенных суеверий, кои заставляют местных жителей избегать нас, но, если Вы придете около половины восьмого, мы сможем накормить вас скромным обедом. Марта покажет Вам дорогу.

Стэндиш Уэзеролл,

сердечно.

Дом доктора был маленьким и старым, он находился на уступе горного склона на полпути к вершине. Горный ручей, невидимый, но шумный, бежал сверху где-то рядом, эхо разносило по округе его рокот. Лэнгли последовал за своей проводницей в сумеречную квадратную комнату с огромным очагом в глубине и придвинутым к нему креслом с «ушами»[19]. Пробормотав какие-то извинения, Марта уковыляла, оставив его стоять посреди комнаты в полумраке. Языки пламени в очаге то вскидывались вверх, то опадали, отбрасывая блики на стены. Когда глаза его привыкли к темноте, он увидел, что в середине комнаты накрыт стол, а по стенам развешены картины. Одна из них тронула знакомую струну в его сердце. Он подошел ближе и узнал портрет Элис, который в последний раз видел в Нью-Йорке. Он был написал Сарджентом[20] в порыве вдохновения. Прелестное, словно дикий цветок, женское лицо с искрометной жизнерадостной улыбкой, казалось, склонялось к нему с холста.

Вдруг прогоревшее полено в очаге разломилось и упало, рассыпав искры. Вспышка света и треск как будто потревожили что-то; Лэнгли услышал – или ему показалось, что услышал, – легкое движение в кресле перед огнем. Он сделал шаг вперед и остановился. Видно ничего не было, но шум усилился: какое-то низкое звериное ворчание, чрезвычайно неприятное на слух. Это точно не была ни кошка, ни собака. Звуки были чавкающие, слюнявые и производили

[19] «Ушами» называются загибы внутрь на спинке кресла, которые изначально предназначались для защиты от сквозняков.

[20] Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник-экспатриант, считавшийся «ведущим портретистом своего поколения» за воплощение роскоши эдвардианской эпохи.

тошнотворное впечатление, за ними последовало какое-то хрюканье, взвизгивание, и наступила тишина.

Лэнгли попятился к двери. Он не сомневался, что в комнате есть нечто, с чем ему совсем не хотелось встречаться. Его охватило интуитивное желание бежать, но остановило появление Марты, которая принесла большую старомодную лампу. За Мартой следовал Уэзеролл, бодро приветствовавший его.

Знакомый американский акцент рассеял сгустившуюся было вокруг Лэнгли тревожную атмосферу. Он со всей сердечностью ответил на рукопожатие старого друга.

– Невероятно встретить *вас здесь,* – сказал он.

– Мир тесен, – ответил тот. – Боюсь, это прозвучит банально, но я очень рад видеть вас, – добавил он с чувством.

Поставив лампу на стол, старуха спросила, можно ли подавать обед. Уэзеролл ответил на смеси испанского и баскского, которую она, судя по всему, хорошо понимала.

– Я не знал, что вы знаток баскского, – заметил Лэнгли.

– Научаешься, когда живешь в окружении людей, которые ни на каком другом языке не говорят. Но вы-то точно специалист по Стране Басков, если не ошибаюсь.

– О да.

– Рискну предположить, что вам о нас рассказывали много странного. Но обсудим это позже. Несмотря ни на что, мне удалось обустроить здесь все достаточно комфортно, хотя я не возражал бы против некоторых более современных удобств. Впрочем, нас наш дом устраивает.

Пользуясь случаем, Лэнгли промямлил что-то, осведомляясь о миссис Уэзеролл.

– Элис? Ах да, вы же ее еще не видели, я и забыл. – Уэзеролл посмотрел на него тяжелым взглядом, как бы с полуулыбкой. – Мне следует вас предупредить. В старые времена вы ведь были поклонником моей жены.

– Как и все, – сказал Лэнгли.

– Безусловно. Ничего удивительного в этом не было, не так ли? А вот и обед. Оставь все, Марта, я позвоню, когда мы будем готовы.

Старуха поставила блюдо на стол, красиво сервированный хрусталем и серебряными приборами, и вышла. Уэзеролл, боком, не сводя странного взгляда с Лэнгли, подошел к очагу и обратился к креслу.

– Элис! Вставай, дорогая, и поприветствуй своего старого поклонника. Пойдем. Вам обоим будет очень приятно снова встретиться. Вставай.

Что-то зашевелилось и заскулило среди подушек. Уэзеролл склонился едва ли не с нарочитой учтивостью и поднял это что-то на ноги. Еще миг – и *оно* обратило лицо к Лэнгли в свете лампы.

Существо было одето в шикарное платье из золотистого шелка с кружевами, измятое, сморщенное, оно облегало толстую сутулую фигуру. Лицо было бледное и одутловатое, взгляд пустой, рот приоткрыт, из опущенных уголков его стекали тоненькие струйки слюны. К наполовину облысевшему черепу липли пучки сухих волос цвета ржавчины, словно мертвые пряди на голове мумии.

– Подойди, любовь моя, – сказал Уэзеролл, – поздоровайся с мистером Лэнгли.

Существо моргнуло и произвело несколько нечеловеческих звуков. Уэзеролл продел руку ему под мышку, и оно медленно протянуло безжизненную лапку.

– Ну вот, она вас узнала, видите? Я так и думал. Пожми ему руку, моя дорогая.

С подступившей тошнотой Лэнгли пожал вялую руку. Она была влажная и шершавая на ощупь, Лэнгли не почувствовал ни малейшего ответного пожатия. Он отпустил ладонь, и рука, задержавшись на миг в воздухе, безвольно упала вдоль тела.

– Я боялся, что вы расстроитесь, – сказал Уэзеролл, наблюдая за его реакцией. – Я-то постепенно привык, конечно, и это не действует на меня так, как на постороннего. Хотя вы и

не совсем посторонний… даже вовсе не посторонний, правда? *Преждевременное старческое слабоумие* – так это называется ненаучно. Если вы раньше такого не видели, это шокирует. Кстати, вам нет нужды следить за своими словами. Она ничего не понимает.

– Как это случилось?

– Я сам толком не знаю. Это надвигалось постепенно. Естественно, я консультировался с лучшими специалистами, но ничего нельзя было сделать. Тогда мы приехали сюда. Я не хотел, чтобы это происходило дома, где все нас знают. И я против всяких санаториев. Элис – моя жена, как говорится, «в болезни и в здравии, в горе и в радости» и так далее. Давайте ужинать, все стынет.

Он подвел к столу жену, чей затуманенный взгляд, казалось, немного оживился при виде еды.

– Садись, милая, и поешь, это вкусно. Видите, *это* она понимает. Вы ведь простите ее за манеры, которые никак не назовешь изысканными, но и к ним можно привыкнуть.

Он повязал ей на шею салфетку и поставил перед ней еду в глубокой тарелке. Она жадно набросилась на нее, пуская слюни, быстро запихивая куски в рот руками, пачкая лицо подливой.

Уэзеролл отодвинул для гостя стул напротив жены. Испытывая отвращение, Лэнгли тем не менее не мог отвести от нее взгляда.

Еда – что-то вроде рагу из дичи – была отменно приготовлена, но у Лэнгли пропал аппетит. Все это напоминало надругательство над бедной женщиной и над ним самим. Ее место находилось точно под собственным портретом, и он все время беспомощно переводил взгляд с одного лица на другое.

– Да, – сказал Уэзеролл, проследив за его взглядом. – Разница имеется, не так ли? – Сам он ел с аппетитом и явно наслаждался происходящим. – Природа иногда играет с нами злые шутки.

– Она всегда такая?

– Нет. Сегодня у нее плохой день. Временами она бывает почти человеком. Местные, разумеется, не знают, что и думать об этом, поэтому сочинили собственное объяснение очень простого медицинского феномена.

– Есть хоть какая-то надежда на выздоровление?

– Боюсь, что нет. На устойчивое улучшение уж точно. Но вы ничего не едите?..

– Я… Знаете, Уэзеролл, для меня это шок.

– Разумеется. Попробуйте бургундского. Мне бы не следовало вас приглашать, но возможность побеседовать с образованным собратом-ученым, признаюсь, оказалась непреодолимым искушением.

– Все это, должно быть, ужасно для вас.

– Я смирился. Ай-ай-ай, так неприлично, дорогая! – Слабоумная вывернула полмиски еды на стол. Уэзеролл терпеливо привел все в порядок и продолжил:

– Мне легче переносить это здесь, в диком месте, где все кажется возможным и ничто не представляется неестественным. Все мои родственники умерли, поэтому ничто не препятствовало мне поступить так, как я счел нужным.

– Конечно. А что с вашей собственностью в Штатах?

– Время от времени я езжу туда присмотреть за делами. Как раз в следующем месяце должен отплыть. Рад, что вы застали меня здесь. Разумеется, там никто не знает о нашем несчастье. Считается, что мы просто живем в Европе.

– А с американскими врачами вы консультировались?

– Нет. Когда обнаружились первые симптомы, мы были в Париже. Это случилось вскоре после того вашего визита к нам. – Мгновенная вспышка эмоций, коим Лэнгли не мог подобрать

определения, на короткий миг сделала взгляд доктора зловещим. – Лучшие специалисты по эту сторону Атлантики подтвердили мой диагноз. И мы приехали сюда.

Он позвонил, пришла Марта, убрала рагу и поставила на стол что-то вроде сладкого пудинга.

– Марта – моя правая рука, – заметил Уэзеролл. – Не знаю, что бы мы без нее делали. Когда я уезжаю, она ухаживает за Элис, как родная мать. Не то чтобы кто-то мог много для нее сделать: только кормить, содержать в тепле и чистоте, хотя последнее порой бывает задачей не из легких.

Какая-то нотка в его голосе раздражающе подействовала на Лэнгли, и, заметив это, Уэзеролл сказал:

– Не стану скрывать, иногда мне все это действует на нервы. Но ничего не поделаешь. Расскажите мне о себе. Чем вы занимались все это время?

Лэнгли отвечал насколько мог оживленно, и они говорили на нейтральные темы, пока жалкое существо, некогда бывшее Элис Уэзеролл, не начало беспокойно шамкать, подвывать и сползать со стула.

– Она замерзла, – сказал Уэзеролл. – Пойдем обратно к огню, дорогая.

Он быстро подтащил ее к очагу, и она снова плюхнулась в кресло, корчась, ноя и протягивая руки к пламени. Уэзеролл принес бренди и коробку сигар.

– Как видите, я умудряюсь поддерживать связь с внешним миром, – сказал он. – Это мне присылают из Лондона. И я получаю последние медицинские журналы и доклады. Знаете, я даже пишу книгу по своей теме – словом, не прозябаю. Более того, я могу проводить опыты: в доме полно места для лаборатории, и никаких препятствий в виде Акта о вивисекции[21]. Это отличная страна для работы. Вы здесь надолго?

– Думаю, не очень.

– Но, если вы намерены остаться еще на какое-то время, я предлагаю вам воспользоваться моим домом, пока я буду отсутствовать. Он намного удобней *посады*[22], а, учитывая особые обстоятельства, я ничем не рискую, оставляя вас наедине с моей женой.

Он сделал упор на последние слова и рассмеялся. Лэнгли не знал, что сказать.

– Право, Уэзеролл…

– В былые дни *вам* такая перспектива понравилась бы больше, а *мне* меньше. Было время, Лэнгли, когда вы прыгали бы от радости при мысли о том, чтобы пожить один на один с… *моей женой*.

Лэнгли вскочил.

– На что, черт возьми, вы намекаете, Уэзеролл?

– Ни на что, ни на что. Просто вспомнил тот день, когда вы с ней отправились на пикник и потерялись. Не забыли? Я так и думал, что не забыли.

– Это чудовищно, – вспылил Лэнгли. – Как вы смеете говорить подобное в присутствии этой скорбной души…

– Да-да, скорбной души. Сейчас ты выглядишь прискорбно, не правда ли, моя кошечка?

Он резко повернулся к жене, и было в этом его внезапном движении нечто, что явно испугало ее, она отшатнулась от него.

– Вы дьявол! – воскликнул Лэнгли. – Она вас боится. Что вы с ней делаете? Как она оказалась в подобном положении? Я все равно узна́ю!

– Полегче, – сказал Уэзеролл. – Я могу понять ваше естественное смятение при таком ее виде, но я не позволю вам становиться между мной и *моей женой*. Какой вы, однако, преданный

---

[21] Vivisection Act 1876 (также известный как Акт о жестоком обращении с животными) – закон Великобритании, регулирующий практику вивисекции. Был принят в ответ на растущую обеспокоенность общественности использованием животных в научных экспериментах.

[22] Посада в Испании – это гостиница, постоялый двор или трактир.

поклонник, Лэнгли. Как будто вы до сих пор хотите ее, так же, как хотели раньше, когда думали, что я глух и слеп. Ну а как теперь? Есть ли у вас по-прежнему виды на *мою жену*? Хотели бы вы поцеловать, приласкать, уложить в свою постель мою красавицу-жену?

Кровавая пелена ярости застлала взор Лэнгли. Он сжал кулак и сделал неумелый выпад в сторону ухмылявшегося лица. Уэзеролл перехватил его руку, но он вырвался. Его захлестнула паника. Натыкаясь на мебель, он бросился прочь и, убегая, слышал очень тихий злорадный смех Уэзеролла.

Парижский поезд был переполнен. Лэнгли, втиснувшийся в него в последний момент, был обречен торчать в коридоре. Сев на свой чемодан, он постарался осмыслить случившееся. Во время своего отчаянного побега он не был в состоянии собраться с мыслями и даже сейчас не мог с уверенностью сказать, от чего именно бежит. Он обхватил голову руками.

– Прошу прощения, – произнес вежливый голос.

Лэнгли поднял голову. Светловолосый мужчина в сером костюме смотрел на него сверху в монокль.

– Мне страшно неловко беспокоить вас, – продолжил блондин, – но я пытаюсь пробраться к своему маленькому «вольеру». Ужасная теснота. Никогда не испытывал такой неприязни к себе подобным существам, как в настоящий момент. Вы, кажется, не слишком хорошо устроились. Не удобнее ли вам было бы сидеть на чем-нибудь более подходящем?

Лэнгли объяснил, что не смог найти места. Блондин взглянул на его изможденное небритое лицо и сказал:

– Послушайте, почему бы вам не пройти со мной и не полежать немного в моей конуре? Вы что-нибудь ели? Нет? Это неправильно. Следуйте за мной, и мы раздобудем какого-нибудь супчику и что-нибудь еще. Простите, что говорю об этом, но выглядите вы так, словно пытаетесь подпереть своими плечами мир, утративший равновесие. Не мое дело, разумеется, но вам необходимо поесть.

Лэнгли был слишком слаб и расстроен, чтобы противиться. Он послушно поплелся по коридору, пока его не втолкнули в спальный вагон первого класса, где строго вышколенный слуга выкладывал из чемодана розовато-лиловую шелковую пижаму и набор щеток в серебряной оправе.

– Этот джентльмен отвратительно чувствует себя, Бантер, – сказал человек с моноклем, – поэтому я пригласил его приклонить свою страждущую голову на вашей груди. Свяжитесь со службой продовольственного снабжения и попросите принести тарелку супа и что-нибудь годное для питья.

– Слушаюсь, милорд.

Обессиленный Лэнгли рухнул на полку, но, когда принесли еду, стал жадно ее поглощать. Он не мог припомнить, когда ел в последний раз.

– Оказывается, мне это было нужно, – признал он. – Вы чрезвычайно добры. Простите, если я показался вам не совсем адекватным. Я недавно испытал шок.

– Расскажите, – любезно предложил незнакомец.

Мужчина не казался особо умным, но выглядел доброжелательным, а главное – нормальным. «Интересно, как он воспримет мою историю?» – подумал Лэнгли.

– Вы меня совсем не знаете, – начал он.

– Так же, как и вы меня, – подхватил блондин. – А главная польза от незнакомцев состоит в том, что им можно рассказать все. Вы согласны?

– Да мне самому хотелось бы… – ответил Лэнгли. – Дело в том, что я кое от чего убежал. Это странно… да… но какой смысл еще и вас тревожить.

Блондин сел на край кровати и положил тонкую руку ему на плечо.

– Одну минуту, – сказал он. – Если не хотите, не рассказывайте мне ничего. Но моя фамилия Уимзи, лорд Питер Уимзи, и меня очень интересуют странные истории.

Была середина ноября, когда в деревне объявился странный человек. Худой, бледный, неразговорчивый, в огромном черном плаще с капюшоном, края которого хлопали по лицу на ветру, с самого начала окруженный аурой таинственности. Обосновался он не в гостинице, а в ветхом домишке высоко в горах. С собой он привез загадочный багаж, навьюченный на пять мулов, и слугу. Слуга казался почти таким же непроницаемым, как и его хозяин. Он был испанцем и говорил по-баскски достаточно хорошо, чтобы в случае необходимости служить хозяину переводчиком, но был немногословен, вид имел мрачный, даже суровый, а скудная информация, которой он все же удостаивал редкого собеседника, крайне тревожила всех. По его словам, хозяин был мудрецом, все время посвящал чтению книг, не ел мяса, происходил из неведомой страны, говорил на языке апостолов, беседовал с благословенным Лазарем, когда тот восстал из мертвых, а когда по ночам он сидит один в своей каморке, ангелы Господни слетаются к нему, и они общаются звуками небесных гармоний.

Это страшно пугало. Несколько десятков селян стороной обходили их дом, особенно в ночное время, а женщины, завидев, что бледный чужак, запахнутый в черный плащ, с одной из своих магических книг под мышкой спускается по горной тропе, уводили детей в дом и крестились.

Тем не менее именно ребенок первым познакомился с магом. Маленький сын вдовы Этчеверри, мальчонка бесстрашный и любопытный, однажды вечером отправился навстречу приключениям в то самое «нечистое» место. Его не было два часа, за которые его мать, сходя с ума от страха, оббегала всех соседей и даже послала за священником, которого, к несчастью, не оказалось дома: он уехал по делам в город. Однако мальчик неожиданно объявился сам, живой, здоровый, веселый, и рассказал странную историю.

Он подобрался очень близко к дому мага («Ах ты, непослушный безмозглый ребенок, где такое видано?!»), залез на дерево, чтобы подсматривать за незнакомцем («Иисус-Мария!»), и увидел свет в окне, странные фигуры и тени двигались по комнате, выходили из нее и возвращались. А потом послышалась музыка, такая чудесная, что сердце так и потянулось из тела ей навстречу, как будто все звезды разом запели в небе. («О, мое бесценное сокровище! Колдун украл его сердце, о горе мне, горе!») Потом дверь дома открылась, и из нее вышел волшебник, а с ним – большая компания домашних духов. У одного из них были крылья, как у серафима, и он говорил на неизвестном языке, другой походил на маленького человечка, не выше колена ростом, с черным лицом и белой бородой, он сидел на плече у волшебника и что-то шептал ему в ухо. А божественная музыка звучала все громче и громче. А у волшебника вокруг головы горело бледное пламя, как на иконах святых. («Благословенный святой Иаков Компостельский, помилуй нас всех! А что дальше?») Ну, он (мальчик) так испугался, что пожалел о своей вылазке, но дух-карлик увидел его, прыгнул на дерево и вскарабкался к нему – так быстро, вы себе не представляете! Мальчик попытался забраться повыше, чтобы убежать от духа, но поскользнулся и рухнул на землю. («Ох, бедный, непослушный, храбрый, скверный мальчишка!»)

Тогда волшебник подошел, поднял его, произнес какие-то непонятные слова – и все ушибленные места вмиг перестали болеть. («Чудо! Чудо!») Он отнес мальчика в дом. А внутри дом все равно что райские кущи: все там золотое и сверкающее. Домашние духи, их было девять, расселись у огня, музыка стихла. Но слуга волшебника принес мальчику чудесные, какие-то тоже райские фрукты на серебряном подносе, они были очень сладкими, и он ел их и пил что-то странное, вкусное из кубка, покрытого красными и синими драгоценными камнями. Ах да! На стене висело распятие, большое-пребольшое, и перед ним горела лампада, и от нее шел сладкий дух, какой бывает в церкви на Пасху.

(«Распятие? Это странно. Может, волшебник и не злой, в конце концов? Ну, что дальше?»)

А потом слуга волшебника велел ему не бояться и спросил, как его зовут, сколько ему лет и может ли он прочесть «Отче наш». Ну, он прочел эту молитву, «Аве Мария» и кусочек из «Символа веры», только «Символ веры» такой длинный, что он забыл слова после *«ascendit in coelum»*[23]. Тогда волшебник помог ему, и они закончили чтение молитвы вместе. Волшебник произносил святые имена и слова, не вздрагивая, и в правильном порядке, насколько мальчик мог судить. Потом слуга стал расспрашивать его о нем самом и его семье, и он рассказал, что у них сдохла черная овца, и про сестриного жениха, который бросил ее, потому что у нее нет столько денег, сколько у дочки купца. Потом колдун и его слуга переговорили о чем-то, посмеялись, и слуга сказал: «Мой хозяин хочет, чтобы ты передал сестре такие слова: “Где нет любви, там нет достатка, а тот, кто смел, получит золото за просто так”».

И после этого волшебник вытянул руку вверх и прямо из пустого воздуха – да-да, точно так и было! – достал одну, две, три, четыре, пять монет и отдал их мальчику. Тот боялся брать их, пока не перекрестил, но, раз они после этого не исчезли и не превратились в огненных змей, взял – и вот они!

Все внимательно изучили золотые монеты со страхом и восхищением, а потом, по совету деда, положили их под образом Богоматери для еще лучшего очищения. На следующее утро они не исчезли, их показали взволнованному священнику, который с запозданием прибыл по ночному вызову. Тот подтвердил, что это настоящие испанские монеты, и заявил, что одна из них должна быть пожертвована церкви, чтобы не ссориться с небесами, а остальные могут быть истрачены на мирские нужды без ущерба для души. После этого добрый падре поспешил в горную хижину, откуда вернулся через час с кучей добрых сведений о волшебнике.

– Дети мои, – сказал он, – это не злой колдун, а христианин, говорящий на языке Веры. Мы с ним провели поучительную беседу. А кроме того, у него очень хорошее вино, и он оказался очень достойным человеком. Никаких домашних духов и огненных призраков я не видел, зато действительно видел распятие и очень красивую Библию с цветными картинками и золотыми орнаментами. Благослови вас Господь, дети мои. Это хороший и ученый человек.

Падре удалился к себе в дом при церкви, и в ту же зиму часовня Пресвятой Девы обзавелась новым алтарным покрывалом.

С тех пор каждую ночь можно было видеть небольшую группу людей, собиравшихся на безопасном расстоянии от дома волшебника, чтобы послушать музыку, лившуюся из его окон, а иногда кое-кто из храбрецов даже отваживался пробраться достаточно близко, чтобы заглянуть через щели ставней внутрь в надежде увидеть какие-нибудь чудеса.

Спустя месяц после того как волшебник поселился в деревне, однажды вечером после ужина он сидел и беседовал со своим слугой. Под сброшенным с головы капюшоном оказались аккуратно подстриженные прямые светлые волосы, глядевшие с иронией серые глаза и приопущенные верхние веки, придававшие его лицу несколько озорное выражение. На столе перед ним стоял бокал кокбёрна 1908 года, а на подлокотнике его кресла сидел красно-зеленый попугай, неотрывно глядевший на огонь.

– Время идет, Хуан, – сказал волшебник. – Все это очень забавно, но продвигаются ли у нас дела со старой дамой?

– Думаю, да, милорд. Я подбросил там-сям словечко-другое насчет удивительных исцелений и чудес. Она придет. Возможно, даже сегодня.

– Дай бог! Я хочу все закончить до возвращения Уэзеролла, иначе мы окажемся в затруднительном положении. Нам нужно несколько недель, чтобы приготовиться, даже если все пойдет, как задумано. Черт, что это?

---

[23] Вознесся на небо *(лат.)*.

Хуан встал, пошел в дальнюю комнату и через минуту вернулся с лемуром на руках.

– Мики играл с вашими щетками, – ласково-снисходительно сказал он. – Вот шалун. Ну, угомонись. Милорд, вы готовы к тому, чтобы немного попрактиковаться?

– Да, пожалуй! Кажется, я становлюсь докой в этом деле. Если не останется ничего другого, попробую получить ангажемент у Маскелайна[24].

Хуан рассмеялся, обнажив белоснежные зубы. Он принес набор биллиардных шаров, монеты и иной реквизит для фокусов, на ходу небрежно то пряча предметы в руке, то умножая. Хозяин принимал их, и урок продолжался.

– Тише! – вдруг сказал волшебник, поспешно подняв шар, выскользнувший у него из пальцев в тот момент, когда должен был исчезнуть. – Кто-то идет по тропе.

Он накинул на голову капюшон и тихо выскользнул в дальнюю комнату. Хуан усмехнулся, убрал графин с бокалами и потушил лампу. В свете очага огромные глаза лемура, сидевшего на спинке стула, сверкали очень ярко. Хуан снял с полки огромный фолиант, зажег ароматическую свечу в медной подставке чудно́й формы и подвесил над очагом тяжелый чугунок, стоявший рядом. Когда он закончил выкладывать под ним поленья, раздался стук. Он открыл дверь, лемур бежал за ним по пятам.

– Кого ты ищешь, матушка? – спросил Хуан по-баскски.

– Чудодей ваш дома?

– Тело его дома, матушка, а дух его общается с Незримым. Входи. Что привело тебя к нам?

– Я пришла… О, пресвятая Дева Мария! Это дух?

– И духи, и тела – творения Господни. Входи, не бойся.

Старая женщина, дрожа, вошла в дом.

– Ты поговорил с ним про то, что я тебе рассказывала?

– Да, я описал ему болезнь твоей хозяйки, страдания ее мужа – все.

– И что он сказал?

– Ничего, продолжил читать свою книгу.

– Думаешь, он сможет ее вылечить?

– Я не знаю. Чары снимать трудно, но мой хозяин обладает мощной силой творить добро.

– Он повидается со мной?

– Я спрошу. Жди здесь и пообещай: что бы ни случилось, ты не выкажешь страха.

– Я буду храброй, – пообещала старушка, перебирая четки.

Хуан удалился. Последовала нервирующая пауза. Лемур снова взобрался на спинку стула и, щелкая зубами, раскачивался на ней в пляшущих отсветах пламени. Попугай в своем углу склонил голову набок и произнес несколько слов хриплым голосом. От котелка начал подниматься ароматный пар. Затем в красноватом свете пламени медленно, крадучись вошли три, четыре – семь белых фигур и расселись полукругом перед очагом. Очень тихо, словно с расстояния в несколько миль, зазвучала музыка. Огонь вспыхнул и опал. Показалось, что стоявшая у стены застекленная горка с золотыми фигурками двигалась вместе с пляшущими тенями.

А потом из темноты донесся странный голос, нараспев произносивший слова на каком-то неземном языке, голос то рыдал, то гремел, как гром.

У Марты подкосились ноги, и она осела на пол. Семь белых котов встали, потянулись и бочком приблизились к ней. Она подняла голову и увидела волшебника, стоявшего над ней с книгой в одной руке и серебряным жезлом в другой. Верхняя половина его лица была скрыта, но она увидела, как шевельнулись бледные губы, и он заговорил вибрирующим хриплым голосом, торжественно разносившимся по тускло освещенной комнате:

---

[24] Невилл Маскелайн (1863–1924) – британский иллюзионист и изобретатель.

ὦ πέπον, εἰ μὲν γὰρ πόλεμον περ ἰ τόνδε φυγόντε,
αἰεὶ δὴ μέλλοιμεν ἀγήρω τ' ἀθανάτω τε
ἔσσεσθ', οὔτε κεν αὐτὸς ἐνὶ πρώτοισι μαχοίμην,
οὔτε κε σὲ στέλλοιμι μάχην ἐς κυδιάνειραν…

Величественные слоги звучали раскатами. Внезапно волшебник прервался и добавил более мягким тоном по-английски:

– Великий поэт, этот Гомер. «Громоподобно гремит, дьяволов в миг порождая!» Что мне делать дальше?

Слуга подошел к Марте и прошептал ей на ухо:

– Теперь говори. Мой господин готов тебе помочь.

Приободренная, Марта залепетала: она пришла просить Мудреца помочь ее хозяйке, на которую наслали злые чары. Она принесла подношение – лучшее, что смогла найти, потому что не хотела брать ничего, принадлежащего хозяину в его отсутствие. Поэтому вот: серебряная монетка, овсяная лепешка и бутылка вина, если Мудрец не побрезгует такими мелочами. Всегда к его услугам.

Волшебник, положив книгу, со всей серьезностью взял серебряную монетку, тут же чудесным образом превратил ее в шесть золотых и положил их на стол. Что касается лепешки и вина, он немного поколебался, но в конце концов, пробормотав:

Ergo omnis longo solvit se Teucria luctu[25]

(строку, известную своим мрачным спондеическим[26] ритмом), совершил чудесную метаморфозу: лепешка обернулась парой голубей, а бутылка вина необычным стеклянным деревцем в металлическом горшочке – и расположил то и другое на столе рядом с монетами. У Марты глаза буквально полезли на лоб, но Хуан ободряюще шепнул ей:

– Доброе намерение добавляет ценности подарку. Мой господин доволен. Тс-с.

Музыка оборвалась на громком аккорде. Волшебник, теперь с большей уверенностью, зачитал страницу гомеровского перечня кораблей из «Илиады» и, выпростав из складок длинной накидки белую руку с длинными пальцами, унизанными антикварными кольцами, извлек из воздуха и протянул просительнице маленькую блестящую металлическую коробочку.

– Мой господин говорит, – поспешил объяснить слуга, – что ты должна взять эту коробочку и всегда давать хозяйке по одной капсуле во время еды. Когда лекарство закончится, приходи сюда снова. И не забывай каждое утро и каждый вечер три раза читать «Аве Марию» и два раза «Отче наш» во здравие своей хозяйки. Так, верой и усердием, можно добиться исцеления.

Марта дрожащими руками приняла коробочку.

– Jendebantque manus ripae ulterioris amore[27]. Poluphloisboio thalasses. Ne plus ultra. Valete. Plaudite[28], – с чувством произнес волшебник и величественно растворился в темноте дальней комнаты. Аудиенция была окончена.

– Значит, это работает? – спросил волшебник у Хуана.

Разговор происходил пять недель спустя. За это время было осуществлено еще пять поставок в мрачный дом на склоне горы.

---

[25] «Тотчас долгую скорбь позабыла тевкров держава». Вергилий. Энеида. Кн. II. Перевод С. Ошерова.

[26] От слова спондей: в классической стихотворной метрике – стопа, состоящая из двух долгих слогов.

[27] «И они тянули руки, стремясь к другому берегу». Вергилий. Энеида. Кн. II. Перевод С. Ошерова.

[28] Набор не связанных друг с другом латинских слов и выражений.

– Работает, – согласился Хуан. – Интеллект восстанавливается, тело оживает, снова начали расти волосы.

– Слава Всевышнему! Я ведь действовал вслепую, Хуан. До сих пор не могу поверить, что в мире нашелся человек, способный на такое дьявольское деяние. Когда возвращается Уэзеролл?

– Через три недели.

– Тогда мы должны назначить наш grand final[29] ровно через две недели. Проследите за тем, чтобы мулы были наготове, спуститесь в город и передайте сообщение на яхту.

– Слушаюсь, милорд.

– У вас есть неделя на то, чтобы убрать отсюда свой зверинец и багаж. Да, а как же быть с Мартой? Не опасно ли оставлять ее здесь?

– Я попробую уговорить ее уехать с нами.

– Да, постарайтесь, пожалуйста. Я не прощу себе, если с ней случится что-нибудь плохое. Этот человек сумасшедший преступник. О господи! Скорее бы все это уже закончилось. Мне не терпится снова надеть нормальную одежду. Что бы сказал Бантер, увидь он все это…

Волшебник рассмеялся, закурил сигару и включил граммофон.

Последний акт, как и было задумано, разыграли две недели спустя.

Потребовалось много усилий, чтобы убедить Марту в необходимости привести ее хозяйку в дом волшебника. Пришлось изобразить устрашающий выплеск гнева и полностью продекламировать два хора из Еврипида, прежде чем до этого сверхъестественного существа дошла суть дела. Заключительным аккордом вечера ужасов была демонстрация жуткого эффекта, производимого дымом от натриевого пламени на человеческую кожу: человек внешне превращается в ходячего мертвеца, особенно если происходит это в отдаленной хижине темной ночью под аккомпанемент «Пляски смерти» Сен-Санса и непонятной декламации.

Наконец, получив обещание, волшебник унялся, и Марта отправилась домой, унося с собой оберег: кусочек пергамента, исписанный крупными буквами, который ее хозяйка должна была прочесть, а потом повесить на шею в белой шелковой ладанке.

Для магического заклинания язык оберега был, пожалуй, недостаточно выразителен, но смысл послания понял бы даже ребенок. Оно было написано по-английски и гласило:

Вы больны и находитесь в опасности, но Ваши друзья готовы спасти и вылечить Вас. Не бойтесь, делайте все, что скажет Марта, и скоро Вы снова станете здоровой и счастливой.

– И даже если она не сможет этого понять, – сказал волшебник своему человеку, – вреда от этого не будет.

События той ужасной ночи впоследствии стали легендой. В деревне, рассевшись у камина, с придыханием рассказывают теперь, как Марта привела диковинную иностранку в дом волшебника, чтобы тот освободил ее раз и навсегда от власти нечистой силы. Ночь была темная, бурная, ветер грозно завывал в горах.

Дама выглядела гораздо лучше, бодрее благодаря магии волшебника – хотя, вероятно, отчасти дело было в роскошном наряде и обмане чувств – и следовала за Мартой в их странном тайном путешествии послушно, как маленький ребенок. Они выбрались из дома украдкой, очень тихо, чтобы не попасться на глаза бдительному старику Томазо, имевшему строгий приказ доктора следить, чтобы леди ни шагу из дома не делала. Впоследствии старик клялся и божился, что на него наслали колдовской сон – впрочем, кто знает? А может, он просто

[29] Грандиозный финал, торжественное завершение *(фр.)*.

выпил больше обычного. Марта была хитрой женщиной, и некоторые говорили, что она была не лучше ведьмы.

Как бы то ни было, пришли они в ветхий домик; волшебник долго говорил с дамой на незнакомом языке, она ему на нем же и отвечала. Да, женщина, которая уже давно только мычала, как животное, теперь говорила с волшебником! Потом маг начертил на полу вокруг себя и нее странные знаки, и, когда погасили лампу, эти знаки сами собой загорелись пугающим бледным светом. Волшебник нарисовал кольцо и вокруг Марты, строго предупредив ее держаться внутри. Наконец все услышали приближающийся шум, словно хлопали гигантские крылья, домашние духи запрыгали, а маленький человечек с черным лицом вскарабкался по шторе и повис на карнизе. Потом раздался голос: «Он идет! Он идет!» Волшебник отворил дверцу высокого шкафа, стоявшего внутри круга у стены, вместе с дамой вошел внутрь и закрыл дверь за собой.

Шум становился все громче. Домашние духи заверещали и завизжали. В этот момент ярко вспыхнула молния, раздался гром, шкаф содрогнулся и разлетелся на куски. И – о чудо! – и волшебник, и леди исчезли! С тех пор о них – ни слуху, ни духу.

Такую историю Марта на следующий день рассказывала соседям. Как ей удалось выбраться из жуткого дома, она не помнила. Но когда некоторое время спустя группа селян, набравшись храбрости, дошла до хижины волшебника, та оказалась совершенно пуста. Леди, волшебник, слуга, домашние духи, мебель, вещи – всё куда-то пропало, не оставив и следа, если не считать нескольких таинственных фигур и кругов, нарисованных на полу.

Это было настоящее чудо. Но самой невероятной загадкой стало исчезновение само́й Марты на третью ночь после событий в хижине.

А на следующий день после ее пропажи вернулся американский доктор, которого ждали лишь опустевший домашний очаг и легенда.

– Эй, на яхте!

Лэнгли взволнованно перегнулся через леер «Абракадабры», выплывшей из темноты. Когда первый пассажир взошел на борт, он бросился встречать его.

– Все прошло хорошо, Уимзи?

– Без сучка без задоринки. Она, разумеется, немного ошеломлена и растеряна, однако вам не о чем беспокоиться. Сейчас она как ребенок, но ей с каждым днем становится лучше. Выше нос, старина, в ее нынешнем внешнем виде вас ничто не будет шокировать. Увидев, как на борт поднимают укутанную с ног до головы женщину, Лэнгли нерешительно шагнул вперед.

– Поговорите с ней, – сказал Уимзи. – Возможно, она вас узнает, а может, и нет. Не могу сказать.

Лэнгли призвал на помощь всю свою храбрость.

– Доброе утро, миссис Уэзеролл, – сказал он и протянул ей руку.

Женщина отбросила с лица капюшон. Ее голубые глаза робко взглянули на него, а потом улыбка озарила ее лицо.

– Постойте, я же вас знаю. Ну разумеется, знаю. Вы мистер Лэнгли. Я так рада вас видеть. – И она сжала его ладонь обеими руками.

– Должен сказать, Лэнгли, – начал лорд Питер, доливая в бокалы содовую из сифона, – что мне никогда еще не доводилось расследовать столь гнусное преступление. Мои религиозные убеждения несколько неопределенны, но я искренне надеюсь, что на том свете Уозероллу уготовано нечто ужасное. Так достаточно содовой?

Знаете, в истории, которую вы мне тогда рассказали, было несколько странных моментов. Они с самого начала задали мне направление поиска.

Начать хотя бы с чрезвычайно необычного для женщины двадцати с небольшим лет заболевания, когда постепенно расстраиваются функции всех внутренних органов, в том числе и мозговая деятельность, причем случилось это очень уж «своевременно»: сразу после вашего визита в дом Уэзеролла, где вы, вероятно, оказали хозяйке чуть-чуть больше внимания, чем принято, не так ли? Второе: рассказ Уэзеролла про то, что регулярно раз в год сознание больной проясняется – это не свойственно обычным мозговым расстройствам. Создавалось впечатление, будто состоянием больной кто-то управляет.

В-третьих, смущал тот факт, что с самого начала миссис Уэзеролл безраздельно находилась под медицинским наблюдением своего мужа, не имея ни родных, ни друзей, которые видели бы ее деградацию и могли бы контролировать его действия.

В-четвертых, настораживало то, что Уэзеролл держал ее в полной изоляции, в месте, где врачей, кроме него, не имелось и где даже в моменты ее просветления вокруг не было ни души, которая могла бы понять ее и которую могла бы понять она.

И наконец, странным мне показалось то, что он увез ее в место, где, учитывая ваши профессиональные интересы, было разумно рано или поздно ожидать вашего появления, чтобы продемонстрировать вам, во что она превратилась. К тому же не следовало сбрасывать со счетов хорошо известные в научных кругах исследования Уэзеролла и его связь с лондонским фармакологом.

На основе этих фактов у меня появилась версия, но, чтобы убедиться в своей правоте, требовалось ее проверить. Уэзеролл собирался в Америку, и это дало мне шанс. Но, конечно же, он оставил строгий приказ, чтобы в его отсутствие никто не входил в его дом и чтобы леди не покидала его. Мне требовалось каким-то образом воздействовать на старую Марту авторитетом, превосходившим авторитет хозяина. Слава богу, что Марта – женщина безоговорочно верующая! Тут лорд Питер Уимзи покидает сцену, и на нее выходит волшебник. Средство было опробовано и оказалось действенным. И вот – побег и спасение.

А теперь слушайте, только держите себя в руках. Все уже позади. Элис Уэзеролл – одна из тех, кто, к несчастью, страдает гипотиреозом – врожденной недостаточностью функции щитовидной железы, той самой, которая «подпитывает мотор» и поддерживает в том числе и работу мозга. У некоторых людей щитовидка не функционирует как надо, и это может кончиться слабоумием. Их организм не растет, мозг не развивается. Но стоит начать давать им нужное лекарство, и они растут абсолютно нормальными людьми: веселыми, красивыми, умными и жизнерадостными. Только нужно *постоянно* давать лекарство, иначе они вернутся в состояние слабоумия.

Уэзеролл нашел эту девочку, когда был еще блестящим студентом, специализировавшимся как раз на заболеваниях щитовидной железы. Двадцать лет назад эта область медицины была еще слабо освоена, и Уэзеролл стал в ней одним из пионеров. Он ухватился за этот случай, своим «чудодейственным» средством вылечил девочку и, будучи в состоянии эйфории от собственного успеха, стал опекать ее, дал ей образование, а когда она превратилась в прелестную девушку, женился на ней. Понимаете, по существу, в сниженной функции щитовидной железы нет ничего фатального. Постоянно давайте таким людям маленькую дневную дозу лекарства, и они будут во всех отношениях нормальными, смогут вести обычную жизнь и иметь здоровых детей.

Никто, конечно, не знал ничего о ее щитовидке, кроме самой женщины и ее мужа, и все шло хорошо до тех пор, пока не появились *вы*. Тут в Уэзеролле взыграла ревность…

– У него не было никакого повода!

Уимзи пожал плечами.

– Вероятно, друг мой, леди сама каким-то образом выдала свое предпочтение. Впрочем, незачем в это углубляться. Так или иначе, Уэзерол воспылал ревностью и понял, что у него в руках идеальное средство возмездия. Он увез жену в Пиренеи, изолировал ее от любой

помощи, а потом просто лишил ее экстракта для щитовидной железы. Наверняка он объяснил ей, что́ собирается сделать и почему. Ему было приятно слышать ее отчаянные мольбы и видеть, как она, понимая это, день за днем, час за часом деградирует, сползая в животное состояние…

– О господи!

– Вот именно. Разумеется, несколько месяцев спустя она перестала понимать, что с ней происходит. А он по-прежнему с удовлетворением наблюдал за тем, как ее кожа грубеет, тело теряет изящество, волосы выпадают, взгляд становится пустым, мозги превращаются в кашу, привычки…

– Прекратите, Уимзи!

– Вы же сами это видели. Но ему этого показалось мало. Поэтому изредка он снова начинал давать ей лекарство и возвращал ее в состояние, достаточное для того, чтобы осознать собственную деградацию…

– Если бы эта тварь была сейчас здесь…

– Хвала Иисусу, что его здесь нет. Итак, однажды, по счастливой случайности, мистер Лэнгли… влюбленный мистер Лэнгли… действительно объявляется в этой глуши. Какой триумф – показать ему *это*…

Лэнгли снова остановил его.

– Ладно-ладно, но признайте, что замысел был гениальный. Все так просто. Чем больше я об этом думаю, тем больше восхищаюсь. Однако Уэзеролла погубила изощренная сверхжестокость. Когда вы мне все рассказали, я не мог не распознать симптомы дефицита щитовидной железы и подумал: «Ну, предположим…» Я разыскал фармаколога, чье имя значилось на той посылке, и не без труда заставил его признаться, что он несколько раз отправлял Уэзероллу бандероли с экстрактом для щитовидной железы. Так что, как видите, мои догадки почти подтвердились.

Я посоветовался с врачом, добыл нужное количество экстракта, нанял испанского фокусника и дрессировщика с его артистами: котами и прочей живностью, – изменил внешность с помощью костюма и отправился в путь, прихватив шкаф иллюзиониста, изобретенный гениальным мистером Девантом[30]. Я сам немного фокусник, так что с Хуаном мы неплохо сработались. Конечно, нам на руку сыграли местные предрассудки, а также граммофонные пластинки. «Неоконченная» Шуберта[31] оказалась первоклассным средством для создания атмосферы мрачной таинственности так же, как люминесцентная краска и ошметки классического образования.

– Скажите, Уимзи, она полностью поправится?

– Голову даю на отсечение. И не сомневаюсь, что любой американский суд даст ей развод на основании постоянного жестокого обращения с ней со стороны мужа. Ну а дальше – это уже ваше дело!

Друзья лорда Питера Уимзи приветствовали его возвращение в Лондон с некоторым удивлением.

– Где это вы пропадали, чем занимались? – требовательно спросил достопочтенный Фредди Арбатнот.

– Совершал невероятный побег с чужой женой, – ответил его светлость. – Но исключительно в… – он замялся и прибавил: – Пиквикском смысле. Ничего интересного для вас, уве-

[30] Дэвид Девант (1868–1941) – английский фокусник, «граф теней», считался самым выдающимся британским «магом» своего времени.

[31] «Неоконченная» – название симфонии № 8 (h-moll) Франца Шуберта.

ряю. Знаете, давайте-ка прогуляемся до Холборнской империи[32] и посмотрим, чем нас порадует Джордж Роби[33].

[32] Мюзик-холл, открытый в 1857 году на ул. Хай-Холборн, прозванный в народе Holborn Empire (Холборнской империей). В 1868 году был переименован в Королевский мюзик-холл, а в 1892-м – в Королевской холборнский театр-варьете.

[33] Сэр Джордж Эдвард Уэйд, командор ордена Британской империи (1869–1954), профессионально известный как Джордж Роби, английский комик, певец и актер музыкального театра, один из знаменитейших артистов мюзик-холла конца XIX – начала XX века.

Королева всегда стоит на поле своего цвета

– «Ах, бубновый валет, ах, бубновый валет, мы знакомы с тобой уже тысячу лет»[34], – промурлыкал Марк Сэмбурн, укоризненно качая головой. Он ощупал шелк своего маскарадного костюма с рисунком гигантских костяшек домино. – Черт бы побрал этот дурацкий наряд! Куда, разрази его гром, портной пришил карманы? «И карманы мои ты, не мудря, чистишь от золота и серебра», – допел он куплет. – Так сколько вы выиграли? – Он извлек наконец авторучку и чековую книжку.

– Пять-семнадцать и шесть, – ответил лорд Питер Уимзи. – Правильно, партнерша? – Его широченные красно-синие рукава зашуршали, когда он повернулся к леди Гермионе Криторп, которая в костюме дамы треф напоминала грозную деву, каковой и была на самом деле.

– Совершенно верно, – подтвердила старая дама, – и я считаю, что они еще легко отделались.

– Мы играли недолго, – словно в оправдание сказал Уимзи.

– Могло быть больше, тетушка, – заметила миссис Рейберн, – если бы вы не пожадничали и не задублировали[35] мои четыре пики.

Леди Гермиона фыркнула, и Уимзи поспешил вмешаться:

– Жаль, что приходится прерываться, но Деверилл никогда не простит нас, если мы не вернемся к «Сэру Роджеру»[36]. В этом отношении он очень строг. Который час? Двадцать минут второго? Начало «Сэра Роджера» ровно в половине второго. Полагаю, труба уже зовет нас в бальный зал.

– Я тоже так думаю, – согласилась миссис Рейберн. Она встала, демонстрируя платье со смелым рисунком красных и черных алебард, как на доске для игры в триктрак[37]. – Было очень любезно с вашей стороны, – добавила она, пока пышные юбки леди Гермионы шелестели впереди них, – пожертвовать танцами, чтобы составить компанию тетушке в партии в бридж. Она ненавидит, когда игра срывается.

– Никакой жертвы в этом не было, – ответил Уимзи. – Одно удовольствие. В любом случае я был только рад передохнуть: танцевать в этих костюмах довольно жарко.

– Однако вы прекрасно смотритесь в образе бубнового валета. Прекрасная идея посетила леди Деверилл: чтобы все гости были в костюмах, представляющих разные игры. Все эти Пьеро и Коломбины ужасно надоели.

Они обогнули юго-западный угол бального зала и очутились у южного пассажа, освещенного огромным подвесным светильником с четырехцветным ярким абажуром. Под аркадой они остановились, наблюдая за тем, как гости сэра Чарльза Деверилла танцевали фокстрот под веселую мелодию, исполнявшуюся оркестром на верхней галерее в дальнем конце зала.

– Привет, Джайлз! – сказала миссис Рейберн. – А вы, я вижу, разгорячились.

– Да уж, – ответил Джайлз Помфрет. – Черт меня дернул надеть этот проклятый костюм. Он, конечно, очень искусно изображает биллиардный стол, но я в нем не могу сесть. – Он промокнул платком вспотевший лоб. Голова его была увенчана элегантным зеленым абажуром. – Чтобы отдохнуть, приходится притыкаться задом к радиатору, а они греют на всю катушку – не больно-то освежишься. Еще слава богу, что я всегда могу уклониться от танца-другого,

---

[34] «Бубновый валет» – техасская народная песенка карточных игроков, ставшая популярной благодаря исполнению известного блюзмена и гитариста Слепого Лемона Джефферсона (1893–1929).

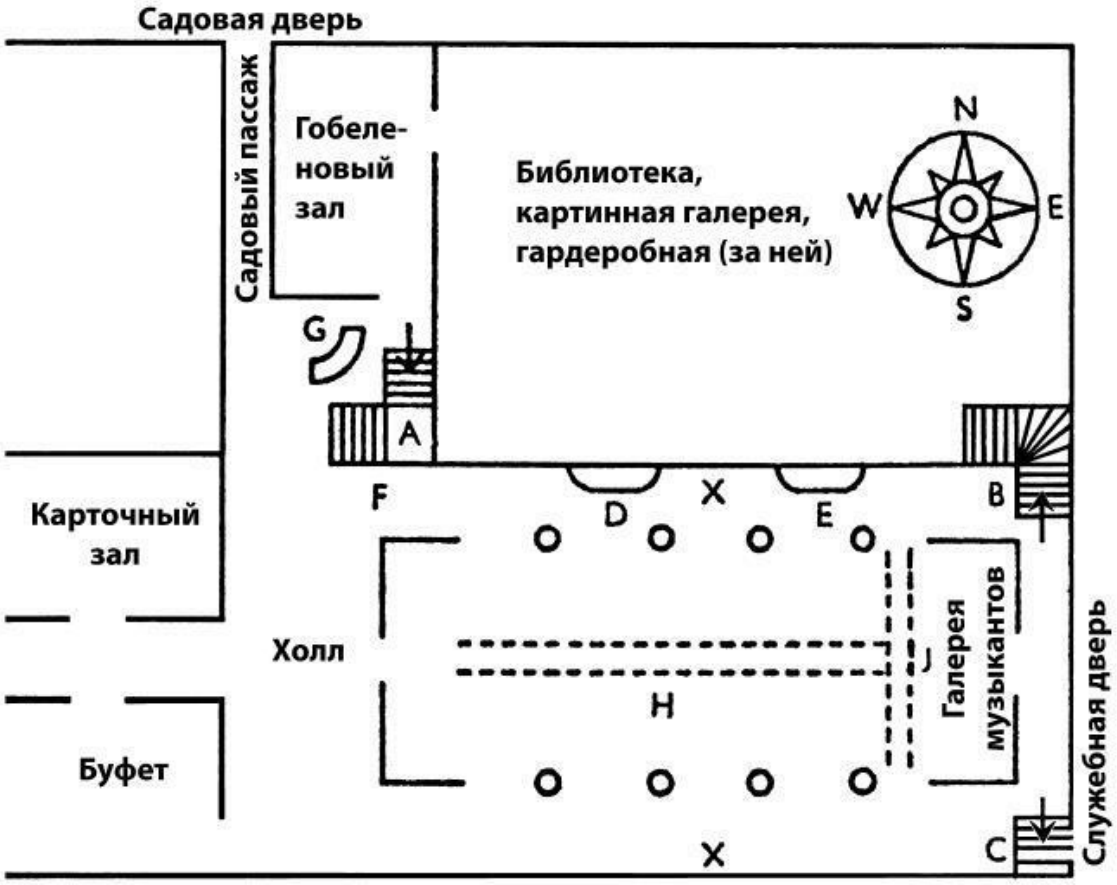
[35] На жаргоне игроков в бридж «задублировать» означает удвоить ставку.

[36] «Сэр Роджер де Коверли» – английский контрданс, крайне популярный в XVIII–XIX веках в Англии.

[37] Триктрак – старинная французская настольная игра, в которой шашки по доске передвигают по числу очков, выпавших на костях. Имеет восточное происхождение (из Персии).

сославшись на этот чертов сэндвич, внутри которого замурован. – Он с мученическим видом прислонился к ближайшей колонне.

– Нина Хартфорд нашла наилучший выход, – сказала миссис Рейберн. – Водное поло – как умно: всего лишь купальный костюм и мяч. Хотя, должна сказать, что такой костюм смотрелся бы лучше на фигуре, менее отвечающей стандартам эпохи Реставрации. Вы, игральные карты, самые красивые. За вами с небольшим отрывом следуют шахматные фигуры. А вон Герда Беллингем, танцует с мужем. Она даже, я бы сказала, *слишком* хороша в своем рыжем парике. И вообще все это веселье… так мило. Я рада, что никто не переборщил с похожестью на персонажей Льюиса Кэрролла. Чармиан Грейл – очаровательнейшая Белая Королева. Кстати, где она?



– Мне не нравится эта молодая дама, – заявила леди Гермиона. – Она легкомысленна.

– О, мадам, вы слишком строги!

– Не сомневаюсь, вы считаете меня старомодной. А я только рада быть старомодной. Да, я нахожу ее легкомысленной и, более того, бессердечной. Я наблюдала за ней перед ужином, и мне жаль Тони Ли. Она изо всех сил флиртовала – чтобы не сказать больше – с Хэрри Вайбартом, и Джима Плейфэра держит на коротком поводке. Она не может оставить в покое даже Фрэнка Беллингема, хотя живет в его доме.

– О, послушайте, леди Гер! – запротестовал Сэмбурн, – вы чересчур взыскательны. Просто Грейл очень современная девочка.

– Ненавижу слово «современная», – огрызнулась леди Гермиона. – В наши дни оно означает просто пьянство и неразборчивость. И не такая уж она девочка, молодой человек. Через три года она превратится в старую каргу, если будет продолжать в том же темпе.

– Дорогая леди Гермиона, – вклинился Уимзи, – не все неподвластны времени, как вы.

– А могли бы быть, если бы следили за своим пищеварением и своей нравственностью. А вот Фрэнк Беллингем наверняка ищет, чего бы еще выпить. Сегодняшние молодые люди определенно промариновались в джине.

Фокстрот наконец закончился, и Красный Король пробивал себе дорогу к ним сквозь толпу аплодирующих пар.

– Привет, Беллингем! – сказал Уимзи. – У тебя корона съехала набекрень. Позволь-ка. – Он ловко вернул парик и головное украшение приятеля на подобающее место. – Впрочем, я не удивлен. Ни одной короне не гарантировано ее законное место в наши большевистские времена.

– Спасибо, – сказал Беллингем. – Слушай, я хочу выпить.

– Ну, что я вам говорила? – торжествующе заметила леди Гермиона.

– Тогда поторопись, старина, – посоветовал Уимзи. – У тебя четыре минуты. Не вздумай опоздать на «Сэра Роджера».

– Ты прав. Кстати, я танцую его с Гердой. Если увидите, скажите ей, куда я пошел.

– Непременно, – ответил за всех Уимзи. – Леди Гермиона, надеюсь, вы окажете мне честь?

– Вздор! Не думаете же вы, что я в моем возрасте стану танцевать? Старой деве не пристало покушаться на кавалеров.

– Ничего подобного. Если бы мне повезло родиться чуточку раньше, мы бы с вами составили чудесный марьяж. И да, я думаю, что вы станцуете со мной, если, конечно, не предпочтете мне одного из этих юнцов.

– На что мне эти юнцы? – ответила леди Гермиона. – Кишка у них тонка. И ноги как спички. – Она метнула взгляд на красные рейтузы Уимзи. – У вас, по крайней мере, есть хоть намек на икры, так что не придется за вас краснеть.

Уимзи почтительно склонил голову в красной шапочке на кудрявом парике, принимая протянутую ему руку с узловатыми пальцами.

– Вы делаете меня счастливейшим из мужчин. Мы всем им покажем, как это делается. Правая рука, левая рука, перекрестить руки, спина к спине, потом вы обходите меня вокруг и – в центр зала. А Деверилл пунктуален, как всегда: уже идет к галерее дать знак оркестру начинать. Осталось всего две минуты… Что случилось, мисс Карстерс? Потеряли партнера?

– Да. Вы не видели где-нибудь Тони Ли?

– Белого Короля? Нет. Как и Белую Королеву. Наверное, они где-то вместе.

– Возможно. Бедный Джимми Плейфэр стоически торчит в северном пассаже, как Казабьянка[38].

– Вы бы пошли утешить его, – со смехом посоветовал Уимзи.

Джоан Карстерс состроила гримасу и исчезла в направлении буфета как раз в тот момент, когда к Уимзи и его компании подошел сэр Чарльз Деверилл, хозяин вечеринки, в роскошном китайском костюме из ткани с красными и зелеными драконами, бамбуковыми ветвями и иероглифами. На плече у него сидело чучело птицы с гигантским хвостом.

– Пора, пора! – воскликнул он. – Начинаем, начинаем, начинаем! Все готовы к «Сэру Роджеру»? У вас есть партнерша, Уимзи? О, леди Гермиона! Восхитительно. Вы встанете рядом со мной и вашей матушкой, Уимзи. Не опаздывайте, не опаздывайте! Деревенские музыканты прибудут в два часа, надеюсь, не опоздают. Господи, господи! Почему слуги еще не на месте? Я же предупреждал Уотсона! Я должен пойти поговорить с ним.

---

[38] Имеется в виду Джоканте Казабьянка – десятилетний сын Люка Жюльена Жозефа Казабьянки (1762–1798), французского национального героя. В морском сражении при Абукире 1 августа 1798 года капитан Казабьянка приказал сыну, который сопровождал его в морском походе, оставаться на определенном месте, пока он не позовет его. Казабьянка погиб, его корабль горел, но мальчик, который не знал о смерти отца, отказался покинуть свой пост без его приказа. Когда огонь достиг порохового погреба, взрывом были уничтожены и сам флагманский корабль, и сын капитана.

Он стрелой метнулся прочь, а Уимзи, рассмеявшись, повел свою партнершу в дальнюю часть зала, где ждала его мать, вдовствующая герцогиня Денверская, в ослепительном костюме Дамы Пик.

– А, вот и ты, – безмятежно сказала герцогиня. – Милый сэр Чарльз страшно взволнован. С таким пристрастием к пунктуальности ему следовало бы родиться королем. Прекрасный вечер, Гермиона, не правда ли? «Сэр Роджер», деревенские музыканты – прямо как в средневековье; а еще рождественское полено в зале вместе с паровыми радиаторами и прочим – *вот это* довольно изнурительно!

– Та-ра-ра-там, та-ра-ра-там, – подхватил лорд Питер, когда оркестр заиграл вступление к старинному танцу. – Обожаю эту мелодию. «В легком танце шаг налево…» О, вот и Герда Беллингем. Одну секунду. Миссис Беллингем, привет! Ваш монарший супруг ждет благосклонного явления вашего Рыжего Величества в буфете. Поторопитесь. У вас осталось только полминуты.

Червонная королева улыбнулась ему. Ее черные глаза изумительно сияли на бледном лице, обрамленном рыжим париком.

– Немедленно доставлю его на линию старта, – пообещала она со смехом, удаляясь.

– И доставит, – сказала вдовствующая герцогиня. – Не успеете глазом моргнуть, как этот молодой человек будет заседать в кабинете министров. Очень красивая пара в нашем публичном пространстве, и, как мне говорили, весьма здраво относится к свиньям, а это очень важно в свете британских пищевых привычек.

Сэр Чарльз Деверилл, разгоряченный, поспешно вернулся и занял свое место во главе двойной колонны, протянувшейся на три четверти бального зала. Перед галереей, где разместились музыканты, перпендикулярно главной колонне выстроились слуги, занимая позиции для «Сэра Роджера». Часы пробили половину второго. Сэр Чарльз, взволнованно вытянув шею, сосчитал пары.

– Восемнадцать. Двух не хватает. Какая досада. Кто отсутствует?

– Беллингемы? – предположил Уимзи. – Нет, они здесь. Нет Белых Короля и Королевы, а также Бадминтона и Дьябло[39].

– Бадминтон здесь! – крикнула миссис Рейберн, лихорадочно жестикулируя кому-то в конец зала. – Джим! Джим! Братец! Опять ушел. Он ищет Чармиен Грейл.

– Все, больше мы ждать не можем, – раздраженно объявил сэр Чарльз. – Герцогиня, прошу вас, начинайте.

Герцогиня послушно перекинула свой черный бархатный шлейф через руку и, подпрыгивая, устремилась к центру зала, демонстрируя не по возрасту стройные щиколотки в лиловых чулках. Колонна танцоров пустились следом. В своем конце зала их примеру почтительно последовали слуги в ливреях и служанки в черных юбках и белых блузках. Сэр Чарльз Деверилл, с самым серьезным видом танцевавший с герцогиней в первой паре, следуя канону танца, направился к центру, навстречу Нине Хартфорд из последней пары, сблизившись, они соединили руки. Та-ра-ра-там, та-ра-ра-там… Первая пара разошлась, вернулась назад и, взявшись за руки, изобразила арку, остальные последовали их примеру в великолепном шелесте атласов и шелков. Уимзи, снова взяв за руку леди Гермиону, провел ее под «аркой», и они тоже остановились, пропуская следующую пару, как в детской игре в ручеек.

– «Была любовь моя одета в черный бархат, затянут в кармазин был я…»[40] – продекламировал Уимзи.

Пожилая дама, весьма польщенная, притворно хлопнула его по костяшкам пальцев своим позолоченным скипетром. Все весело захлопали в такт музыке.

---

[39] Имеется в виду карта «Дьябло» из специальной колоды для одноименной игры.

[40] Одна из наиболее известных старинных шотландских баллад неизвестного авторства.

– И опять сначала, – сказал Уимзи.

Королева Пик и Император Маджонга развернулись и поскакали в центр. Королева Треф протанцевала навстречу своему Бубновому Валету.

– Безик[41], – сказал Уимзи, протягивая обе руки вдовствующей герцогине. – Безик вдвоем.

Следуя рисунку танца, он снова подал руку Королеве треф, и они образовали арку, под которой прошли остальные семнадцать пар. Потом леди Деверилл с партнером повели колонну по центру зала.

– Мы точно укладываемся во вре́мя, – сказал сэр Чарльз, глядя на часы. – Я отвел на каждую пару по две минуты. А, вот и одна из недостающих пар. – Он взволнованно помахал рукой. – Идите в центр… давайте-давайте… вот сюда.

Мужчина, голова которого была украшена гигантским бадминтоновым воланом, и Джоан Карстерс, одетая в костюм Дьябло, появились из северного пассажа. Сэр Чарльз, словно беспокойный петух, повел их, будто испуганных кур, втолкнул между двумя парами, которые еще не исполнили фигуру с перекрещиванием рук, и облегченно вздохнул. Он был бы крайне раздосадован, если бы они пропустили свою очередь. Часы пробили без четверти два.

– Послушайте, Плейфэр, вы видели где-нибудь Чармиен Грейл или Тони Ли? – спросил Джайлз Помфрет мужчину в костюме бадминтона. – Сэр Чарльз очень расстроен из-за того, что мы не в полном составе.

– Нет, никаких следов. Я должен был танцевать это с Чармиен, но она побежала куда-то наверх и обратно не спускалась. Потом примчалась Джоан, она искала Тони, и мы решили в их отсутствие составить пару.

– А вот и деревенские музыканты, – вклинилась в их разговор Джоан Карстерс. – Посмотрите, как мило. Ту-ру-ру – вот это по-деревенски!

Между колоннами северной части бального зала показались деревенские певчие, выходившие из коридора живой цепочкой во главе с викарием. Участники отплясывали «Сэра Роджера» на последнем издыхании. Руки вперекрест. В центр зала. Обратно. Джайлз Помфрет, замурованный в своем «сэндвиче», кряхтя, в пятнадцатый раз пробирался под арками поднятых рук. Девятнадцатая пара, лавируя, прокладывала путь среди танцующих к своему месту. Сэр Чарльз и вдовствующая герцогиня, свежие и полные сил, снова стояли во главе колонны. Оркестр смолк, раздались дружные аплодисменты, гости разбились на группы. Слуги выстроились в дальнем конце зала. Часы пробили два, викарий, получив знак от сэра Чарльза, поднес к уху камертон и извлек из него звучное «ля». Хор звонко запел первые такты «Доброго короля Венцеслава»[42].

Когда ночная тьма сгустилась и усилился ветер за окнами, между рядами певчих стремительно пробилась и поспешила туда, где стоял сэр Чарльз, мужская фигура. Это был Тони Ли. Его лицо цветом не отличалось от его же белоснежного костюма.

– Чармиен… В гобеленовом зале… мертва… задушена.

Суперинтендант Джонсон сидел в библиотеке и брал показания у изнуренных гостей, которых заводили к нему по одному. Первым был Тони Ли с затравленным взглядом: его глаза напоминали черные пустоты в маске из серой бумаги.

– Мисс Грейл обещала мне последний перед «Сэром Роджером» танец, это был фокстрот, – рассказывал он. – Я ждал ее в пассаже под музыкальной галереей. Она так и не пришла, и я отправился ее искать. Среди танцующих я ее не видел. Когда танец заканчивался, я вышел

[41] Карточная игра в основном для двоих, хотя существуют правила и для трех, и для четырех игроков.

[42] Рождественская песня, в которой рассказывается о короле Богемии X века, который отправляется в путешествие в суровую зимнюю погоду, чтобы раздавать милостыню.

в сад через служебную дверь под лестницей, ведущей на музыкальную галерею. Там я пробыл до тех пор, пока не закончился «Сэр Роджер»…

– С вами кто-нибудь был, сэр?

– Нет, никого.

– Значит, вы оставались в саду один с… часу двадцати до двух часов. Наверное, было довольно неприятно стоять столько времени на снегу? – Суперинтендант перевел проницательный взгляд с испачканных и промокших туфель Тони на его напряженное лицо.

– Я не замечал погоды. В зале было жарко, мне хотелось подышать свежим воздухом. Я видел, как в час сорок прибыли певчие. Наверняка они тоже меня видели. В дом я вернулся сразу после двух…

– Опять через служебную дверь, сэр?

– Нет, через садовую на другой стороне дома, ту, от которой отходит коридор, идущий мимо гобеленового зала. Я слышал пение, доносившееся из бального зала, и видел двух мужчин, сидевших в маленькой нише у подножия лестницы слева. Кажется, один из них был садовником. Я вошел в гобеленовый зал…

– С какой-то определенной целью, сэр?

– Нет. Мне не хотелось ни с кем встречаться, я собирался побыть в тишине. – Он замолчал. Суперинтендант не торопил его. – Ну вот, я вошел в гобеленовый зал. Свет в ней не горел. Я повернул выключатель и увидел… мисс Грейл. Она лежала рядом с радиатором. Я думал, она в обмороке, подбежал и обнаружил, что она… мертва. Я простоял над ней достаточно долго, чтобы убедиться в этом, а потом помчался в бальный зал и поднял тревогу.

– Благодарю вас, сэр. Могу я спросить, каковы были отношения между вами и мисс Грейл?

– Я… Я боготворил ее.

– Вы были с ней помолвлены, сэр?

– Нет, не совсем.

– Вы не ссорились? Между вами не возникло недопонимания или чего-то в этом роде?

– О, нет!

Суперинтендант Джонсон снова посмотрел на него и снова промолчал, но опыт подсказал ему: «Он лжет».

Вслух он только поблагодарил Тони и отпустил его. Белый Король, еле держась на ногах, как во сне вышел, его место занял Красный Король.

– Мисс Грейл, – начал Фрэнк Беллингем, – подруга моей жены и моя, она жила в нашем доме. Мистер Ли тоже наш гость. Мы, так сказать, одна компания. Думаю, между мисс Грейл и мистером Ли существовало особого рода взаимопонимание, хотя они не были помолвлены. Она была очень яркой, жизнерадостной и пользовалась популярностью. Я знаком с ней уже шесть лет, а моя жена – со дня нашей свадьбы. Не знаю ни единого человека, который мог бы затаить на нее обиду. Я танцевал с ней предпредпоследний танец – вальс. После этого были фокстрот и «Сэр Роджер». Она покинула меня по окончании вальса. Кажется, она сказала, что поднимется наверх, чтобы привести себя в порядок, и вышла через дверь в дальнем конце зала. Больше я ее не видел. Дамская гардеробная находится на втором этаже рядом со входом в картинную галерею. Туда поднимаются по лестнице, идущей из садового пассажа. Чтобы попасть в нее, нужно миновать дверь в гобеленовый зал. Единственный другой способ зайти в дамскую гардеробную – по лестнице в восточной стороне зала, которая ведет в картинную галерею. Но проходить через картинную галерею, чтобы попасть в гардеробную, не надо. Я хорошо знаю дом, мы с женой часто сюда ездим.

Следующей была леди Гермиона, чьи показания были пространными, но сводились к следующему: «Чармиен Грейл была распутницей, так что невелика потеря. Я не удивлена, что кто-то ее задушил. Я бы сама ее с радостью придушила. В последние полтора месяца она пре-

вратила жизнь Тони Ли в ад. Я видела, как она флиртовала сегодня вечером с мистером Вайбартом, чтобы возбудить ревность мистера Ли, строила глазки мистеру Беллингему и мистеру Плейфэру. Она всем строила глазки. Думаю, как минимум у полудюжины людей были причины желать ей смерти».

Мистер Вайбарт, прибывший в аляповатом костюме игрока в поло и все еще нелепо сжимавший в руке палку с лошадиной головой на конце, сообщил, что несколько раз танцевал с мисс Грейл тем вечером. Она была чертовски современной девушкой, любившей и умевшей повеселиться. Ну, может, чуточку слишком импульсивная, но, черт возьми, бедная девочка мертва. Он сам поцеловал ее раз-другой, но кому от этого плохо? Вероятно, бедняга Ли принимал это слишком близко к сердцу. Мисс Грейл любила подразнить его. Лично ему нравилась мисс Грейл, и он чертовски расстроен этим подлым делом.

Миссис Беллингем подтвердила показания мужа. Мисс Грейл была их гостьей, и все они дружили. Она не сомневалась, что мисс Грейл и мистер Ли очень нравились друг другу. На протяжении последних трех танцев она не видела мисс Грейл, но не придала этому никакого значения. А если бы и обратила внимание, то решила бы, что мисс Грейл где-нибудь с кем-нибудь сидит и болтает. Сама миссис Беллингем не была в гардеробной с полуночи и не видела, как мисс Грейл поднималась наверх. Она заметила отсутствие мисс Грейл только тогда, когда все выстроились для «Сэра Роджера».

Миссис Рейберн упомянула, что мисс Карстерс искала в зале Тони Ли как раз в тот момент, когда сэр Чарльз Деверилл отошел поговорить с музыкантами, и сообщила, что мистер Плейфэр сидел в это время в северном пассаже и ждал мисс Грейл. Миссис Рейберн точно может сказать, что это было в двадцать восемь минут второго. Самого мистера Плейфэра она увидела в час тридцать. Он заглянул в зал и снова скрылся. Все гости уже стояли парами в колонне, кроме мисс Грейл, мисс Карстерс, мистера Ли и мистера Плейфэра. Она это знает, потому что сэр Чарльз сосчитал пары.

Затем в библиотеку вошел мистер Плейфэр, поделившийся наиболее ценной информацией.

– Мисс Грейл должна была танцевать со мной «Сэра Роджера». По окончании предыдущего танца, то есть с часу двадцати пяти, я ждал ее в северном пассаже, сидя на банкетке в восточной его половине. Я видел, как сэр Чарльз направлялся к оркестру. Почти сразу после этого я увидел мисс Грейл, вышедшую из прохода под музыкальной галереей, и направившуюся вверх по лестнице в его конце. Я окликнул ее: «Поторопитесь! Танец начинается!» Не думаю, что она меня услышала, поскольку ничего не ответила. Я абсолютно уверен, что это была она. У той лестницы открытая балюстрада, через нее все видно. Правда, сам пассаж освещается только одним светильником, висящим посередине, но он такой мощный, что рассеивает тьму в обоих концах помещения, так что я не мог ошибиться. Половина танца закончилась, а я все еще ждал мисс Грейл, потом сдался, и мы объединились с мисс Карстерс, которая тоже потеряла партнера.

Следующей свидетельницей была горничная, дежурившая в гардеробной. Они с садовником были единственными из слуг, не участвовавшими в «Сэре Роджере». Она ни разу не покидала гардеробную после ужина, разве что выглядывала в коридор. За последний час, что продолжались танцы, мисс Грейл в гардеробной не появлялась.

Викарий, чрезвычайно взволнованный и расстроенный, сообщил, что они с музыкантами прибыли в час сорок. Он заметил мужчину в белом костюме, курившего в саду. Певчие оставили верхнюю одежду в холле у садового входа и проследовали на свою позицию через северный пассаж. За все это время никто мимо них не проходил, пока не появился мистер Ли со своим скорбным известием.

Церковный сторож мистер Эфраим Додд сделал важное дополнение к показаниям викария. Этот пожилой джентльмен не был певцом, по его собственному признанию, но всегда

ходил с певчими: он нес фонарь и ящик для пожертвований. Он уселся в садовом проходе, «чтобы дать отдых натруженным ногам», и видел, как джентльмен, «весь в белом и с короной на голове», вошел в дом из сада. В тот момент хор пел третий куплет: «Мяса принеси с вином…» Джентльмен огляделся, «состроил недовольную гримасу» и зашел в комнату возле самой лестницы. Пробыл он там «не больше минуты», а потом «выскочил как ошпаренный» и помчался прямиком в бальный зал.

Ну и, конечно, в дополнение ко всему этому свое заключение изложил доктор Паттисон. Он тоже присутствовал на танцах в качестве гостя и поспешил осмотреть тело тотчас, как мистер Ли поднял тревогу. Он счел, что мисс Грейл была жестоко задушена кем-то, стоявшим перед ней. Жертва была высокой, сильной девушкой, поэтому доктор не сомневался: чтобы одолеть ее, требовалась мужская сила. Когда он увидел ее в пять минут третьего, он высказал предположение, что она была убита в пределах предыдущего часа, исключая последние пять минут или около того. Тело было еще совсем теплым, но, поскольку оно упало рядом с разогретым радиатором, не следует слишком полагаться на это предположение.

Суперинтендант Джонсон задумчиво потер ухо и повернулся к лорду Питеру Уимзи, который мог подтвердить большую часть предыдущих показаний, особенно точное время, когда случилось то или иное событие. Суперинтендант хорошо знал Уимзи и не имел ни малейших сомнений в том, что может ему довериться.

– Видите ли, в чем дело, милорд. Если бедную девушку убили в том промежутке времени, который определил доктор Паттисон, это значительно сужает круг подозреваемых. Последний раз ее видели танцевавшей с мистером Беллингемом в… скажем, час двадцать. В два она была уже мертва. Это дает нам сорок минут. Но, если верить мистеру Плейфэру, промежуток сокращается еще больше. Он говорит, что видел ее живой сразу после того, как сэр Чарльз пошел переговорить с оркестром, то есть, по вашему свидетельству, в час двадцать восемь. Это означает, что возможность совершить убийство была только у пяти человек, так как все остальные находились в бальном зале и танцевали «Сэра Роджера». Есть еще горничная из гардеробной, но, между нами говоря, я полагаю, что ее следует исключить. Больно уж она хлипкая, и неясно, какой у нее мог быть мотив. Кроме того, я знаю ее с детства: она не из тех, кто способен на такое. Далее, у нас есть садовник, я с ним еще не встречался, но опять же это человек, которого я хорошо знаю, и должен сказать, что я скорее заподозрил бы себя самого.

Итак, остаются мистер Тони Ли, мисс Карстерс и мистер Плейфэр. Наименее вероятна девушка, по причине физической слабости, а также потому, что удушение не женский способ убийства… как правило. А вот с мистером Ли история, если хотите, подозрительная. Что он делал все это время один в саду?

– Похоже, мисс Грейл дала ему от ворот поворот, и он удалился в сад, чтобы прийти в себя.

– Вот именно, милорд. И именно в этом может таиться мотив.

– Может, – сказал Уимзи. – Но послушайте: на земле – покров снега толщиной дюйма два. Если вы проверите время, когда мистер Ли вышел, вы сможете отследить по отпечаткам его подошв, возвращался ли он в дом до того, как Эфраим Додд увидел его, а также – где он бродил все это время и был ли один.

– Отличная идея, милорд. Пошлю своего сержанта заняться этим.

– Есть еще мистер Беллингем. Предположим, он убил ее, после того как они станцевали вальс. Кто-нибудь видел его между окончанием вальса и началом фокстрота?

– Это возможно, милорд, и мне это тоже приходило в голову. Но понимаете, *куда* это нас ведет? Это бы означало, что они были в сговоре с мистером Плейфэром, а, судя по тому, что мы слышали, это не представляется вероятным.

– Вы правы. Мне известно, что мистер Беллингем и мистер Плейфэр находятся между собой не в лучших отношениях. Так что этот вариант можно исключить.

– Я тоже так считаю, милорд. Остается мистер Плейфэр. В вопросе о времени событий мы полагаемся на его показания. Никто не видел мисс Грейл во время фокстрота. Что могло помешать ему совершить убийство тогда? Минутку. Что говорит он сам? Ага, вот: говорит, что танцевал фокстрот с герцогиней Денверской. – Лицо у суперинтенданта вытянулось, и он снова стал перебирать свои записи. – Герцогиня это подтверждает, говорит, что они проболтали весь предыдущий перерыв, а потом протанцевали весь танец до конца. Что ж, милорд, считаю, на слова ее светлости можно положиться.

– Думаю, да, – сказал Уимзи, улыбаясь. – Я знаю свою матушку практически со дня рождения, и она всегда была человеком, на которого можно положиться.

– Конечно, милорд. Итак, мы дошли до конца фокстрота. После этого мисс Карстерс заметила мистера Плейфэра, ожидавшего в северном пассаже. Она говорит, что видела его несколько раз за время перерыва и разговаривала с ним. А миссис Рейберн видела его там в половине второго. Потом, в час сорок пять, они с мисс Карстерс решили составить пару и присоединились к танцорам. Найдется ли кто-нибудь, кто сможет все это подтвердить? Вот этим мы сейчас и займемся.

В течение недолгого времени подтверждений было получено множество. Мервин Бантер, личный слуга лорда Питера, сообщил, что помогал подносить в буфет прохладительные напитки и видел, что в течение всего перерыва между вальсом и фокстротом мистер Ли стоял у служебного выхода под музыкальной галереей, а в середине фокстрота вышел в сад через служебную дверь. Полицейский сержант изучил следы на снегу и выяснил, что к мистеру Ли никто не подходил и что в саду имеются следы только одних ног, которые тянутся от служебного выхода к садовому входу, находящемся неподалеку от гобеленной. Нашлось также несколько человек, которые видели мистера Беллингема в перерыве между вальсом и фокстротом и могли подтвердить, что он протанцевал фокстрот от начала до конца с миссис Беллингем. Джоан Карстерс тоже видели постоянно во время вальса, фокстрота, последовавшего за ним перерыва и в начале «Сэра Роджера». Более того, слуги, танцевавшие в ближнем конце зала, были уверены, что с часу двадцати девяти до часу сорока пяти мистер Плейфэр неотлучно сидел на оттоманке в северном пассаже, не считая нескольких секунд, когда заглядывал в бальный зал. Также они были уверены, что за все это время никто не поднимался по лестнице в дальнем конце пассажа, а мистер Додд с такой же определенностью подтвердил, что после часа сорока минут никто, кроме мистера Ли, не входил ни в садовый пассаж, ни в гобеленовый зал.

И наконец круг замкнулся: Уильям Хоггарти, садовник, заверил с явной искренностью, что с часу тридцати до часу сорока находился в садовом коридоре, так как должен был встретить певчих и проводить их на место. За это время никто не спускался по лестнице из картинной галереи и не входил в гобеленную. С часу сорока и далее он сидел с мистером Доддом в коридоре, и никто не проходил мимо них, кроме мистера Ли.

В свете полученных сведений отпала причина сомневаться в показаниях Джима Плейфэра, поскольку его партнерши подтвердили его местонахождение во время вальса, фокстрота и перерыва между ними. В час двадцать восемь или сразу после он видел Чармиен Грейл живой. В два двадцать ее нашли мертвой в гобеленовом зале. В течение этого интервала никто не видел, чтобы кто-то входил в эту комнату. И местоположение всех было определено.

В шесть часов измученным гостям разрешили разойтись по своим комнатам. Все удобства были обеспечены и тем, кто, как Беллингемы, приехал издалека, потому что суперинтендант собирался опросить всех снова днем попозже.

Новые допросы не дали результата. Лорд Питер Уимзи не принимал в них участия. Они с Бантером (который великолепно владел искусством фотографии) занялись фотографированием бального зала, а также примыкающих к нему комнат и пассажей со всех возможных

ракурсов, потому что, как заметил лорд Питер, «никогда не знаешь заранее, что может оказаться важным». После этого, во второй половине дня, они закрылись в подвале с ванночками, фотолабораторным фонарем и химическими реагентами, срочно добытыми у ближайшего химика, и приступили к проявке пластин.

– Это все, милорд, – заметил Бантер через какое-то время, прополаскивая последнюю пластину в воде и опуская ее в фиксаж. – Теперь можно включить свет.

Уимзи включил и заморгал от вмиг вспыхнувшего яркого света.

– Изрядно наработали, – сказал он. – Эй, а что это за лоток, полный крови?

– Это специальный красный состав, которым обрабатывают тыльную сторону пластины, чтобы устранять ореолы. Вы могли заметить, милорд, что я смываю его, прежде чем погрузить пластину в проявитель. Ореол, милорд, это явление, которое…

Но Уимзи его не слушал.

– Как же я не заметил этого раньше? – сказал он. – Мне казалось, что это просто чистая вода.

– Так и должно было быть в красном свете лабораторного фонаря. Видимость белизны происходит от отражения *всего* запечатленного на снимке света, – поучительно добавил Бантер. – В красном свете белый и красный, естественно, неразличимы. Точно так же, как зеленый цвет…

– Я понял, понял! – сказал Уимзи. – Подождите минутку, Бантер, мне нужно подумать… Ясно! Черт с ними, с пластинами. Идемте наверх.

Увлекая за собой Бантера, он легким галопом помчался в бальный зал, где было темно, поскольку окна в южном пассаже уже задернули шторами, и только тусклый свет декабрьского вечера просачивался через окна клеристория[43], расположенные высоко над окружавшей зал аркадой. Первым делом он включил три огромные люстры в самом зале. Из-за тяжелых дубовых панелей, которыми были облицованы стены от пола до потолка в обоих концах, а также все четыре угла зала, лестница в ближнем конце северного пассажа оставалась в тени. Тогда Уимзи включил четырехцветный подвесной светильник в северном пассаже между двумя оттоманками. Яркий зеленый свет мгновенно залил дальнюю часть пассажа и лестницу, противоположная половина купалась в густом янтарном свете, красный луч был направлен в бальный зал, а голубой освещал стену пассажа.

Уимзи покачал головой.

– Возможностей ошибиться не много. Если только… Я понял! Бантер, бегите и срочно приведите сюда мисс Карстерс и мистера Плейфэра.

Пока Бантер отсутствовал, Уимзи позаимствовал в кухне стремянку и тщательно изучил крепление светильника. Оно было сделано наспех, кое-как: светильник висел на крюке, вбитом в балку, и зажигался с помощью гибкого провода с вилкой на конце, которая вставлялась в розетку, расположенную в некотором отдалении.

– Послушайте, – обратился он к прибывшим гостям, – я хочу провести небольшой эксперимент. Плейфэр, сделайте одолжение, сядьте на ту оттоманку, на которой вы сидели вчера вечером. А вас, мисс Карстерс, я выдернул, потому что вы вчера были в белом. Не будете ли вы любезны пройти в конец пассажа и подняться по лестнице, как это сделала вчера мисс Грейл? Я хочу знать, совпадет ли у Плейфэра сегодняшнее впечатление со вчерашним.

Он внимательно наблюдал за тем, как они производили предписанные им маневры. Джим Плейфэр выглядел озадаченным.

– Почему-то все выглядит не совсем так, как вчера. Не могу сказать, в чем именно разница, но она есть.

Вернувшаяся Джоан согласилась с ним.

---

[43] Ряд больших или маленьких окон вдоль верхней части стены строения, обычно под самой крышей.

– Часть времени я просидела на той, другой оттоманке, – сказала она. – И она выглядела немного по-другому. Думаю, сейчас она темнее.

– А моя светлее, – подхватил Джим.

– Отлично! – сказал Уимзи. – Именно это я и хотел от вас услышать. А теперь, Бантер, поверните светильник на четверть оборота влево.

Как только это было сделано, Джоан вскрикнула:

– Вот! Вот! Голубой свет! Помню, когда вошли певчие, я еще подумала: «Бедняги, какие у них посиневшие от холода лица».

– А вы, Плейфэр?

– Совершенно согласен, – удовлетворенно ответил Джим. – Вчера свет был красным, и я, напротив, подумал: «Каким теплым и уютным кажется все вокруг».

Уимзи рассмеялся.

– Мы на правильном пути, Бантер. Что гласит правило шахматной игры? *Королева всегда стоит на поле своего цвета.* Найдите горничную, дежурившую в гардеробной, и спросите у нее, заходила ли туда миссис Беллингем прошлой ночью между фокстротом и «Сэром Роджером».

Пять минут спустя Бантер вернулся с докладом:

– Горничная говорит, что в это время миссис Беллингем в гардеробную не заходила. Но она видела ее выходящей из картинной галереи и сбегавшей вниз по лестнице к гобеленовому залу как раз в тот момент, когда оркестр заиграл вступление к «Сэру Роджеру».

– То есть, в час двадцать девять минут, – уточнил Уимзи.

– Миссис Беллингем? – удивился Джим. – Но вы ведь сами сказали, что видели ее в бальном зале до половины второго. Она бы не успела совершить это убийство.

– Не успела бы, – согласился Уимзи. – Но Чармиен Грейл была мертва задолго до этого. А фигура, которую вы видели на лестнице, была Красной, а не Белой Королевой. Выясним, почему миссис Беллингем солгала о своих передвижениях, и узнаем правду.

– Очень грустная история, милорд, – рассказывал суперинтендант Джонсон несколько часов спустя. – Мистер Беллингем повел себя как истинный джентльмен, как только мы сообщили ему, что располагаем уликами против его жены. Оказалось, что мисс Грейл были известны какие-то факты, которые, выйдя наружу, могли бы погубить его политическую карьеру. Мисс Грейл годами шантажировала его, выкачивая из него деньги. Вчера вечером она ошеломила его новыми требованиями. Не дожидаясь окончания вальса, который танцевали вместе, они уединились в гобеленовом зале, и там между ними вспыхнула ссора. Он вышел из себя и поднял на нее руку. Он говорит, что у него и в мыслях не было причинить ей серьезный вред, но она начала громко скандалить, и, чтобы заставить ее замолчать, он сжал ей горло и – можно сказать, случайно – задушил. Поняв, что наделал, он почувствовал себя, как в тумане, и, оставив ее на месте, вернулся в зал. Во время следующего танца, который танцевал с женой, он рассказал ей, что случилось, и тут вспомнил, что выронил там, в гобеленной, маленький скипетр, который носил с собой. Миссис Беллингем – отважная женщина – решила пойти и забрать его. Она проскользнула по темному пассажу под музыкальной галереей, который оказался пустым, и поднялась по лестнице в картинную галерею. Она не слышала, как мистер Плейфэр окликнул ее. Потом пробежала через галерею, спустилась по другой лестнице, забрала скипетр и спрятала его под платьем. Позднее, услышав от мистера Плейфэра о том, чтó он видел, она сообразила, что в красном свете он принял ее за Белую Королеву. Рано утром, спустившись вниз, она как-то сумела повернуть четырехцветный светильник. Разумеется, все это сделало ее сообщницей, но такую жену хотел бы иметь каждый мужчина. Надеюсь, она легко отделается.

– Аминь! – сказал лорд Питер Уимзи.

Жемчужное ожерелье

Сэр Септимус Шейл привык употреблять свой авторитет только один раз в году и никогда больше. Он позволял своей молодой, пользующейся популярностью жене набивать дом модной примитивной мебелью из стали, собирать «продвинутых» художников и безграмотных поэтов, увлекаться коктейлями и теорией относительности, экстравагантно одеваться по ее вкусу, единственное, на чем он настаивал, – это традиционная, старомодная встреча Рождества. Он был простодушным человеком, который действительно любил рождественский пудинг и хлопушки с сюрпризами и искренне считал, что все остальные «втайне» тоже радуются таким вещам. Поэтому на Рождество он неукоснительно уезжал в свой загородный дом в Эссексе, собирал всех слуг и велел им украшать остролистом и омелой кубистские электрические светильники, загружать стальной буфет деликатесами из «Фортнум и Мейсон»[44], развешивать чулки в изголовьях отполированных до блеска кроватей орехового дерева и даже, только по этому особому случаю, убирать электрические радиаторы из модернистских каминов и вместо них раскладывать в очагах рождественские поленья. После этого он созывал родных, друзей и потчевал их таким количеством всевозможных диккенсовских вкусностей, какое они были в состоянии поглотить. После рождественского ужина он усаживал всех в гостиной играть в шарады, вопросы и ответы, в «Животное, растение или минерал»[45], а в заключение – в прятки в темноте по всему дому. Поскольку сэр Септимус был очень богатым человеком, гости с показным энтузиазмом выполняли эту неизменную программу и, если начинали скучать, ничем себя не выдавали.

Еще одной милой традицией, которой он следовал неукоснительно, было презентовать дочери Маргарите жемчужину на день рождения, совпадавший с Рождественским сочельником. Жемчужин было уже двадцать, и коллекция приобрела некоторую известность, ее фотографии помещали в светских разделах газет и журналов. Хоть и не слишком крупные – каждая размером с горошину, – жемчужины имели огромную ценность, так как обладали изысканным цветом, идеальной формой и безупречно соответствовали друг другу. Церемония вручения двадцать первой жемчужины в этот сочельник была задумана по особому сценарию: с танцевальным номером и речами. Что касается Рождественской ночи, то ее предполагалось провести как всегда: в узком кругу, с традиционной индейкой и викторианскими играми. Присутствовало одиннадцать гостей, не считая сэра Септимуса, леди Шейл и их дочери, почти все они были так или иначе связаны с семьей: Джон Шейл, брат хозяина, с женой, сыном Генри и дочерью Бетти; жених Бетти Освальд Тругуд, молодой человек с парламентскими амбициями; Джордж Камфри, кузен леди Шейл, мужчина лет тридцати, известный в светских кругах; Лавиния Прескотт, приглашенная для Джорджа; Джойс Триветт, приглашенная для Генри Шейла; Ричард и Берил Деннисон, дальние родственники леди Шейл, которые вели веселую и дорогостоящую жизнь на средства, источник которых никому известен не был; и, наконец, лорд Питер Уимзи, приглашенный в трогательной, но ни на чем не основанной надежде, что его заинтересует Маргарита. Разумеется, были среди гостей Уильям Норгейт, секретарь сэра Септимуса, и мисс Томкинс, секретарша леди Джейн, потому что без их незаметной, но эффективной работы успех празднику гарантирован не был.

Завершился обед – казалось, нескончаемая череда блюд: суп, рыба, индейка, ростбиф, рождественский пудинг, пирожки с мясом, засахаренные фрукты, орехи и пять сортов вина, – «под председательством» сэра Септимуса (сплошные улыбки), леди Шейл (сплошные прене-

[44] Fortnum & Mason – один из самых известных и роскошных универмагов Лондона. Основан в 1707 году.

[45] «Животное, растение или минерал» – это классическая словесная игра-викторина на угадывание, в которой ведущий загадывает тайный объект, а участники пытаются его вычислить с помощью логики.

брежительные ухмылки) и Маргариты, хорошенькой скучающей девушки в ожерелье из двадцати одной жемчужины, нежно мерцающем на ее стройной шее. Объевшиеся, подавленные, мечтающие лишь о том, чтобы поскорее принять горизонтальное положение, гости были препровождены в гостиную, и начались игры: «Музыкальные стулья» (у рояля мисс Томкинс), «Найди туфельку» (туфельку обеспечила мисс Томкинс) и шарады-пантомимы (костюмы мисс Томкинс и мистера Уильяма Норгейта). Ниша в салоне (ибо сэр Септимус предпочитал использовать старомодные названия) представляла собой прекрасную гардеробную. Она отделялась раздвижными дверями от основной части помещения, где медный потолок отражал чересур яркий свет электрических люстр, а гости сидели на алюминиевых стульях, неуютно шаркая подошвами по черному стеклу пола.

Уильям Норгейт, уловив настроение присутствующих, посоветовал леди Шейл поиграть во что-нибудь менее подвижное. Леди Шейл согласилась и, как обычно, предложила бридж. Сэр Септимус, тоже как обычно, отверг это предложение.

– Бридж? Чушь! Вздор! В бридж можно играть в любой день, а сегодня Рождество. Игра должна быть общей. Как насчет «Животных, растений или минералов»?

Это было любимое интеллектуальное времяпрепровождение сэра Септимуса, и он был мастером задавать изобретательные наводящие вопросы. После небольшой дискуссии стало ясно, что эта игра неизбежна. Компания смирилась, и сэр Септимус вызвался «удалиться» первым, чтобы начать ее.

К концу они разгадали, помимо прочего, фотографию матери мисс Томкинс, граммофонную пластинку «Я хочу быть счастливой» (проведя весьма научное исследование состава материала, из которого она сделана, на основе сведений, почерпнутых Уильямом Норгейтом из энциклопедии «Британника»), самую маленькую колюшку, которая водилась в речке в конце сада, новую планету Плутон и шарф миссис Деннисон (очень хитроумный выбор предмета, ибо шарф был сделан не из натурального шелка – тогда он относился бы к животному миру – и не из искусственного шелка – тогда он относился бы к миру растительному, – а из стекловолокна, являющегося минералом). Не сумели они разгадать речь премьер-министра по радио, но вопрос общим голосованием был признан некорректным, ибо никто не может сказать, имеет ли беспроводное радио животное происхождение или является газом. Было решено заменить этот вопрос и после него перейти к пряткам. Освальд Тругуд удалился в нишу и закрыл за собой дверь, а компания принялась обсуждать, какой предмет ему загадать, когда вдруг сэр Септимус прервал обсуждение, обратившись к дочери:

– Эй, Марджи! А где твое ожерелье?

– Я его сняла, папа, потому что боялась, как бы нитка не разорвалась во время шарад. Оно лежит там, на столе. Ой, не лежит. Это ты его убрала, мама?

– Нет, я не убирала. Если бы увидела, убрала бы. Ты такое беспечное дитя.

– Папа, признайся, ты сам его взял, чтобы разыграть меня?

Сэр Сэптимус отверг обвинение весьма решительно. Все повставали с мест и принялись за поиски ожерелья. В отнюдь не забитой мебелью гостиной было весьма немного мест, куда можно было бы спрятать ожерелье. Через десять минут бесплодных поисков Ричард Деннисон, сидевший рядом со столом, начал испытывать беспокойство.

– Неловкое положение, знаете ли, – заметил он Питеру Уимзи.

В этот момент Освальд Тругуд просунул голову в щель между створками двери и спросил, придумали ли они наконец слово, потому что ему уже порядком надоело ждать.

Его появление переключило общее внимание на гардеробную. Маргарита, должно быть, ошиблась. Вероятно, она сняла ожерелье там, и оно затерялось среди костюмов для игры. Комнату тщательно обыскали. Каждую вещь поднимали и встряхивали. Дело начинало приобретать серьезный оборот. После получаса отчаянных поисков стало ясно, что жемчугов нигде нет.

– Они должны быть где-то в двух этих комнатах, – сказал Уимзи. – В отделенной части гостиной других дверей нет, и никто не мог незаметно выйти из передней части. Если не считать окон…

Впрочем, нет. Все окна снаружи защищены массивными ставнями. Чтобы снять и переместить их, требуются усилия двух лакеев. Ожерелье не могло покинуть комнату этим путем. Само предположение, что драгоценность исчезла из гостиной, было неприятно, потому что… потому что…

Хладнокровно и смело посмотреть правде в глаза смог как всегда деловой и рассудительный Уильям Норгейт.

– Думаю, сэр Септимус, все вздохнут с облегчением, если нас всех обыщут.

Сэр Септимус пришел в ужас, но гости, почуяв лидера в лице Норгейта, поддержали его. Дверь заперли, и обыск был проведен: женщин – во внутренней части гостиной, мужчин – в нише. Но он ничего не дал, кроме кое-какой занятной информации о том, что носят с собой мужчины и женщины. Естественно, что у лорда Питера были при себе пинцет, карманная лупа и маленькая складная линейка – могло ли быть иначе, ведь в свете его называли Шерлоком Холмсом? А вот то, что Освальд Тругуд носил в кармане завернутыми в обрывок бумаги две таблетки от печени, а Генри Шейл – карманное издание од Горация, было неожиданно. Почему Джон Шейл напихал в карманы фрака кусок красного сургуча, какой-то маленький уродливый талисман и монету в пять шиллингов? У Джона Камфри оказалась пара складных ножниц и три куска сахара в обертках, из тех, какие подают в ресторанах и поездах, – свидетельство нередко встречающейся формы клептомании; но то, что пунктуальный Норгейт станет носить в карманах катушку белых ниток, три отрезка веревки разной длины и дюжину английских булавок на картонке, показалось особенно странным, пока кто-то не вспомнил, что Норгейт отвечал за всю рождественскую декорацию дома. Ричард Деннисон, смущаясь, со смехом выложил женскую подвязку, пудреницу и половину картошки. Последняя, по его словам, служила ему для профилактики ревматизма, к которому он был предрасположен, остальное принадлежало его жене. На женской стороне самыми поразительными экспонатами были маленькая книжка по хиромантии, три заколки-невидимки, фотография ребенка (у мисс Томкинс), китайский портсигар с потайным отделением (у Берил Деннисон), *очень* личное письмо и приспособление для поднятия спущенных петель на чулках (Лавиния Прескотт) и, наконец, щипчики для бровей и маленький пакетик белого порошка якобы от головной боли (Бетти Шейл). Волнующий момент наступил, когда Джойс Триветт извлекла из сумки маленькую ниточку жемчуга, но все быстро вспомнили, что та была одним из сюрпризов в хлопушке, и жемчужины на ней синтетические. Короче, обыск оказался бесплодным и чреватым общим смущением и неудобством, которое возникает всегда, когда приходится поспешно раздеваться и одеваться в неурочное время в неурочном месте.

Именно в этот момент кто-то неохотно, запинаясь, произнес неприятное слово «полиция». Сэра Септимуса, естественно, оно привело в ужас. Это отвратительно! Он никогда этого не допустит. Ожерелье должно быть где-то здесь. Нужно еще раз обыскать комнату. Не согласится ли лорд Питер Уимзи с его опытом в разгадывании… э-э… таинственных происшествий помочь им?

– Я? – сказал его светлость. – О, черт возьми, конечно, с удовольствием! В том случае, если никто не предполагает… э-э… я хочу сказать, если никто не считает меня подозреваемым.

В разговор авторитетно вмешалась леди Шейл:

– Мы *никого* не подозреваем, – сказала она, – но если бы и подозревали, то точно не вас. Вы *слишком* много знаете о преступлениях, чтобы совершать их.

– Хорошо, – согласился Уимзи. – Но после того, ка́к тщательно все было обыскано… – Он пожал плечами.

– Да, боюсь, вы не сможете найти чьих-нибудь следов на полу, – сказала Маргарита, – но мы могли что-нибудь пропустить.

Уимзи кивнул.

– Я попробую. Не возражаете, если я попрошу всех вас перейти в соседнюю комнату и оставаться там? Всех, кроме одного: я предпочитаю иметь свидетеля всему тому, что буду делать или что найду. Сэр Септимус, думаю, вы самая подходящая кандидатура.

Он проводил всех на их места и начал медленно обходить гостиную и нишу, обследуя каждую поверхность, внимательно осматривая блестящий медный потолок и ползая на четвереньках по всему не загроможденному мебелью черному стеклянному полу. Сэр Септимус следовал за ним, всматриваясь в то, во что всматривался Уимзи, упираясь руками в колени, наклоняясь, когда Уимзи ползал по полу, и в промежутках пыхтя от удивления и досады. Со стороны их передвижения напоминали передвижения человека, который совершал неторопливый моцион с очень любопытным щенком. К счастью, вкус леди Шейл в сфере домашних интерьеров облегчал поиски: в комнате не было закоулков, где можно было бы что-нибудь спрятать.

Перейдя в нишу, они снова тщательнейшим образом обследовали приготовленные для шарад костюмы, но безрезультатно. Наконец Уимзи лег на живот, чтобы заглянуть под стальной буфет на коротких ножках. Что-то привлекло его внимание. Закатав рукав, он засунул руку в щель, дернулся, стараясь протолкнуть руку подальше, но все же не смог дотянуться до того, что его заинтересовало. Тогда он достал из кармана складной метр, расправил его, пошарил им под буфетом и вытянул искомый предмет.

Это была необычная булавка, напоминавшая те, что энтомологи используют для закрепления чрезвычайно мелких мотыльков в энтомологической коробке: очень тонкая, длиной примерно в три четверти дюйма, с острым концом и очень маленькой головкой.

– Господи помилуй! – воскликнул сэр Септимус. – Что это?

– Кто-нибудь из присутствующих случайно не увлекается коллекционированием мотыльков, или жуков, или еще чего-нибудь? – поинтересовался Уимзи, сидя на корточках и разглядывая булавку.

– Уверен, что никто, – ответил сэр Септимус. – Но я спрошу.

– Не нужно. – Уимзи, склонив голову, вглядывался в пол, из которого на него в ответ задумчиво смотрело собственное отражение.

– Понятно, – произнес наконец Уимзи. – Вот, значит, как это было сделано. Ладно, сэр Септимус. Я знаю, где ожерелье, но не знаю, кто его взял. Вероятно, и это мы выясним – ко всеобщему удовлетворению. А пока оно в полной безопасности. Никому не говорите, что мы нашли булавку и вообще что-то разведали. Пусть все отправляются спать. Заприте гостиную, держите ключ при себе, и ко времени завтрака мы поймаем похитителя или похитительницу.

– Дай-то бог! – сказал сэр Септимус, весьма озадаченный.

Всю ночь лорд Питер Уимзи неусыпно наблюдал за дверью гостиной. Однако никто к ней не приближался. Либо вор заподозрил ловушку, либо был уверен, что сможет забрать жемчуг в любое время. Уимзи, однако, не считал, что зря потратил время. Сидя в засаде, он составлял список гостей, которые в тот или иной момент оставались одни в закрытой нише во время игры в «Животных, растения или минералы». Получилось вот что:

Сэр Септимус Шейл
Лавиния Прескотт
Уильям Норгейт
Джойс Триветт и Генри Шейл (они были вместе, поскольку утверждали, будто не в состоянии разгадать что бы то ни было без помощи друг друга)
Миссис Деннисон

Бетти Шейл
Джордж Камфри
Ричард Деннисон
Мисс Томкинс
Освальд Тругуд.

Составил он также список лиц, для которых ожерелье могло бы представлять интерес или пользу. К сожалению, этот список почти полностью совпадал с предыдущим (исключая, разумеется, сэра Септимуса) и поэтому был бесполезен. Оба секретаря явились в дом с прекрасными рекомендациями, однако это было именно то, о чем они позаботились бы, имей они тайные намерения. Деннисоны были хорошо известными прожигателями жизни, еле сводившими концы с концами. Бетти Шейл носила в сумочке загадочный белый порошок и была известна тем, что водила дружбу с сомнительными личностями. Генри был безобидным дилетантом, но Джойс Триветт легко могла обвести его вокруг своего мизинца: она была из тех, кого Джейн Остин называла «дорогая и беспутная». Камфри играл на бирже. Освальд Тругуд довольно часто посещал Эпсом и Ньюмаркет[46]. Поиск мотивов никакой трудности не представлял.

Когда младшая горничная и младший лакей появились в коридоре с принадлежностями для уборки, Уимзи покинул свой пост, но отправился не к себе, а в столовую – к раннему завтраку. Сэр Септимус с женой и дочерью были уже там, и в комнате висело напряжение. Уимзи, стоя перед разожженным камином, вел разговоры о погоде и политике.

Постепенно подтягивались остальные, но, как будто по негласной договоренности, все молчали о жемчуге, пока наконец после завтрака Освальд Тругуд не взял быка за рога.

– Ну так как? – спросил он. – Как идет расследование? Уимзи, вы кого-нибудь вычислили?

– Пока нет, – беспечно ответил Уимзи.

Сэр Септимус, взглянув на Уимзи словно в ожидании подсказки, откашлялся и разразился речью:

– Все это очень утомительно и неприятно, – сказал он. – Гм-м. Боюсь, не остается ничего иного, как обратиться в полицию. И это в Рождество! Гм-м. Праздник испорчен. Не могу смотреть на все это убранство дома. – Он махнул рукой в сторону гирлянд из вечнозеленых растений и цветной бумаги, которые украшали стены. – Снимите все, ясно? У меня к ним душа больше не лежит. Гм-м. Сожгите все!

– Как жалко, мы столько сил на них потратили, – сказала Джойс.

– Ой, дядюшка, пусть останутся, – поддержал ее Генри Шейл. – Ты слишком разволновался из-за ожерелья. Оно безусловно найдется.

– Позвать слуг? – сухо осведомился Уильям Норгейт.

– Нет, – перебил его Камфри, – мы все сделаем сами. Будет хоть какое-то занятие, чтобы отвлечься от неприятностей.

– Правильно, – поддержал его сэр Септимус. – Прямо сейчас и начнем. Видеть все это не могу. – Он свирепо сорвал большую ветку остролиста с каминной полки и швырнул ее в огонь.

– Вот это дело! – сказал Ричард Деннисон. – Разожжем старый добрый костер! – Он выскочил из-за стола и сорвал ветку омелы с подсвечника. – Ну, кого поцеловать в последний раз, пока не поздно?[47]

– А разве это не к несчастью – снимать омелу до Нового года? – заметила мисс Томкинс.

---

[46] Названия известных английских ипподромов.

[47] В Англии существует рождественский обычай целоваться под веткой омелы, связанный с поверьем, что поцелуй под омелой станет залогом счастья и вечной любви.

– К черту предрассудки! Срываем все, на лестнице и в гостиной. Пусть кто-нибудь пойдет туда и все уберет.

– Но ведь гостиная заперта, – удивился Освальд.

– Нет. Лорд Питер сказал, что жемчуга там нет, так что мы ее отперли. Правда, Уимзи?

– Совершенно верно. Жемчуг вынесли оттуда. Не могу пока сказать вам, как именно, но в само́м факте я не сомневаюсь. Готов поставить на кон свою репутацию, что ожерелье где угодно, только не там.

– А, ну хорошо, – сказал Камфри, – в таком случае пошли. Лавиния, вы с Деннисоном будете снимать убранство в гостиной, а я – в нише. Давайте устроим соревнование.

– Но если приедет полиция, – заметил Деннисон, – разве не должно все оставаться как было?

– К черту полицию! – закричал сэр Септимус. – Им не нужны ветки.

Освальд и Маргарита уже снимали остролист и плющ на лестнице, время от времени взрываясь хохотом. Компания рассредоточилась. Уимзи тихо поднялся по лестнице и вошел в гостиную, где работа по демонтажу убранства была в полном разгаре. Джордж поставил два фунта десять шиллингов против шести пенсов на то, что они не сделают свою часть работы раньше, чем он закончит свою.

– Вы не должны ему помогать, – смеясь, предупредила Уимзи Лавиния, – иначе будет нечестно.

Уимзи ничего не ответил, но дождался, когда они уйдут, закончив работу, и последовал за ними в холл, где в камине с ревом пылал, рассыпая искры, огонь, наводивший на мысль о ночи Гая Фокса[48]. Подойдя к сэру Септимусу, он шепнул ему что-то на ухо, после чего тот выступил вперед и положил руку Джорджу Камфри на плечо.

– Лорд Питер что-то хочет сказать вам, мой мальчик.

Камфри вздрогнул и с заметной неохотой последовал за ним. Вид у него сделался неважный.

– Мистер Камфри, – сказал Уимзи, – полагаю, это ваше. – Он протянул ладонь, на которой лежали двадцать две булавки с крохотными головками.

– Хитроумно, – сказал Уимзи, – но что-нибудь менее хитроумное лучше отвечало бы поставленной задаче. Похитителю не повезло, сэр Септимус, что вы задали вопрос об ожерелье тогда, когда вы его задали. Разумеется, он надеялся, что пропажа не обнаружится до того момента, когда интеллектуальные игры закончатся и все начнут играть в прятки. Тогда он мог бы спрятать ожерелье в любой части дома и забрать его тогда, когда ему было бы удобно. Совершенно очевидно, что с этим намерением он явился в дом и поэтому принес с собой булавки, а то, что мисс Шейл сняла ожерелье перед намечавшейся игрой в шарады, оказалось его счастливым шансом.

Он и прежде бывал здесь на Рождество, поэтому знал, что одним из обязательных развлечений будет игра в «Животных, растения или минералы». Ему оставалось только незаметно взять ожерелье со стола, когда настанет его очередь удалиться в нишу, и он был уверен, что в его распоряжении минимум пять минут, пока компания будет спорить, какое слово выбрать. Этого было вполне достаточно, чтобы срезать жемчужины с нитки своими карманными ножницами, сжечь нитку в камине и пришпилить жемчужины к ветке омелы крохотными булавками. Ветка висела на канделябре довольно высоко, но он мог без труда дотянуться до нее, встав на стеклянный столик, с которого легко стереть следы, и можно было быть уверенным,

[48] В эту ночь кострами и петардами отмечается провал Порохового заговора (5 ноября 1605 г.), когда группа католиков-заговорщиков под руководством Гая Фокса попыталась взорвать парламент Великобритании во время тронной речи протестантского короля Якова I.

что никто не станет осматривать ветку омелы на предмет лишних ягод. Я бы и сам никогда не подумал об этом, если бы не нашел оброненную им булавку. Это натолкнуло меня на мысль, что жемчужины были разъединены, а об остальном уже нетрудно догадаться. Прошлой ночью я снял жемчужины с ветки – вот они. Замочек тоже был прикреплен между листьев остролиста. Должно быть, сегодня утром Камфри испытал немалый шок. Что он тот, кто нам нужен, я догадался, когда он предложил, чтобы гости сами занялись уборкой украшений, и вызвался поработать в нише гостиной, но мне очень хотелось увидеть выражение его лица, когда он добрался до ветки и увидел, что жемчужин на ней нет.

– И все это вы поняли, всего лишь найдя булавку? – восхитился сэр Септимус.

– Да, после этого я уже точно знал, где спрятаны жемчужины.

– Но вы ни разу даже не взглянули на ту ветку омелы.

– Я увидел ее отражение в черном стекле пола и подумал о том, как ягоды омелы похожи на жемчужины!

Улика в зубах

– Ну, старина, – сказал мистер Ламплаф, – что мы можем сделать для вас сегодня?

– Полагаю, ваше обычное др-бр-др, что же еще? – ответил лорд Питер Уимзи, нехотя усаживаясь в кресло пыток, обитое зеленым велюром, и с отвращением косясь на бормашину. – Один из моих левых верхних зубов развалился на части прямо у меня во рту, притом что ел я всего-навсего омлет. Никак не могу взять в толк, почему это случается именно в такие моменты. Если бы я щелкал орехи или жевал мятные леденцы, это можно было бы еще понять…

– Да-да, – успокаивающе произнес мистер Ламплаф, словно Маскелайн и Девант[49], извлекая откуда-то слева загадочное устройство: электрическую лампочку с отражающим зеркальцем, за которой тянулся – видимо, из самых недр земли – длинный гибкий шнур. – Болит?

– *Не болит,* – раздраженно ответил Уимзи, – если не считать того, что острый обломок может отпилить кусок языка. Вопрос в другом: почему это случилось так вдруг? Я же ничего для этого не сделал.

– Не сделали, – согласился мистер Ламплаф. Его манера обращения колебалась между профессиональной и дружеской, потому что он тоже был старым болельщиком «Винчестера» и членом одного из клубов, к которому принадлежал Уимзи, а в юности они часто встречались на крикетном поле. – И если вы помолчите полминуты, мы сможем посмотреть, в чем там дело. О!

– Не надо восклицать «О!» с такой интонацией, будто вы обнаружили там истечение гноя вместе с некрозом нёба и злорадствуете по этому поводу, упырь вы эдакий! Просто обточите его и залатайте, черт возьми. А кстати, что это вы натворили? Почему в вашей приемной торчит полицейский инспектор? Не трудитесь притворяться, что он пришел подправить свой зубной протез, потому что я видел его сержанта, ждущего снаружи.

– А, да. Дело довольно любопытное, – сказал мистер Ламплаф, одной рукой ловко вставляя пациенту роторасширитель, а другой промокая полость ватным тампоном. – Думаю, *вам* я могу рассказать, потому что вы все равно все узнаете от своих друзей из Скотленд-Ярда. Они хотят просмотреть регистрационные книги моего предшественника. Может, вы видели в газетах сообщение о том, что некий мужчина был найден мертвым в сгоревшем гараже на Уимблдон-Коммон[50]?

– Чер… огда? – пролопотал, как мог, лорд Питер Уимзи.

– Вчера вечером, – ответил мистер Ламплаф. – Полыхнуло около девяти, и горело три часа: гараж был деревянный. А сколько усилий пришлось приложить, чтобы огонь не перекинулся на дом! К счастью, он расположен в некотором отдалении, да и дома никого не было. Похоже, этот парень, Прендергаст, вообще был там один – то ли в отпуск собирался, то ли что-то еще – и в последний вечер умудрился поджечь машину, гараж и себя спалить до смерти. Когда его нашли, он так обуглился, что нельзя было с уверенностью сказать, он ли это. Поэтому, согласно принятой процедуре, они должны сравнить его зубы.

– Да? – сказал Уимзи, наблюдая, как мистер Ламплаф вставляет новый бор в гнездо бормашины. – И что, никто не попытался потушить пожар?

– Ну конечно пытались, но, как я уже сказал, гараж был деревянный, да еще и полон канистр с бензином, горел он, как праздничный костер. Чуть-чуть поверните голову сюда,

---

[49] Английские иллюзионисты, много лет работавшие вместе.

[50] Уимблдон-Коммон – большая открытая территория в Уимблдоне, на юго-западе Лондона, составляющая треть территории, предназначенной для отдыха широкой публики и сохранения естественной флоры и фауны. Это самый большой участок вересковой пустоши в Лондоне с болотом и редкой для региона флорой.

пожалуйста. Прекрасно (др-р-р, з-з-з-з, др-р-р). По правде говоря, они, кажется, подозревают, что это могло быть самоубийство. Женатый мужчина, трое детей, заперт в четырех стенах и все такое (з-з-з-з, др-р-р, ж-ж-ж-ж). Его семья в Уортинге, у его тещи, что ли. Скажите, если будет больно (д-р-р-р-р). Не думаю, что он поступил правильно. Хотя это вполне мог быть и несчастный случай – возгорание в момент заправки. Вроде он должен был выехать тем вечером к семье.

– А …ы… ут …ри …ем? – естественно, поинтересовался Уимзи.

– При чем здесь я? – уточнил мистер Лампаф, который за долгую практику научился виртуозно расшифровывать мычание своих пациентов. – Только при том, что этот малый, Прендергаст, был клиентом врача, у которого я перенял практику (вжз-з-з-з). Сам он умер, но оставил мне всю свою документацию, чтобы я мог ориентироваться, если кто-то из его старых больных захочет довериться мне (вж-ж-з-з-з). О, прошу прощения. Здесь не больно? И кое-кто из них действительно посещает меня. Полагаю, это инстинкт: когда что-то болит, нас тянет в «родные места», как умирающих слонов. Прополощите, пожалуйста.

Выполоскав крошки собственной биологической сущности и ощупав языком истерзанный зуб, Уимзи сказал:

– Ясно. Как странно, что эти полости в зубах ощущаются такими большими. Мне кажется, что в эту я мог бы засунуть всю свою голову. Впрочем, полагаю, вы знаете, что делаете. А у Прендергаста зубы были в порядке?

– Я еще не успел покопаться в книгах регистраций, но пообещал полиции полистать их, как только закончу с вами. В любом случае это будет мое обеденное время, а пациентка, назначенная на два часа, слава богу, не сможет прийти. Обычно она приводит с собой пять избалованных детей, которые непременно желают сидеть рядом и играть с аппаратурой. В прошлый раз один из них незаметно сбежал и попытался убить себя электрическим током с помощью рентгеновской установки в соседнем кабинете. А сама она считает, что за лечение детей нужно брать только половину стоимости. Откройте рот немного пошире, если можете (др-р-р-р). Да, так отлично. Сейчас мы обработаем полость и поставим временную пломбу. Полощите, пожалуйста.

– Да, и ради бога сделайте ее попрочней. Не хочу, чтобы во время обеда пришлось глотать крошки от пломбы. И еще: поменьше этого вонючего гвоздичного масла, пожалуйста. Вы представить себе не можете, какая это гадость – черная икра, приправленная гвоздикой.

– Не могу, – согласился мистер Лампаф. – Полощите, пожалуйста. Сейчас будет ощущение холода. Вы почувствуете его, когда я буду смазывать полость антисептиком. Почувствовали? Хорошо. Это значит, что нерв жив-здоров. Осталось совсем немного. Ну вот. Можете закрыть рот. Прополоскать? Да, конечно можете. Когда вам назначить следующий визит?

– Не говорите глупостей, приятель, – сказал Уимзи. – Я немедленно еду с вами в Уимблдон. Вы доберетесь туда вдвое быстрей, если за рулем буду я. Я никогда раньше не видел трупа, сгоревшего вместе с гаражом, и мне нужно это увидеть.

Ничего привлекательного в трупах, сгоревших в гаражах, на самом деле нет. Даже военный опыт Уимзи не помог ему сохранить самообладание, когда он увидел то, что лежало на столе в морге полицейского участка. Напрочь утратившее человеческий образ, оно заставило побледнеть даже полицейского сержанта, что уж говорить о мистере Лампафе: он был так потрясен, что, отложив свои регистрационные книги, вынужден был выйти на свежий воздух, чтобы прийти в себя. Тем временем Уимзи, установив с местными полицейскими отношения взаимного доверия и уважения, задумчиво ворошил небольшую кучку почерневших мелочей, составлявших содержимое карманов мистера Прендергаста. Ничего примечательного в них не оказалось. В кожаном бумажнике сохранились обгоревшие остатки довольно толстой пачки банкнот, наверняка наличные для отдыха в Уортинге. Красивые золотые часы (очевидно, пода-

рок) остановились в семь минут десятого. Уимзи отметил их хорошую сохранность, объяснявшуюся, скорее всего, тем, что часы оказались зажаты между левой рукой и телом.

– Похоже, что первая же внезапная вспышка огня лишила его чувств, – сказал полицейский инспектор. – Он явно не сделал ни малейшей попытки выбраться. Просто упал вперед на руль и ударился головой о приборную доску. Вот еще почему у него так обезображено лицо. Я могу показать вам потом, что осталось от машины, милорд, если вам интересно. А сейчас, если другому джентльмену уже лучше, мы могли бы осмотреть тело.

Осмотр тела был процедурой долгой и неприятной. Мистер Ламплаф, собрав все свое мужество и вооружившись хирургическими щипцами и зондом, опасливо принялся за обследование челюстей, обгоревших почти до костной структуры, между тем как полицейский врач проверял записи в регистрационных книгах. Зафиксированная в них история посещения стоматолога мистером Прендергастом простиралась более чем на десять лет назад, а до этого у него уже стояло две или три пломбы. Это отметил предшественник мистера Ламплафа в книге, когда мистер Прендергаст пришел впервые.

Наконец полицейский врач оторвался от своих выписок и сказал:

– Ну, давайте сверим все еще раз. Учитывая новые пломбы, поставленные вместо старых, мы имеем довольно точную картину состояния его зубов. В них должно быть в общей сложности девять пломб. Маленькая амальгама[51] в правом нижнем зубе мудрости; такая же амальгама, только большая, в правом нижнем заднем моляре; амальгамы в правых верхних первом и втором премолярах в месте смыкания; коронка на правом верхнем резце. Все правильно?

– Вроде да, – ответил мистер Ламплаф, – только правого верхнего резца вовсе нет, но вполне вероятно, что коронка расшаталась и выпала. – Он осторожно прощупал зондом надкостницу. – Челюсть очень хрупкая… не могу найти канал. Но ничто не противоречит моему предположению.

– Мы можем поискать коронку в гараже, – предложил инспектор.

– Керамическая пломба в верхнем левом клыке, – продолжил полицейский врач, – амальгама в левом верхнем первом премоляре и нижнем втором моляре. Кажется, это все. Ни вырванных, ни искусственных зубов нет. Сколько лет было этому мужчине, инспектор?

– Около сорока пяти, док.

– Мой ровесник. Мне остается только мечтать о таком состоянии зубов, – сказал врач. Мистер Ламплаф согласился с ним.

– Значит, можно считать, что это действительно мистер Прендергаст? – спросил инспектор.

– Я бы сказал, никаких сомнений, – ответил мистер Ламплаф, – хотя мне хотелось бы все же найти эту недостающую коронку.

– Тогда мы можем отправляться в его дом, – сказал инспектор. – Да, благодарю, милорд, буду признателен, если вы нас подбросите. О, машина у вас что надо! Итак, единственный оставшийся вопрос – что это: несчастный случай или самоубийство? Тут направо, милорд, и потом второй поворот налево, я покажу.

– Не очень выигрышное место для стоматолога, – заметил мистер Ламплаф, когда они увидели несколько разрозненных домов на краю пустоши.

Инспектор поморщился.

– Я подумал то же самое, сэр, но оказалось, что поселиться здесь его уговорила миссис Прендергаст. Якобы тут хорошо для детей. Зато не так хорошо для практики. Если бы меня спросили, я бы сказал, что миссис Пэ – весомый аргумент в пользу самоубийства. Вот мы и приехали.

---

[51] Амальгама в стоматологии – это материал для пломбирования зубов, состоящий из смеси металлов: серебра, олова, меди, цинка и ртути, выступающей в роли реагента.

Последняя фраза была явно лишней. У ворот маленькой, особняком стоящей виллы, последней в ряду таких же, толпился народ. От зловещей груды обломков в саду все еще исходил отвратительный запах гари. Инспектор со своими спутниками пробился к воротам под градом комментариев зевак:

– Это инспектор… а это доктор Мэггс… а это, наверное, еще один врач, тот, что с маленьким чемоданчиком… А кто этот малый в очках?.. Похож на настоящего аристократа, правда, Флорри?.. Да это наверняка из страховой компании… Да ну? Вы посмотрите на его шикарную машину… Вот куда наши денежки уходят… Это же «Роллс»… Да нет, балда, это «Даймлер»… Ой да ладно, какая разница?

Уимзи всю дорогу, пока они шли по садовой тропе, неуместно хихикал. Вид автомобильного скелета посреди промокших, почерневших от огня останков гаража отрезвил его. Два констебля с решетом, склонившиеся над руинами, распрямились и отдали честь.

– Как дела, Дженкинс?

– Пока почти ничего, сэр, если не считать мундштука из слоновой кости. Этот джентльмен, – он показал на коренастого лысого мужчину в очках, сидевшего на корточках внутри обгоревшего кузова, – мистер Толли из автомастерской, он приехал с запиской от суперинтенданта, сэр.

– Понятно. Доктора Мэггса вы знаете. А это мистер Ламплаф и лорд Питер Уимзи. Кстати, Дженкинс, мистер Ламплаф обследовал зубы покойного, и ему было бы важно найти недостающий. Ну, мистер Толли, можете ли вы уже что-нибудь сказать по своей части?

– У меня нет сомнений по поводу того, как это случилось, – ответил мистер Толли, задумчиво ковыряя в зубах. – Эти маленькие салоны – чистой воды смертельная ловушка, случись вдруг что. А тут еще бак расположен спереди, за приборной доской, и, похоже, он подтекал: то ли шов чуть прохудился, то ли патрубок отошел. Сейчас-то он точно болтается, но после пожара в этом нет ничего удивительного. Возбуждай – не возбуждай дело… Как бы медленно ни капало из поврежденного бака или патрубка, со временем набирается лужица, но у него там, кажется, кокосовый коврик лежал – он мог и не заметить. Должен был бы запах чувствоваться, но в этих маленьких гаражах часто пахнет бензином, а у него тут еще и несколько канистр стояло. Кстати, больше законного количества, но *это* тоже не диво. Похоже, он заполнил бак – рядом с капотом валяются две пустые канистры с открытыми крышками – сел в машину, закрыл дверцу, завел мотор, а потом закурил сигарету. Ну а если из-за протечки в салоне было хоть сколько-то бензинных паров, то взрыв оказался направлен прямо ему в лицо – пш-ш-ш!

– А в каком положении было зажигание?

– Выключено. Может, он его и вообще не включал, а может, выключил, когда полыхнуло. Что было глупо, но большинство людей так и поступает. Правильно в этом случае, конечно, отключить подачу бензина и оставить мотор работающим, чтобы очистить карбюратор, но, когда сгораешь заживо, вряд ли можешь мыслить здраво. А может, он и хотел выключить подачу топлива, но не успел – потерял сознание. Бак вон там, слева, видите?

– С другой стороны, – сказал Уимзи, – может, он хотел покончить с собой и инсценировал несчастный случай.

– Жуткий способ совершить самоубийство.

– А если он предварительно принял яд?

– Ему нужно было бы довольно долго оставаться в сознании, чтобы поджечь машину.

– Это правда. Предположим, он застрелился, могла быть вспышка от выстрела… Нет, это глупость, в таком случае мы нашли бы оружие. А если укол? То же самое: мы нашли бы шприц. Он мог использовать синильную кислоту, тогда после приема таблетки и моментом, когда она подействует, он бы успел поджечь машину. Синильная кислота действует быстро, но не моментально.

– В любом случае я это проверю, – сказал доктор Мэггс.

Их прервал констебль.

– Прошу прощения, сэр, но, кажется, мы нашли зуб. Мистер Ламплаф *это* искал?

Между толстыми большим и указательным пальцами он держал маленький костяной предмет, из которого все еще торчал металлический стерженек.

– На первый взгляд это правый верхний резец, да, – сказал мистер Ламплаф. – Думаю, цемент раскрошился от высокой температуры. Некоторые виды цемента чувствительны с одной стороны к жару, с другой – к влаге. Ну, это окончательно решает дело, ведь так?

– Да… Что же, надо сообщить дурную новость вдове. Не думаю, что она и без того сильно сомневается.

Миссис Прендергаст – очень решительная дама со множеством морщин на лице, свидетельствовавших, скорее всего, о сварливости характера – отреагировала на известие взрывом громких рыданий. Придя в себя, она сообщила, что Артур всегда беспечно обращался с бензином, слишком много курил, что она сто раз предупреждала его об опасности маленьких салонов и говорила, что следует купить большую машину, потому что, кроме всего прочего, в нынешней едва помещалась вся семья, что он опять собирался ехать ночью, хотя она всегда говорила ему, что это опасно, и что, если бы он слушал ее, такого никогда бы не случилось. Бедный Артур не был хорошим водителем. Только на прошлой неделе, когда вез их в Уортинг, он, пытаясь обогнать грузовик, выскочил прямо на обочину, ужасно их напугав.

– А, так вот почему бак деформирован, – сказал инспектор.

Очень деликатно он поинтересовался, не было ли у мистера Прендергаста причин лишить себя жизни. Вдова возмутилась. Это правда, что в последнее время его практика хирела, но Артур никогда не был настолько безнравствен, чтобы сделать такое! Только три месяца назад он застраховал свою жизнь на пятьсот фунтов и никогда не лишил бы полис юридической силы, совершив самоубийство до истечения срока его действия. Как бы ни был он невнимателен к ней, какие бы обиды ни причинял – своих невинных детей он бы не ограбил.

Услышав слово «обиды», инспектор навострил уши. Какие обиды?

О, разумеется, она знала, что Артур продолжает ухлестывать за этой миссис Филдинг. Ее не обманешь всякой чушью насчет якобы необходимости постоянно следить за состоянием зубов. Хорошо было ему говорить, что дом миссис Филдинг содержится лучше, чем их собственный. Что же в этом удивительного? Богатая вдова, бездетная, безо всяких обязательств – конечно, она может позволить себе все лучшее. Но нельзя требовать чудес от жены, которой приходится вести хозяйство на те скудные деньги, что ей выдают. Если Артур хотел, чтобы было по-другому, ему следовало быть щедрее. Безусловно, миссис Филдинг способна привлечь внимание мужчин, когда она одета как с картинки модного журнала, хотя от этого она не становится краше. Миссис Прендергаст сказала мужу: если он не прекратит свои похождения, она с ним разведется. А поскольку с того момента он стал проводить в городе все вечера и что он там делал, неизвестно…

Инспектор остановил этот поток речи, спросив у миссис Прендергаст адрес миссис Филдинг.

– Понятия не имею, – ответила та. – Когда-то она жила в доме пятьдесят семь, но уехала за границу, когда я ясно дала понять, что больше этого безобразия не потерплю. Хорошо иметь кучу денег. Я никогда не бывала за границей после медового месяца, да и то это была всего лишь Булонь.

Закончив беседу с вдовой, инспектор нашел доктора Мэггса и убедительно попросил его как можно скорей сделать тест на синильную кислоту.

Оставалось опросить Глэдис, их домашнюю работницу. Накануне она ушла от Прендергастов в шесть часов. Ее отпустили на неделю, пока хозяин будет в Уортинге. Ей показалось, что мистер Прендергаст нервничал и о чем-то беспокоился в последние дни, но это ее нисколько

не удивило, потому что он не любил гостить у родственников жены. Она (Глэдис) закончила работу по дому, оставила на столе холодный ужин и ушла домой, получив разрешение хозяина. У него был пациент – джентльмен из Австралии или еще откуда-то, – который хотел, чтобы ему поскорее вылечили зуб и он мог продолжить свое путешествие. Мистер Прендергаст сказал, что будет работать допоздна, поэтому сам запрет дом, так что ей незачем ждать. Из дальнейших расспросов выяснилось, что мистер Прендергаст «почти не дотронулся» до ужина, наверное, хотел пораньше выехать. И выходило, что последним, кто видел его живым, был тот самый пациент.

Далее они просмотрели журнал регистраций. Пациент, о котором говорила Глэдис, фигурировал в ней как «мистер Уильямс. 5 ч. 30 мин.», в графе «адрес» был указан небольшой отель в Блумсбери. Администратор отеля сообщил, что мистер Уильямс пробыл у них неделю и своего домашнего адреса не сообщил, только город – Аделаида. Он говорил, что возвратился на родину впервые за последние двадцать лет и что друзей в Лондоне у него не осталось. К сожалению, поговорить с ним невозможно: предыдущим вечером около половины одиннадцатого от него явился посыльный, чтобы оплатить счет и забрать его багаж. Адреса для пересылки корреспонденции он не оставил. Рассыльный был не местный – незнакомый человек в фетровой шляпе с опущенными полями и в тяжелом темном пальто. Ночной портье не разглядел его лица, потому что в вестибюле горела всего одна лампочка. Мужчина просил их поторопиться, потому что мистер Уильямс хотел успеть на поезд, отправляющийся с вокзала Ватерлоо и состыкованный с расписанием движения паромов. В билетной кассе им сообщили, что мистер Уильямс действительно уехал на поезде, забронировав билет до Парижа, выкупленный в тот же день. Словом, мистер Уильямс рассеялся как дым и, даже если бы им удалось догнать его, вряд ли смог бы пролить свет на душевное состояние мистера Прендергаста непосредственно перед случившимся несчастьем. Поначалу показалось немного странным, что мистер Уильямс из Аделаиды, живущий в отеле в Блумсбери, поехал аж в Уимблдон, чтобы полечить зубы, но самое простое объяснение было и самым правдоподобным: не имеющий здесь друзей мистер Уильямс познакомился случайно в каком-нибудь кафе с Прендергасом, и его случайное упоминание о зубных проблемах привело к взаимной выгоде и содействию.

А потом, когда оставалось только коронеру вынести вердикт «смерть от несчастного случая», а вдове отправить заявление в страховую компанию, доктор Мэггс перевернул всю схему, объявив, что обнаружил в останках большое содержание введенного с помощью инъекции гиосцина. Услышав это, инспектор бессердечно заметил, что ничуть не удивлен. Если есть на свете человек, имеющий оправдание для самоубийства, так это муж миссис Прендергаст. Он счел необходимым тщательно осмотреть обгоревшие лавровые кусты, окружавшие то, что некогда было гаражом мистера Прендергаста. Лорд Питер Уимзи согласился с этим, хотя и выразил предположение, что шприца они там не найдут.

Лорд Питер Уимзи ошибся. Шприц был найден на следующий день в месте, позволявшем предположить, что его выбросили из окна гаража после использования. Внутри него были обнаружены следы яда.

– Это препарат замедленного действия, – заметил доктор Мэггс. – Нет сомнений, что он сделал себе укол, выбросил шприц, надеясь, что его никто не станет искать, а потом, перед тем как потерять сознание, забрался в машину и поджег ее. Какой-то несуразный способ самоубийства.

– Чертовски искусный способ, – возразил Уимзи. – В этот шприц я не верю. – Он подбежал к своему дантисту. – Ламплаф, старина, окажите любезность, сделайте кое-что для меня. Я хочу, чтобы вы снова обследовали зубы. Нет-нет, не мои. Прендергаста.

– Они у меня уже в печенках сидят, – в сердцах воскликнул мистер Ламплаф.

– Понимаю, но буду вам безмерно благодарен, – мягко попросил его светлость.

Тело еще не было погребено. Мистер Ламплаф, не переставая ворчать, отправился с Уимзи в Уимблдон и снова проделал свою неприятную работу. На этот раз он начал с левой стороны.

– Нижний второй моляр и второй премоляр – пломбы из амальгамы. Огонь немного их повредил, но в целом все понятно. Первый верхний премоляр – эти премоляры такие дурацкие зубы: всегда разрушаются первыми – здесь пломба, похоже, поставлена довольно неряшливо, такую работу я бы не назвал хорошей. По-моему, эта пломба даже задевает соседний зуб. Впрочем, может, это последствие воздействия огня. В левом верхнем клыке керамическая пломба с фарфоровым покрытием передней поверхности.

– Один момент, – перебил его Уимзи. – В записях Мэггса сказано: металлокерамическая. Это одно и то же?

– Нет. Процессы разные. Мне кажется, здесь так называемая жакетная, с фарфоровой «облицовкой». Впрочем, в таком состоянии трудно определить.

– Давайте сверим с регистрационной книгой. Надо было Мэггсу даты проставлять – одному Богу известно, насколько далеко назад мне придется заглядывать. К тому же я не понимаю почерка этого малого, а особенно его чертовых сокращений.

– Вам не придется заглядывать далеко назад, если это литой фарфор. Этот материал изобретен в Америке и вошел у нас в употребление только в тысяча девятьсот двадцать восьмом году. Тогда вокруг него поднялся большой ажиотаж, но по каким-то причинам он не особо хорошо у нас прижился. Однако некоторые стоматологи его используют.

– Ну, тогда это не литье, – сказал Уимзи. – Здесь о клыках после двадцать восьмого года вообще нет упоминаний. Но давайте удостоверимся: так, двадцать седьмой, двадцать шестой, двадцать пятый, двадцать четвертый, двадцать третий… Ага, вот, клык, если я правильно прочел.

– Да, фарфоровый сплав, – сказал Ламплаф, подходя и заглядывая в книгу через плечо Уимзи. – Значит, я ошибся. Можно легко определить точно, если извлечь пломбу. Структура материала у них разная, как и способ установки.

– А в чем разница?

– Ну, – ответил мистер Ламплаф, – одна – это литье…

– А другая накладка, это я уже усвоил. Ну что ж, давайте, извлекайте.

– Это трудно, здесь я не смогу этого сделать.

– Тогда заберите его домой и сделайте там. Разве вы не понимаете, как это важно, Ламплаф? Если это литье, или как там это у вас называется, значит, пломба не могла быть поставлена в двадцать третьем году. А если эта пломба была поставлена взамен старой, значит это сделал другой врач. Он же мог делать и что-то еще, и в таком случае это «что-то» должно быть здесь, а его нет. *Понимаете?*

– Я понимаю, что вы очень взволнованы, – сказал мистер Ламплаф, – но заявляю, что категорически отказываюсь везти труп к себе в кабинет. Трупы, знаете ли, не пользуются популярностью на Харли-стрит.

В конце концов по специальному разрешению труп был перевезен в стоматологическое отделение местной больницы. Там мистер Ламплаф при помощи местного эксперта, доктора Мэггса и полицейского врача с большой осторожностью извлек пломбу из клыка.

– Если это не литой фарфор, – сказал он победоносно, – я удалю все свои пломбы без наркоза и съем их. Что скажете, Бентон?

Местный специалист согласился с ним. Мистер Ламплаф, который внезапно обнаружил большой интерес к проблеме, кивнул и осторожнейше обследовал зондом правые верхние премоляры и места их смыкания.

– Бентон, идите посмотрите, – сказал он. – Даже с учетом воздействия огня и всей этой грязи, вы не считаете, что эта пломба была поставлена недавно? Вот здесь смотрите, в

месте соприкосновения. Это могло быть сделано даже вчера. А здесь… минуточку… Куда подевалась нижняя челюсть? Вставляйте ее обратно. И дайте мне кусочек артикуляционной бумаги[52]. Вы только посмотрите на это ужасное нарушение прикуса; этот большой моляр оказался намного ниже. Пломба на соседнем зубе на целую милю возвышается над ним. Уимзи, когда был запломбирован нижний правый задний моляр?

– Два года назад, – ответил Уимзи.

– Это невозможно, – в унисон воскликнули оба дантиста, а мистер Бентон добавил:

– Расчистите всю эту грязь – и вы увидите, что это новая пломба. Я бы сказал, что она ни разу не участвовала в процессе жевания. Взгляните, мистер Ламплаф, тут что-то странное.

– Странное? Да-да. Я совершенно не подумал об этом вчера, когда осматривал зубы, но посмотрите на эту старую полость в латеральном зубе. Почему она не запломбирована, между тем как все остальные зубы залечены? Вот, теперь, когда мы ее расчистили, это ясно видно. У вас есть длинный зонд? Полость довольно глубокая, она должна была его беспокоить. Инспектор, я бы хотел извлечь некоторые из этих пломб. Вы не возражаете?

– Вперед! – ответил инспектор. – Благо, у нас полно свидетелей.

С помощью мистера Бентона, поддерживавшего жуткого «пациента», мистер Ламплаф, манипулируя буром, быстро высверлил пломбу из одного моляра и воскликнул: «О господи!» – что, как заметил лорд Питер, показало ему, чтó тот имел в виду, когда воскликнул «А!», увидев его сломанный зуб.

– Прощупайте премоляры, – предложил мистер Бентон.

– И этот второй моляр, – подхватил его коллега.

– Не так прытко, джентльмены, – запротестовал инспектор. – Не нарушайте целостность объекта.

Мистер Ламплаф, не обращая на него внимания, продолжил сверлить и, высверлив очередную пломбу, сказал: «Боже правый!»

– Все правильно, – усмехнулся Уимзи. – Инспектор, можете ехать за ордером на арест.

– А в чем дело, милорд?

– Убийство, – сказал Уимзи.

– Как? – удивился инспектор. – Эти джентльмены считают, что мистер Прендергаст нашел дантиста, который по его просьбе отравил его ядовитыми пломбами?

– Нет, – ответил мистер Ламплаф. – Во всяком случае, здесь не то, что вы имеете в виду под отравлением. Но я никогда в жизни не видел ничего подобного. Почему в двух местах этот человек не потрудился даже вычистить гниль? Он просто расширил полости и кое-как залепил их. В голове не укладывается, как этот бедолага не получил два чудовищных абсцесса.

– Вероятно, – предположил Уимзи, – не успел: пломбы были поставлены только что. Итак, что дальше?

– Этот зуб здоровый, никакого кариеса нет, и, судя по всему, никогда не было. Хотя сейчас, конечно, трудно судить.

– Рискну утверждать, что действительно не было. Инспектор, отправляйтесь за ордером.

– На арест убийцы мистера Прендергаса? Но кто он?

– Нет. На арест Артура Прендергаса за убийство мистера Уильямса, а также за умышленный поджог и попытку мошенничества. И ордер на арест миссис Филдинг хорошо было бы получить – за участие в преступном сговоре. Хотя это доказать, может, и не удастся.

Когда мистера Прендергаста нашли в Руане, оказалось, что свою схему он тщательно обдумал заранее. Единственное, чего пришлось ждать, – это появления пациента его роста и

[52] Артикуляционная бумага в стоматологии – это красящий индикатор для определения нарушений в естественном прикусе и зубных протезах.

комплекции, с хорошими зубами и отсутствием родственников. Когда несчастный Уильямс попался в его лапы, у него почти все уже было готово. Надо было лишь спровадить миссис Прендергаст в Уортинг – погостить там она всегда была рада – и отправить в отпуск домработницу. После этого оставалось только приготовить необходимые инструменты и материалы и пригласить жертву на чай в Уимблдон. Далее – убийство: сокрушительный удар сзади и укол. После этого – долгий отвратительный процесс подделки зубов для придания им соответствия с собственными. Вслед за тем мистер Прендергаст обменялся одеждой с жертвой и перенес тело в машину.

Подкожная инъекция была сделана в таком месте, где при беглом осмотре след от нее можно было не заметить, но где он выглядел бы убедительно в случае обнаружения яда в организме: в первом случае он был призван подтвердить версию несчастного случая, во втором – самоубийства. Потом мистер Прендергаст облил салон автомобиля бензином, оставив пустые канистры рядом с машиной, и ослабил патрубок подачи топлива. Ворота и окно гаража он оставил открытыми, чтобы добавить достоверности картине несчастья, а главным образом – чтобы создать сквозняк. И наконец, сделав бензиновую дорожку до ворот гаража, поджег ее.

После всего этого он в зимней тьме метнулся на станцию метро и отправился в Лондон. Риск быть узнанным в метро был невелик: он надел пальто и шляпу Уильямса, а нижнюю часть лица замотал шарфом. Следующий шаг – забрать багаж Уильямса из отеля, сесть на поезд, который доставит его в порт точно к отплытию парохода во Францию, где он намеревался воссоединиться с богатой и влюбленной миссис Филдинг. Спустя некоторое время мистер и миссис Уильямс могли бы вернуться (или не вернуться) в Англию – это уж на их усмотрение.

– Настоящий студент-отличник от криминологии, – заметил Уимзи в заключение рассказа об этой преступной авантюре. – Тщательно изучил дела Роуза и Фернаса[53], чтобы не повторить их ошибок. Жаль, что он проморгал эту новомодную фарфоровую пломбу. Хотел провернуть все поскорее, да, Ламплаф? Что ж, как говорится, поспешишь – людей насмешишь. Все же интересно, на каком этапе этого процесса умер Уильямс.

– Помолчите, – сказал мистер Ламплаф. – И кстати, я еще не закончил с *вашей* пломбой.

[53] Дела о скандально известных убийцах, которые сжигали своих жертв.

Где-то совсем в другом месте

Лорд Питер Уимзи сидел со старшим инспектором уголовного розыска Паркером и инспектором Хенли из полицейского управления Балдока в библиотеке усадьбы «Сирень».

– Так что, как видите, – говорил Паркер, – все, казалось бы, очевидные подозреваемые находились в это время в иных местах.

– Что вы имеете в виду, говоря «в *иных* местах»? – раздраженно осведомился Уимзи. Паркер потащил его в Уопли, что на Великой северной дороге, не дав позавтракать, отчего настроение у него испортилось. – Вы хотите сказать, что они не могли добраться до места преступления, не проделав путь до него со скоростью ста восьмидесяти шести миль в час? Потому что, если вы имели в виду не это, то они вообще нигде не были. Они только относительно и предположительно где-то находились.

– Ради всех святых оставьте в покое Эддингтона[54]. Говоря человеческим языком, они находились в других местах, и, если мы хотим их поймать, нам придется сделать это без рассуждений о пространстве сжатий и коэффициенте сферической кривизны. Инспектор, я думаю, сто́ит допросить их еще раз. Заводите по одному, чтобы каждый рассказал свою историю по новой. А вы следите, не будут ли они в чем-нибудь отклоняться от своих первоначальных заявлений. Первым зовем дворецкого.

Инспектор просунул голову в приоткрытую дверь и крикнул:

– Хэмуорти!

Дворецкий был мужчиной средних лет, чья «сферическая кривизна» не могла не обратить на себя внимания. Вид у него был нездоровый: крупное лицо побледнело и опухло. Тем не менее он приступил к своему рассказу без колебаний.

– Я служил у покойного мистера Гримболда двадцать лет, джентльмены, и всегда считал его хорошим хозяином. Он был строг, но справедлив и всегда оставался джентльменом. Знаю, что в делах его считали жестким, но значит так было нужно. Он был холостяком, однако взял к себе двух племянников, мистера Харкорта и мистера Невилла, и очень хорошо к ним относился. В личной жизни я бы охарактеризовал его как человека доброго и тактичного. Профессия? Думаю, вы бы назвали его ростовщиком.

Да, сэр, хорошо, теперь насчет событий прошлой ночи. Я начал закрывать дом в половине восьмого, как обычно. Все сделал точно по распорядку, ведь мистер Гримболд был очень постоянен в своих привычках, и для начала закрыл все окна на нижнем этаже, как мы всегда делаем зимой. Уверен, что не пропустил ни одного. На них на всех стоят надежные шпингалеты, и я бы заметил, если бы что-то с ними было не так. Я также запер и закрыл на засов входную дверь и накинул цепочку.

– А дверь в оранжерею?

– Там, сэр, стоит американский замок, он автоматический. Я проверил, подергав дверь, он был защелкнут. Нет, сэр, предохранитель я не трогал. Его всегда оставляют в открытом положении, сэр, на тот случай, если мистер Гримболд задержится в городе по делам: тогда он может войти через эту дверь, не потревожив домашних.

– Но прошлым вечером у него дел в городе не было?

– Нет, сэр, но мы никогда не ставим тот замок на предохранитель. Без ключа никто войти не сможет, а у мистера Гримболда ключ всегда висел в связке на цепочке.

– А еще у кого-нибудь есть такой ключ?

– Думаю… – дворецкий закашлялся, – думаю, сэр, хотя точно не знаю, что *один* есть. Он у… леди, которая сейчас в Париже.

---

[54] Артур Стэнли Эддингтон (1882–1944) – выдающийся английский астроном и физик.

– Ясно. Мистеру Гримболду было лет шестьдесят, кажется? Это я просто так. Как зовут эту леди?

– Миссис Уинтер, сэр. Она живет в Уопли, но, после того как месяц назад умер ее муж, она, насколько мне известно, уехала за границу.

– Понятно. Инспектор, сделайте заметку на этот счет. Продолжим. Что с верхними окнами и черным ходом?

– Все окна верхнего этажа заперты таким же образом, сэр, за исключением окон в спальнях мистера Гримболда, кухарки и моей. Но до этих окон не добраться без лестницы, а лестница была заперта в сарае для инструментов.

– Это точно, – подтвердил инспектор Хенли. – Мы ходили туда вчера ночью. Сарай был заперт, более того, между лестницей и стеной висела нетронутая паутина.

– В половине восьмого я обошел все комнаты, сэр, и не заметил нигде никакого беспорядка.

– Можете мне поверить, – снова удостоверил инспектор Хенли, – ни на одном из замков не было признаков взлома. Продолжайте, Хэмуорти.

– Да, сэр. Пока я делал обход дома, мистер Гримболд спустился в библиотеку, чтобы выпить бокал шерри. Без четверти восемь подали суп, и я позвал мистера Гримболда к столу. Он, как обычно, сел в конце, лицом к раздаточному окошку.

– И спиной к двери в библиотеку, – уточнил Паркер, делая пометку на примерно набросанном плане комнаты, который лежал перед ним. – Дверь была закрыта?

– Да, сэр. Все двери и окна были закрыты.

– Похоже, в этой комнате гуляют сквозняки, – сказал Уимзи. – Две двери, раздаточное окошко и два французских окна.

– Да, милорд, но все двери и окна отлично пригнаны, и шторы были задернуты.

Его светлость подошел к двери в библиотеку и открыл ее.

– Да, – согласился он, – хорошая, массивная дверь и двигается зловеще беззвучно. Люблю такие толстые ковры, но узор, по мне, немного кричащий. – Он закрыл дверь и вернулся на место.

– Суп мистер Гриболд съел минут за пять. Я убрал тарелку и поставил перед ним рыбу. Покидать комнату у меня необходимости не было, все передавалось через кухонное окошко. Вино – это было шабли – уже стояло на столе. С небольшой порцией тюрбо[55] мистер Гримболд тоже справился минут за пять. Я унес тарелку, подал жареного фазана и как раз собирался принести овощи, когда зазвонил телефон. Мистер Гримболд сказал: «Идите послушайте, кто это. Овощи я положу себе сам». Разумеется, не кухарке же отвечать на звонки.

– А других слуг в доме нет?

– Только женщина, которая приходит днем делать уборку, сэр. Я вышел к аппарату и закрыл за собой дверь.

– Это был телефон, находящийся в библиотеке или в холле?

– В холле, сэр. Я всегда к нему подхожу, если только случайно во время звонка не оказываюсь в библиотеке. Звонил мистер Невилл Гримболд из города, сэр. У них с мистером Харкортом квартира на Джермин-стрит. Мистер Невилл заговорил, и я узнал его голос. Он спросил: «Это вы, Хэмуорти? Подождите минутку, мистер Харкорт хочет с вами поговорить». Судя по звуку, он положил трубку рядом с телефоном, потом подошел мистер Харкорт и сказал: «Хэмуорти, я собираюсь сегодня вечером навестить дядю, если он дома». Я ответил: «Да, сэр, я ему передам». Молодые люди часто приезжают к мистеру Гримболду на день-два, сэр. Мы всегда держим их спальни наготове. Мистер Харкорт сказал, что выезжает немедленно и надеется быть на месте около половины десятого. Пока он говорил, я услышал, как старинные, достав-

[55] Морская донная рыба.

шиеся от деда часы, которые стоят в их квартире, отзвонили четыре четверти, потом пробили восемь раз, а сразу после этого пробили наши часы, после чего я услышал, как телефонистка сказала: «Три минуты» – и дала отбой. Значит, наш разговор начался без трех минут восемь.

– Значит, насчет времени никаких сомнений нет. Это облегчает дело. Что было потом, Хэмуорти?

– Потом мистер Харкорт позвонил снова и сказал, что мистер Невилл тоже хочет мне что-то сказать. Мистер Невилл опять взял трубку, сказал, что вскоре собирается в Шотландию, и попросил прислать ему его загородный прогулочный костюм, несколько пар гольфов и рубашки, которые он в прошлый приезд оставил здесь. Он хотел, чтобы костюм сначала отправили в чистку, и дал еще кое-какие поручения, поэтому попросил телефонистку продлить разговор еще на три минуты. Получается, что было три минуты девятого, сэр. Мистер Невилл говорил еще с минуту, когда позвонили в дверь. Я не мог отойти от телефона, так что пришедшему пришлось ждать, и в пять минут девятого он позвонил снова. Я как раз собирался извиниться перед мистером Невиллом, когда увидел, как кухарка вышла в холл и направилась к двери. Мистер Невилл попросил меня повторить его инструкции, потом станция снова прервала разговор, а когда я обернулся, кухарка уже закрывала дверь в библиотеку. Я пошел ей навстречу, и она сказала: «Это опять мистер Пейн, хочет видеть мистера Гримболда. Я отвела его в библиотеку. Не нравится он мне». Я ее заверил, что присмотрю за гостем, и кухарка вернулась в кухню.

– Минутку, – прервал его Паркер, – кто такой мистер Пейн?

– Один из клиентов мистера Гримболда, сэр. Он живет в пяти минутах ходьбы отсюда, по ту сторону поля, бывал здесь раньше и всегда устраивал неприятности. Думаю, он задолжал мистеру Гримболду и просил отсрочки.

– Да он здесь, в холле, ждет своей очереди, – добавил Хенли.

– Вот как? – сказал Уимзи. – Тот небритый субъект мрачного вида в измазанном кровью пальто пепельного цвета?

– Да, это он, милорд. Так вот, сэр, – он снова обратился к Паркеру, – я направился в библиотеку, когда меня словно дубиной по голове огрели: я же так и не принес кларет мистеру Гримболду, он уже, наверное, сердится. Я развернулся и пошел в свою буфетную – вы знаете, где она находится, сэр, – взял бутылку, которая стояла и грелась у камина, потом поискал поднос, недолго, не больше минуты, сэр, оказалось, что я положил на него вечернюю газету, и поспешил обратно в столовую. И там, сэр, – голос дворецкого задрожал, – я увидел мистера Гримболда, который головой и грудью лежал на столе прямо на тарелке. Мне пришло в голову, что ему стало плохо, я подбежал к нему и увидел… я увидел, что он мертв, сэр, у него в спине зияла чудовищная рана.

– Никакого орудия убийства вы не нашли?

– Нет, ничего такого я не увидел. Было страшно много крови. Меня это так потрясло, что я чуть сознание не потерял, сэр, и, наверное, с минуту стоял, не понимая, что делать. Когда ко мне вернулась способность соображать, я кинулся к раздаточному окну и позвал кухарку. Она быстро прибежала и, увидев хозяина, издала дикий крик. Потом помню, как открывается дверь библиотеки и на пороге появляется мистер Пейн, который тут же начинает недовольным голосом выговаривать: сколько, мол, ему еще ждать. Я сказал: «Случилось ужасное! Мистера Гримболда убили!» Он протиснулся мимо меня в столовую. Первым, о чем он спросил, было: «Что с этими окнами?» – после чего отдернул штору на том окне, которое ближе к библиотеке. Оно оказалось открыто. «Вот так он и вошел», – сказал мистер Пейн и бросился из комнаты. Я крикнул: «Нет, стойте!» – так как думал, что он хочет сбежать, и повис на нем. Он стал ругаться, потом сказал: «Послушайте, образумьтесь! Преступник убегает, пока мы с вами тут препираемся. Мы должны его найти». А я ответил: «Но только если я пойду вместе с вами». И

он сказал: «Хорошо». Тогда я велел кухарке ни к чему не прикасаться, позвонил в полицию, взял в кладовке фонарь, и мы с мистером Пейном отправились на поиски.

– В кладовку за фонарем Пейн тоже ходил с вами?

– Да, сэр. Мы обыскали весь сад, но не увидели никаких следов, вообще ничего, потому что все дорожки вокруг дома и та, что ведет к воротам, заасфальтированы. И оружия никакого мы тоже не нашли. Тогда мистер Пейн сказал: «Надо вернуться, взять машину и прочесать дороги», – но я возразил: «Нет, его уже и след простыл». Потому что от наших ворот до Великой северной дороги всего четверть мили, а мы смогли бы выехать не раньше чем через пятьдесят минут. Мистер Пейн согласился, сказав: «Наверное, вы правы» – и мы вернулись в дом. Ну а потом, сэр, из Уопли приехал констебль, а еще чуть позже инспектор и доктор Крофтс из Балдока. Они стали обыскивать дом и задавали кучу вопросов, на которые я старался отвечать как можно полнее. Это все, что я могу вам рассказать, сэр.

– Вы не заметили, – спросил Паркер, – была ли кровь на мистере Пейне?

– Нет, сэр… не заметил. Когда я увидел его первый раз, он стоял вон там, прямо под люстрой. Думаю, если бы на нем была кровь, я бы увидел, сэр. Говорю совершенно честно.

– Вы, конечно, осматривали эту комнату, инспектор, на предмет обнаружения пятен крови, оружия или чего-то еще: перчаток, предметов одежды или чего-нибудь, чем преступник мог защитить себя от попадания крови?

– Да, мистер Паркер. Мы очень тщательно все осмотрели.

– Мог кто-нибудь спуститься сверху, пока вы были в столовой с мистером Гримболдом? – Паркер снова обратился к Хэмуорти.

– Ну… полагаю, мог. Но тогда им необходимо было проникнуть в дом до половины восьмого, сэр, и где-то спрятаться. Тем не менее, скорее всего, именно так и случилось. Конечно, они не могли спуститься по задней лестнице, потому что тогда им пришлось бы пройти мимо кухни и кухарка их услышала бы: коридор вымощен плиткой, сэр, но вот парадная лестница… нет, сэр, я не знаю, что сказать по этому поводу.

– А ведь от того, как они оказались в доме, многое зависит. Но вы не расстраивайтесь, Хэмуорти, – сказал Паркер. – Никто не может требовать, чтобы вы каждый вечер обыскивали все шкафы в доме в поисках спрятавшихся преступников. А теперь, думаю, стоит поговорить с племянниками. Кажется, они хорошо ладили с дядей?

– О да, сэр. Они и дурного слова никогда друг другу не говорили. Для них это тяжелый удар. Когда мистер Гримболд болел летом, они ужасно волновались…

– Он болел?

– Да, сэр, в июле. Сердце. Ему было совсем худо, пришлось послать за мистером Невиллом. Он тогда чудом выкарабкался, сэр, но уже никогда не был таким веселым джентльменом, как прежде. Думаю, тогда-то он понял, что не молодеет. Но что его вот так зарежут, никому и в голову не могло прийти.

– А кому достанутся его деньги?

– Ну, этого я не знаю, сэр. Наверное, их разделят между двумя джентльменами, сэр, хотя у них и своих денег достаточно. Но мистер Харкорт сможет ответить на ваш вопрос, сэр. Он душеприказчик мистера Гримболда.

– Прекрасно, у него мы и спросим. А между братьями хорошие отношения?

– Да, очень, сэр. Они преданы друг другу. Мистер Невилл на все готов ради мистера Харкорта, и тот ради него, я уверен. Очень приятные джентльмены, сэр. Лучше не бывает.

– Спасибо, Хэмуорти. Пока у меня все, если больше ни у кого нет вопросов.

– Сколько фазана успел съесть ваш хозяин, Хэмуорти?

– Ну, милорд, не много. Далеко не все. Но кое-что успел. Думаю, он ел минуты три или четыре, судя по тому, сколько еды осталось на тарелке.

– Вы не заметили ничего, указывавшего бы на то, что его обед был прерван – например, кто-то подошел к окну и он встал, чтобы кого-то впустить?

– Ничего такого, милорд, я не видел.

– Стул был плотно придвинут к столу, когда я вошел, – вставил инспектор, – и салфетка лежала на коленях, а нож и вилка – прямо под ладонями, как будто он уронил их, когда получил удар. Я считаю, что тело никто не трогал.

– Да, сэр. Я ничего не передвигал, только поискал пульс, чтобы убедиться, что он мертв. Но у меня и без этого не было сомнений, сэр, с того момента, как я увидел чудовищную рану у него в спине. Я только приподнял ему голову, и тут же отпустил, она упала, как было раньше.

– Хорошо, Хэмуорти. Попросите войти мистера Харкорта.

Мистер Харкорт Гримболд был бодрым на вид мужчиной лет тридцати пяти. Он объяснил, что является биржевым маклером, а его брат Невилл – чиновник Министерства здравоохранения, что с одиннадцати и десяти лет, соответственно, их воспитывал дядя. Мистер Харкорт уверен, что у дяди было много врагов, связанных с его бизнесом, но что касается его самого, то ничего, кроме доброты, он от дяди не видел.

– Боюсь, я мало что могу сказать об этом жутком происшествии, поскольку вчера вечером приехал только без четверти десять, когда все уже было кончено.

– Это немного позже, чем вы рассчитывали быть здесь?

– Совсем немного. Между Уэлвин-Гарден-сити и Уэлвином меня остановил патрульный: у меня не горел задний габаритный огонь. Пришлось заехать в Уэлвине в автомастерскую. Оказалось, отошел проводок. Механик его закрепил, на это ушло еще несколько минут.

– Отсюда до Лондона миль сорок?

– Чуть больше. В ночное время обычно весь путь от порога до порога занимает у меня час с четвертью. Я не лихач.

– Вы сами были за рулем?

– Да. У меня есть шофер, но сюда я редко езжу с ним.

– Когда вы выехали из Лондона?

– Около двадцати минут девятого, наверное. Закончив разговор по телефону, Невилл пошел в гараж выводить машину, пока я клал в сумку зубную щетку и прочие мелочи.

– До отъезда вы не слышали о смерти своего дяди?

– Нет. Видимо, они вспомнили, что надо позвонить мне, уже после того, как я выехал. Позднее полиция пыталась связаться с Невиллом, но он уехал то ли в клуб, то ли еще куда-то. Я сам позвонил ему уже отсюда, и он приехал сегодня утром.

– Хорошо. А теперь, мистер Гримболд, вы можете нам что-нибудь рассказать о делах вашего покойного дяди?

– Вы имеете в виду его завещание? Кому выгодно, так сказать? Да, могу. Во-первых, мне, во-вторых, Невиллу. И миссис… Вы слышали о миссис Уинтер?

– Да, кое-что.

– Так вот, в-третьих, – ей. Ну и, разумеется, старик Хэмуорти получает кругленькую сумму на черный день, и кухарка не обижена. Пятьсот фунтов дядя завещал клерку из своего лондонского офиса. Но бóльшую часть наследства получает миссис Уинтер. Понимаю, вы хотите спросить, сколько это. Не имею ни малейшего понятия, знаю только, что сумма весьма внушительная. Старик ни одной живой душе не проговорился, сколько он стóит на самом деле, но нас это никогда и не заботило. Я недурно зарабатываю, а что касается Невилла, то его жалование – тяжелый налоговый груз для многострадального общества. Так что наш интерес в этом деле весьма умеренный, я бы сказал, академический.

– Как вы полагаете, Хэмуорти знал, что включен в завещание?

– Да, конечно, в этом не было никакого секрета. Он должен получить сто фунтов и пожизненную годовую ренту в двести фунтов при условии, конечно, что к моменту смерти дяди он все еще будет у него служить.

– Его не собирались уволить, или, может быть, были какие-то трения?

– Н-нет. Нет. Не более чем всегда. Мой дядя всем делал предупреждения об увольнении примерно раз в месяц, чтобы держать всех в форме. Но до дела никогда не доходило. Он был вроде Червонной Королевы из «Алисы в стране чудес»: постоянно грозился, но никого не казнил.

– Понятно. Наверное, лучше спросить об этом самого Хэмуорти. Теперь о миссис Уинтер. Вам о ней что-нибудь известно?

– Да. Славная женщина. Разумеется, она была дядиной любовницей с незапамятных времен, но ее муж почти свихнулся от пьянства, так что едва ли можно бросить в нее камень. Я телеграфировал ей сегодня утром, и только что пришел ответ.

Он передал Паркеру телеграмму, отправленную из Парижа, в которой говорилось: «Потрясена до глубины души скорблю возвращаюсь немедленно. С любовью и соболезнованием Люси».

– Значит, вы с ней дружны?

– Господи, конечно! Почему бы нет? Мы ее всегда чертовски жалели. Дядя Уильям мог бы увезти ее куда-нибудь, но она бы не бросила Уинтера. Признаться, я думаю, что они договорились пожениться теперь, когда Уинтеру хватило великодушия наконец преставиться. Ей всего лет тридцать восемь, пора ей, бедняжке, повидать в жизни и что-нибудь хорошее.

– То есть, несмотря на деньги, она на самом деле мало что выигрывает от смерти вашего дяди?

– Вообще ничего. Если, конечно, она не нашла себе кого-нибудь помоложе и боялась потерять деньги. Но я верю, что она искренне любила старика. В любом случае она не могла совершить это убийство, поскольку находилась в Париже.

– Гм-м, – сказал Паркер. – Предполагаю, так и есть. Но лучше все же проверить. Я позвоню в Скотленд-Ярд и попрошу, чтобы ее проводили в порт. Этот телефон напрямую соединен со станцией?

– Да, – сказал инспектор. – В холл идти не требуется: аппараты параллельные.

– Хорошо. Что ж, мистер Гримболд, не будем пока вас больше мучить. Сейчас я позвоню, и потом мы вызовем следующего свидетеля… Соедините меня с номером Уайтхолл двенадцать-двенадцать, пожалуйста. Надеюсь, время звонка мистера Харкорта из города проверено, инспектор?

– Да, мистер Паркер. Первое соединение состоялось в семь пятьдесят семь, следующие в восемь и восемь ноль три. Довольно дорогое удовольствие. Мы также нашли констебля, который остановил его из-за неисправного заднего габаритного огня, и механика, который его чинил. Гримболд въехал в Уэлвин в девять ноль пять и выехал около девяти пятнадцати. Номерной знак тоже проверили.

– Что ж, в любом случае он непричастен, но проверять надо все, что возможно… Алло! Скотленд-Ярд? Говорит старший инспектор Паркер. Соедините меня со старшим инспектором Харди.

Закончив телефонный разговор, Паркер послал за Невиллом Гримболдом. Тот оказался весьма похожим на брата, только немного изящней и учтивей, как и подобает государственному служащему. Он не сказал ничего нового, лишь подтвердил слова брата и объяснил, что вчера вечером он ходил в кино, сеанс начался в восемь двадцать, а закончился около десяти, после чего он отправился в клуб, так что о трагедии он узнал только поздно ночью.

Следующей свидетельницей была кухарка. Говорила она охотно и много, но ничего существенного не добавила. Она не видела, как Хэмуорти ходил в буфетную за кларетом. Мысль

о том, что кто-то мог прятаться в верхних комнатах, она категорически отвергла, потому что приходящая служанка миссис Крэббл находилась наверху почти до обеда, она раскладывала мешочки с нафталином по всем платяным шкафам. И у кухарки не было ни малейшего сомнения, что «этот Пейн, мерзкий душегуб», всадил нож в мистера Гримболда.

Сам мистер Пейн был почти агрессивно откровенен. Мистер Гримболд обращался с ним очень жестоко. Непомерный ростовщический процент плюс наросшие проценты, добавленные к основной сумме. Да он уже пять раз выплатил исходный заем, и теперь мистер Гримболд отказывается дать ему отсрочку и даже заявил, что намеревается обратить взыскание на его закладную, а это, между прочим, его дом и земля. Это было тем более жестоко со стороны мистера Гримболда, ведь мистер Пейн имел абсолютно реальный шанс выплатить свой долг полностью в шестимесячный срок благодаря то ли участию в каком-то прибыльном деле, то ли владению акциями какого-то предприятия, которые совершенно точно должны были вот-вот взлететь. По его мнению, старый Гримболд отказался предоставить ему отсрочку намеренно, чтобы не дать выплатить долг, потому что *ему* нужна была собственность, а не деньги. Смерть Гримболда оказалась спасением, потому что теперь расчеты откладываются, а тем временем его дела наладятся. Мистер Пейн сам с удовольствием убил бы старого Гримболда, но он этого не делал, и вообще он не из тех, кто способен всадить кому-нибудь нож в спину, хотя, будь ростовщик молодым человеком, он, Пейн, был бы счастлив переломать ему все кости. Вот так, хотите верьте, хотите нет. Не помешай ему этот старый дурень Хэмуорти, он бы точно поймал убийцу. Если, конечно, Хэмуорти действительно дурень, в чем лично он, Пейн, сомневается. Кровь? Да, на его пальто есть кровь. Он испачкал его во время борьбы с Хэмуорти возле окна. У Хэмуорти все руки были в крови, когда он вышел из библиотеки. Нет сомнений, что это кровь трупа. Он, Пейн, нарочно не стал переодеваться, потому что, если бы он это сделал, кто-нибудь мог подумать, что он что-то скрывает. Он вообще не был дома после убийства и даже не просил отпустить его. Мистер Пейн добавил, что решительно протестует против враждебного отношения к нему местной полиции, на что инспектор Хенли ответил, что мистер Пейн ошибается.

– Мистер Пейн, – сказал лорд Питер, – можете сказать мне одну вещь? Почему, услышав шум в столовой, крики кухарки и прочее, вы сразу же не поспешили туда, чтобы узнать, что происходит?

– Почему? – огрызнулся мистер Пейн. – Да потому что я не слышал ничего подобного, вот почему. Впервые я узнал обо всем, когда на пороге появился этот малый, дворецкий, который размахивал окровавленными руками и что-то невнятно бормотал.

– А! – сказал Уимзи. – Я так и думал, что это хорошая, массивная дверь. Можно попросить даму прийти и повторить для нас те ее крики при открытом окне в столовой?

Инспектор отправился исполнять просьбу, остальные с волнением ждали, приготовившись считать кухаркины крики. Однако ничего не произошло, пока Хенли не просунул голову в дверь и не спросил: «Ну как?»

– Никак, – ответил Паркер.

– Этот дом построен на совесть, – сказал Уимзи. – Наверняка любой звук, идущий из окна, приглушается оранжереей. Что ж, мистер Пейн, раз вы не слышали криков, неудивительно, что вы не слышали убийцу. Чарльз, это все ваши свидетели? Потому что мне надо вернуться в Лондон, встретиться кое с кем. Но я оставляю вам два совета, если не возражаете. Первое: я рекомендую вам поискать машину, которая прошлым вечером, между половиной восьмого и восемью шестнадцатью, была припаркована в пределах четверти мили от этого дома. Второе: сегодня ночью вам следует собраться в столовой, закрыть окна и двери и наблюдать за французскими окнами. Я позвоню мистеру Паркеру около восьми. Да, и можете ли вы одолжить мне ключ от оранжереи? У меня есть гипотеза на этот счет.

Старший инспектор вручил ему ключ, и его светлость отбыл.

Компания, собравшаяся в столовой, не была склонна к общению. В сущности, разговор поддерживали только полицейские, обменивавшиеся непринужденными воспоминаниями о рыбалке. У мистера Пейна вид был чрезвычайно сердитый, братья Гримболды курили сигарету за сигаретой, кухарка и дворецкий нервно балансировали на краешках своих стульев. Поэтому все испытали облегчение, когда зазвонил телефон.

Паркер взглянул на часы, встал и направился к аппарату, попутно заметив: «Семь пятьдесят семь». От него не укрылось, что дворецкий провел носовым платком по дрожащим губам.

– Не сводите глаз с окон, – напомнил он, вышел в холл и снял трубку. – Алло.

– Это старший инспектор Паркер? – спросил голос, который был ему хорошо знаком. – Говорит камердинер лорда Питера Уимзи из лондонской квартиры его светлости. Будьте любезны, не вешайте трубку. С вами хочет поговорить его светлость.

Паркер услышал, как трубку положили рядом с аппаратом, потом снова взяли, и до него донесся голос Уимзи:

– Привет, старина. Вы еще не нашли машину?

– Нам сообщили о некой машине, – осторожно ответил старший инспектор, – которую видели в пяти минутах ходьбы от придорожной гостиницы на Великой северной дороге.

– Номерной знак ABJ 28?

– Да. Откуда вы знаете?

– Просто я предположил, что это может быть она. Ее взяли в аренду в одном лондонском гараже вчера в пять часов дня и вернули незадолго до десяти. Вы отследили передвижения миссис Уинтер?

– Да. Сегодня вечером она сошла с парохода, прибывшего из Кале. Так что с ней, видимо, все в порядке.

– Я так и думал. А теперь слушайте. Знаете ли вы, что дела Харкорта Гримболда вовсе не так уж хороши? В июле он оказался в критическом положении, но кто-то пришел ему на помощь… Возможно, дядя, как считаете? Там все очень подозрительно, по словам моего информатора. И еще мне совершенно конфиденциально сообщили, что по нему сильно ударил крах компании «Биггарс-Уитлоу». Но, разумеется, теперь, благодаря дядиному завещанию, у него не будет проблем с деньгами. Вероятно, июльские события и довели дядю до сердечного приступа…

В трубке послышался хрустальный музыкальный перезвон, а вслед за ним восемь мелодичных ударов.

– Слышите? Узнаете? Это большие французские часы у меня в гостиной… Что? Хорошо, мисс, дайте мне еще три минуты. Спасибо… Паркер, с вами снова хочет поговорить Бантер.

В трубке что-то зашелестело, потом разговор учтиво продолжил Бантер:

– Его светлость просил меня попросить вас, сэр, сейчас же идти в столовую.

Паркер повиновался. Когда он вошел в комнату, первым его впечатлением было: шесть человек сидят точно так же, как сидели, когда он выходил, полукругом, выжидательно устремив взгляды на французские окна. Потом беззвучно открылась дверь в библиотеку, и в столовую вошел лорд Питер Уимзи.

– Боже милостивый! – непроизвольно воскликнул Паркер. – Как вы сюда попали?

Шесть голов резко повернулись в сторону двери.

– На гребне световых волн, – ответил Уимзи, приглаживая волосы. – Я пролетел восемьдесят миль со скоростью света, чтобы присоединиться к вам.

– На самом деле все было довольно очевидно, – сказал Уимзи, когда были взяты под стражу Харкорт Гримболд (который отчаянно сопротивлялся) и его брат Невилл (который упал в обморок и был приведен в чувство только с помощью бренди). – Это должна была быть брат-

ская парочка. Они в нужный момент находились настолько в других местах, что можно даже сказать – в иных «пространствах сжатий». Убийство могло произойти только между семью часами пятьюдесятью семью минутами и восемью часами шестью минутами, и значит должен был быть резон в том долгом телефонном разговоре о вещах, которые Харкорт прекрасно мог объяснить по приезде. А убийца должен был пробраться в библиотеку до семи часов пятидесяти семи минут, иначе его увидели бы в холле – если только Гримболд не впустил его через французское окно, что маловероятно. И вот как они все устроили. Харкорт выехал из города в арендованной машине без водителя около шести часов. Придумав какое-то объяснение, он остановился у придорожной гостиницы. Полагаю, там его никто не знал?

– Никто. Это новая гостиница, она открылась только в прошлом месяце.

– Вот оно что! После этого он прошел оставшиеся четверть мили пешком и прибыл сюда в семь сорок шесть. Было темно, возможно, на нем были галоши, чтобы бесшумно пройти по дорожке. Он вошел через оранжерею, воспользовавшись дубликатом ключа.

– Как он заполучил ключ?

– Тогда, в июле, когда мистер Гримболд болел, снял дядин ключ со связки и сделал копию. Наверняка для дяди было шоком услышать, что его дорогой племянник в беде, это и спровоцировало сердечный приступ. Харкорт был тогда здесь – вы помните, что только за Невиллом «пришлось посылать» – и, полагаю, дядя заплатил, но на определенных условиях. Едва ли он стал бы погашать его долги еще раз, тем более что он подумывал о браке, и Харкорт наверняка боялся, что, женившись, дядя изменит завещание. Мало того, он мог еще обзавестись наследниками, и что тогда делать бедному Харкорту? Со всех точек зрения было лучше, чтобы дядя расстался с жизнью поскорей. Итак, был сделан дубликат ключа и созрел план, для помощи в осуществлении которого имелся брат Невилл, «готовый на все ради мистера Харкорта». Я склонен думать, что Харкорт совершил нечто более серьезное, нежели просто потерял деньги, а у Невилла могли быть и свои неприятности… Ладно, на чем я остановился?

– Он вошел через оранжерею, воспользовавшись дубликатом ключа.

– Ах да. Я сам вошел сегодня в дом тем же образом. Харкорт спрятался в оранжерее, откуда мог видеть, когда дядя Уильям пойдет в столовую, потому что в библиотеке должен был погаснуть свет. Вы же понимаете, что дядину домашнюю рутину он знал очень хорошо. В темноте библиотеки, заперев за собой входную дверь, он ждал возле телефонного аппарата звонка от Невилла из Лондона. Когда трель стихла, он поднял трубку. Как только Невилл сказал свои несколько слов, вступил Харкорт. Никто не слышал его через эти звукопоглощающие двери, и Хэмуорти не мог знать, что он говорит не из Лондона. Вообще-то, с технической точки зрения он говорил из Лондона: поскольку аппараты подключены параллельно, звук мог идти только через станцию. В восемь часов пробили часы на Джермин-стрит – еще одно доказательство, что Лондон по-прежнему на связи. Как только Харкорт это услышал, он снова «подозвал к телефону» Невилла и повесил параллельную трубку, «утопив» щелчок разъединения в шуме, произведенном Невиллом в своей трубке. Дальше Невилл долго отвлекал Хэмуорти пустой болтовней о своей одежде, давая возможность Харкорту пройти через кульминацию своего плана: он вошел в столовую, заколол дядю и вышел через французское окно. У него было добрых пять минут, чтобы добежать обратно до машины и уехать. А пререкания взаимно подозревавших друг друга Хэмуорти с Пейном дали ему еще несколько дополнительных минут.

– А почему он не вышел тем же путем: через библиотеку и оранжерею?

– Он надеялся, что все подумают, будто убийца проник через окно. Тем временем Невилл выехал из Лондона в восемь двадцать на машине Харкорта и, проезжая через Уэлвин, намеренно привлек внимание и полицейского, и механика в мастерской к номерному знаку автомобиля. В условленном месте вскоре после Уэлвина он встретился с Харкортом, довел до его сведения подробности своего «приключения» с задним габаритным огнем, и они поменялись машинами. Невилл вернулся в город на арендованной машине, а Харкорт – сюда, на своей.

Однако боюсь, что вам трудно будет найти орудие убийства, дубликат ключа, окровавленную одежду и перчатки Харкорта: скорее всего, Невилл забрал это все и отвез в город, теперь вещи могут быть где угодно. В конце концов, в Лондоне есть хорошая глубокая река.

Шагающая Причуда

– Ждать ли мне вас в следующую среду, как обычно, на шахматную партию? – спросил мистер Меллилоу.

– Конечно-конечно, – ответил мистер Крич. – Очень рад, что вы не держите зла за проигрыш, Меллилоу. В следующую среду, как всегда. Если только… – его массивное лицо омрачилось на миг, как будто от какого-то неприятного воспоминания. – Может быть, ко мне приедет один человек. Если к девяти меня не будет, не ждите. В этом случае я приеду в четверг.

Мистер Меллилоу выпустил своего гостя через французское окно-дверь и смотрел, как тот пересекает лужайку до калитки, ведущей в сад. Стоял ясный октябрьский вечер, почти полная луна плыла по небу. Мистер Меллилоу сунул ноги в галоши (он тщательно следил за своим здоровьем, а трава была мокрой) и сам пошел мимо солнечных часов и пруда с рыбами через сад в низине, пока не дошел до забора, который огораживал его маленький фригольд[56] с юга. Облокотившись на перила, он смотрел через неширокую долину на бурную речку и пологий склон за нею, увенчанный вычурной каменной башней, известной под названием Причуда. Долина, склон и башня принадлежали Страйдинг-Холлу. Сейчас, в лунном свете, они выглядели мирными и прекрасными, словно ничто не могло потревожить их волшебного уединения. Но мистер Меллилоу знал, что это не так.

Он купил коттедж, чтобы в положенный срок встретить в нем конец своих дней, считая, что этот уголок Англии не подвержен переменам: таким же, как сегодня, он был вчера, будет завтра и всегда. Странно, что он, шахматист, оказался неспособен заглянуть на три хода вперед. Первым ходом была смерть старого сквайра. Вторым – скупка Кричем всех владений Страйдинга. И даже тогда Меллилоу не сообразил, зачем богатому бизнесмену – неженатому, не имеющему склонности к деревенской жизни – селиться в таком захолустье. Правда, в нескольких милях отсюда находилось три довольно больших города, но их деревушка располагалась на дороге, ведущей в никуда. Глупец! Он забыл о линии электропередачи! Словно гигантская уродливая шахматная ладья, она выскочила оттуда, откуда никто не ожидал, и начала свое шествие по округе, одним шагом переступая через четыре, шесть, восемь приходов и водружая свои вышки-колоссы – якобы знаки прогресса. И вот теперь подобралась к порогу мистера Меллилоу.

Крич совершенно спокойно сообщил, что продает долину электрической компании, на реке будет построена огромная гидроэлектростанция, на склоне – домики для рабочих, и начнется Преобразование, второе имя которому для мистера Меллилоу было дьявол. Ирония заключалась в том, что мистер Меллилоу единственный во всей деревне принял Крича доброжелательно, прощая ему вульгарный юмор и неделикатные манеры, потому что считал его одиноким, верил в его добрые намерения и был рад иметь соседа, с которым можно было раз в неделю поиграть в шахматы.

Домой он вернулся грустным, поставил галоши на обычное место – на веранде возле французского окна, – убрал шахматные фигуры, выпустил погулять кота и запер дом, потому что жил один, домработница приходила только днем. После этого он поднялся в спальню, лег, размышляя о Причуде, и в конце концов заснул.

Ему снилось, что он стоит в месте, которое кажется ему очень знакомым: широкая долина, пересеченная живыми изгородями, посредине течет река, над ней изогнулся маленький каменный мост. Над головой тяжело нависают гигантские сизые тучи, наэлектризованный воздух неподвижен, как бывает перед грозой. Вдали, за рекой, багровый луч солнца, пробившись сквозь тучи, с театральным эффектом высвечивает высокую сиротливую башню. Пейзаж

[56] Фригольд – форма собственности, при которой строение и земля под ним принадлежат одному собственнику.

казался странно нереальным, словно нарисованным на холсте. Это была картина, и он отдавал себе отчет в том, что точно знает руку и может назвать имя художника. «Спокойствие и сдержанность», – пришло ему в голову. А следом: «Но они вот-вот взорвутся». И наконец: «Я не должен был выходить без галош».

Почему-то ему было важно, даже совершенно необходимо дойти до моста. Но чем быстрее он шел, тем бóльшим становилось расстояние, и идти без галош было очень трудно. Он то увязал по колено, то спотыкался и скользил на крутом сланцевом берегу, а воздух был не просто удушливым, он был *раскаленным,* как в печной топке. Теперь мистер Меллилоу уже бежал, с трудом хватая ртом воздух, а когда поднял голову, с изумлением увидел, что находится рядом с башней. Мост на горизонте казался фантастически маленьким, не больше булавочной головки, башня возвышалась перед ним на другом берегу реки. А справа, совсем близко, темнел лес, которого там раньше не было.

Что-то мелькало на краю леса, то высовываясь, то снова прячась в нем, словно шустрый кролик, и теперь лес располагался между ним и мостом, а башня по-прежнему рдела за мостом в неестественном свете солнечного луча. Он стоял на берегу, но моста уже не видел, а башня… башня двигалась. Она пересекла реку, перемахнула через лес одним гигантским прыжком и теперь находилась на расстоянии не более пятидесяти ярдов, необозримо высокая, сияющая и разрисованная. Он побежал, уворачиваясь и петляя, но она сходу перешагнула поле, и, обернувшись, он увидел ее прямо перед собой. Башня оказалась двойной, это были башни-близнецы: она и ее зеркальное отражение. Быстро, угрожающе они надвигались с двух сторон, чтобы раздавить его. Задыхаясь, он стоял между ними, как в ловушке. Он видел их гладкие желтые стены, сужающиеся по мере приближения к небу, а внизу, у их подножия, происходило какое-то пугающее движение: как будто там, скорчившись, дрожал чудовищный кот.

Тут вдруг низко нависающее небо разверзлось, как затворы шлюза, и сквозь завесу ливня он впрыгнул в открывшийся перед ним дверной проем в основании башни, а в следующий момент обнаружил, что поднимается по знакомой лестнице шагающей Причуды. «Тут я наконец найду свои галоши», – с чувством большого облегчения сказал он себе. Вдруг молния, как ножом, рассекла небо, сверкнув в бойнице, и он увидел мертвого черного ворона, лежавшего на ступеньке. Прогремел гром, как раскат барабанной дроби.